

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ИНСТИТУТ ЧЕЧЕНСКОЙ И ОБЩЕЙ ФИЛОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЧЕНСКОЙ

И ОБЩЕЙ ФИЛОЛОГИИ»

(«ДЕШЕРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016»)

Грозный 2016

УДК 80
ББК 80

Редакционная коллегия:

Сердюкова Е.Ф., Хусиханов А.М.,
Овхадов М.Р., Бачалова И.Б., Солтаханов И.Э.

Ответственный редактор:

доктор педагогических наук, профессор
Арсалиев Ш.М-Х.

Материалы Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и чеченской филологии» («Дешериевские чтения 2016») (20 апреля 2016 г.). – Грозный, 2016.

В сборник включены материалы, представленные на Международную научную конференцию «Актуальные проблемы общей и чеченской филологии» («Дешериевские чтения – 2016»), состоявшейся 20 апреля в Институте чеченской и общей филологии Чеченского государственного университета. Материалы отражают различные аспекты современного состояния филологической науки, уровень изученности актуальных проблем современных литератур и языков в контексте международного взаимодействия.

В публикуемых материалах также нашли отражение результаты научно-исследовательской работы специалистов в области педагогики, психологии и методики преподавания языка и литературы.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-91127-214-2

© Институт чеченской и общей филологии
© Чеченский государственный университет, 2016

УДК-82.0 (470.6)

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В ЛИРИКЕ У.Д. ЯРИЧЕВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ПОЭЗИИ**

З.М. Ахмадова,

Чеченский государственный университет

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию сборника У. Яричева «Между прошлым и будущим». В данной статье исследуется тенденция, определившая качество поэзии У. Яричева. Изучив творчество одного из современных чеченских поэтов, автор приходит к мысли, что в творчестве поэта центральное место занимает философская лирика, включающая стихотворения, посвященные теме экологии, в которых поэт обращается к актуальнейшей проблеме современного общества. Автор статьи утверждает, что поэт, выступая прорицателем, предупреждает человечество о неминуемой грядущей катастрофе.*

***Ключевые слова:** Основная тенденция, объект поиска, философские тексты, этико-философские тексты, экология, экологическое сознание, окружающая среда, технический прогресс, комфорт, цивилизация, экологическая катастрофа, философские размышления, актуальная проблема.*

**ENVIRONMENTAL ISSUES IN THE LYRICS UD YARICHEVA AS.A
REFLECTION OF THE BASIC TENDENCIES OF DEVELOPMENT
OF MODERN CHECHEN POETRY**

Z.M. Ahmadova,

The Chechen State University

***Abstract.** In this article explores the trend, determined the quality of the poetry of Umar Yarichev. After studying the creativity one of the modern Chechen poets, the outer understands that in creativity of the poets the central place takes the philosopher lyric, including poems about ecology, where the poet turns to the most actual problem of the modern society.*

The author of the article says that the poet is the foreteller, he warns the humanity about unavoidable future catastrophe.

***The key words:** The main tendency, the object of the searching (exploration object), the philosophical lyrics, the ethical-philosophical lyrics, ecology, ecological consciousness, the environment, the technical progress, comfort, civilization, the environmental disaster, philosophical reflections, actual problem.*

Умар Денелбекович Яричев – известный чеченский современный поэт. Читатель знает его как поэта-мыслителя. Однако творчество его практически не исследовано. Между тем проблемы, затрагиваемые автором в лирике, отражают основные тенденции развития современной кавказской русскоязычной поэзии: вектор исследования мира и человека переместился в направлении философской лирики, когда основные вопросы современности рассматриваются сквозь призму вечных тем; появляются произведения, которые можно отнести к лирике медитативной; читатель оказывается соавтором текста, появляется возможность более свободной интерпретации стихотворения. В статье исследуется лишь одна тенденция, которая во многом определила качество поэзии У.Д. Яричева. Объектом исследования стал сборник «Между прошлым и будущим». Философская лирика в его творчестве занимает центральное место. В русле этико-философской лирики Яричева можно выделить стихотворения, посвященные теме экологии. Такие стихотворения соединяют в себе элементы лирики пейзажной и философской. В них автор обращается к актуальнейшей проблеме современного общества.

Конец XX – начало XXI веков ознаменованы новым экологическим сознанием.

Тема загрязнения окружающей среды и, как следствие, неизбежности апокалипсиса особенно остро волнует человека. На смену технократическому мышлению приходит осознание его бесперспективности. В итоге технический прогресс, воспринимаемый в XX веке как примета высочайших достижений человеческого ума, оборачивается катастрофой – физической, моральной, мировоззренческой – для всей Земли. Недаром эта тема резко актуализируется в творчестве художников самых разных национальностей и стилей. Яричев не стал исключением: поэт чуткий, живо откликающийся на злободневные проблемы человека и общества, не мог обойти столь значимую тему. Так, в стихотворении «Каток» Яричев затрагивает сразу несколько смежных проблем. Стихотворение построено по принципу противопоставления мудрости природы и цивилизации; экологическую катастрофу поэт рассматривает как следствие катастрофы человеческой души:

Пока! Пока! – букашки, звери, птицы...
 Как жаль, как жаль, что надо возвратиться
 В уютную квартиру-конуру.
 Где царствуют по праву и без права
 Эрзац – продукты, пластик и металл! [3, с. 46].

Комфарту, созданному цивилизацией, Яричев противопоставляет естественное существование на природе. А блага технического прогресса, словно наркотики, приносят удовольствие, облегчение, по сути являясь сладким ядом, убивающим медленно и страшно. Поэт питает нетвердую надежду на спасение природы от страшного разрушителя – цивилизации. В трактовке Яричева, равно как и в понимании многих современных людей, цивилизация – не высшее проявление развития человеческих отношений, культуры и образования, а путь, неминуемо ведущий к пропасти: «А вот и осень из пожухлой меди /Укроет землю, за листком листок.../И пусть до вас, родные, не доедет /Большой цивилизации каток [3, с.47].

В стихотворении «Что станется» Яричев безжалостно клеймит человека как безответственное и жестокое существо. Сравнивая себя с живыми тварями, поэт признает родство происхождения. Хотя бы по форме:

...Мне в этом мире – все родня,
 Кто на меня хоть чуть похожий
 Глазами, ухом или ртом...
 Вся живность... как ни есть... какая,
 (Пью, ем... Они едят, лакают)
 И даже павиан с хвостом
 Со мною чем-то в чем-то схож,
 Хотя бесхитростней и проще... [3, с. 100].

Что касается внутреннего содержания, то, согласно представлениям поэта, животные никак не ниже человека. Наоборот, их бесхитростные чистые души не знают злобы, алчности, мести. Тогда как человек со всеми своими амбициями, научными и культурными достижениями, по мнению автора, просто «болезнетворный вирус мира». Яричев развенчивает формулу о том, что человек – венец творения, царь природы: «Мы – человеки – Вы и Я –/Убийцы фауны и флоры [3, с. 100].

Мысль о том, что человек – существо с нарушениями в генетическом коде, популярна в современном альтернативном естествознании и некоторых эзотерических практиках. Существует мнение, что «первородный грех», о котором рассказывает Библия, и есть то самое нарушение, которое привело человечество к разладу с природой, Богом, самим собой, и, скорей всего, приведет к апокалипсису. В этой связи также актуализируется вопрос о познании добра и зла, дуальности мышления и чувствования, раздельности себя и Бога. Но природа, как самоочищающаяся, следующая законам божественной гармонии система, рано или поздно должна

восстановить справедливый миропорядок. На это не раз намекает в своем творчестве Яричев:

Природа... Мы - ее «венец»... -
Я мыслю, (стоя на уступе!)
Что станется, когда наступит
Ее терпению конец?! [3, с. 100].

Стихотворение «Травинка» - образец философских размышлений поэта на тему природы, экологии, места человека в этом мире, о круговороте жизни. Лирический герой произведения выступает защитником травинки, не давая ее скосить коменданту: «Эй, комендант, взгляни на эту землю.../Ты хоть одну травинку защитил?!» [3, с. 140].

Поэт выступает прорицателем и прорицателем, предупреждая человечество о неминуемой грядущей катастрофе. И предсказания эти совершенно конкретные, основанные на реальных событиях, свидетелями которых мы становимся ежедневно, узнаем о них из СМИ и т.д. Все это делает поэзию Яричева не абстрактно-философской, а исключительно конкретной и современной: «Мы накануне грозных бед... Недаром.../И видим знаки бездны каждый год.../Снега, землетрясения, пожары» [3, с.139].

Объясняя и читателю, и самому себе странное, казалось бы, рвение, спасти одну травинку, Яричев поднимается на высочайший уровень осмысления единства всего сущего. Если в других стихах его точила тоска о бессмысленности существования, о невозможности чуда, то здесь само вдохновение дает Яричеву прозрение, и читатель становится свидетелем постижения великого закона физики, да и самой жизни – ничего не приходит из ниоткуда и не уходит в никуда. Поэт открывает этот закон заново: «смешалось в жизни все...Судьба и годы... /Жить, умереть! Воспрянуть в чем-то вновь» [3, с.140].

Еще отец квантовой физики Макс Планк в середине XX века связывает воедино все сущее. А Карл Прибрам – выдающийся нейрофизиолог и автор труда «Язык мозга», физик и коллега Эйнштейна Дэвид Бом независимо друг от друга создали теорию, описывающую Вселенную как целостную систему, объединенную не всегда очевидными связями. «Бом утверждал, что все вещи и явления только кажутся обособленными, в действительности же они связаны между собой на глубинном уровне высшей целостности – скрытого порядка, который просто недоступен нашим органам восприятия» [2, с. 12].

С точки зрения Бомы, все, что мы можем наблюдать в окружающем мире – это проекция чего-то более реального, происходящего на глубинном уровне мироздания в области скрытого и подлинного бытия. Согласно такому подходу, «как внизу, так и вверху, как внутри, так и вовне» [2, с. 13].

Это теория получила название голографической модели или голографической парадигмы вселенной. И исследования в области современного естествознания двигались во многом в русле этой теории. «Бом и Прибрам убедились в справедливости голографической теории вселенной, они увидели, что данная теория способна пролить свет на множество иных загадок, встречающихся в природе... Самым поразительным в отношении голографической модели вселенной оказалось то, что она вдруг открыла природу и механику многих явлений, ранее ускользавших от объяснения – таких, например, как телепатия, предсказания, мистическое чувство единства со вселенной...» [2, с. 12].

Подобные мысли, только в оправе поэтического дара Яричева, мы встречаем и в его лирике. Поэт не научным путем, но своим, интуитивным, свойственным тонкому художественному восприятию, приходит к выводам и открытиям, сделанным современной наукой:

Кто за окном? – я или целый мир?

И кто внутри? – Огромный мир ли? Я ли?
Ни точности, ни следствий, ни причин...
Ни веры, ни обмана, ни смятений...
Ни рыб, ни птиц, ни женщин, ни мужчин...
Все проходяще, все – живые тени [3, с. 48].

Так подтверждается мысль Ю. Лотмана: «Тоннель копаются с двух сторон», ученый имеет ввиду науку и искусство. Подобным образом представляли вселенную различные религии и учения. Грегг Брэйден говорил по этому поводу: «Идея о том, что мир – это всего лишь зеркало событий, происходящих в высшей или глубинной реальности, встречается во многих традициях – от индийских Вед до Свитков Мертвого моря, созданных за 2000 лет до н.э.». Переводчик Песен жертвоприношения Шаббата суммирует содержание этого фрагмента Свитков Мертвого моря...: «Все, что происходит на земле – лишь бледное отражение великой, первоначальной реальности» [1, с. 14]: «Двойное дно, куда ни посмотри/И явь, и сон – придуманная сказка/Натура наша скрыта в нас внутри,/А то, что видим мы – всего лишь маска...» [3, с. 48].

Экологическая тема в сборнике У.Д. Яричева встроена в философскую лирику, вечные темы соседствуют с современными. Такой сплав делает его произведения легко узнаваемыми и привлекательными для читателя. У.Д. Яричев выходит за рамки узко национальных вопросов. Поэт мыслит масштабно, идет путем эстетического проникновения в философскую лирику и эмоционального понимания актуальных проблем общества и времени.

Литература:

1. Брейден Г. Божественная матрица: время, пространство и сила сознания. М.: ООО София, 2008.
2. Талбот М. Голографическая вселенная: новая теория реальности. М.: ООО София, 2011.
3. Яричев У.Д. Между прошлым и будущим: Стихотворения. М.: Валторна, 2011.

УДК 82-3

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД БАЛЬЗАКА («СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ», «ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ»)

И.Б. Бачалова,

Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается социальная практика, которая дала Бальзаку материал для наблюдений и выводов. Творчество Бальзака раскрывает его как истинного новатора. Новизной и смелостью отличается выбор жизненного материала, что мало и редко практиковалось во французской литературе того времени.

Ключевые слова: реализм, реалистический метод, принцип собственности, социальная утопия, политические взгляды Бальзака, тема денег. В своих произведениях Бальзак делает вывод – обвинение капиталистического мира.

REALISTIC METHOD OF BAL'ZAKA («RURAL DOCTOR», «EVGENIYA GRANDE»)

I.B. Bachalova,

The Chechen State University

Annotation. Social practice which gave Bal'zaku material for supervisions and conclusions is examined in the article. Creation of Bal'zaka exposes him as a veritable innovator. The

choice of vital material differs a novelty and boldness, that little and rarely practiced in French literature of that time.

Key words: *realism, realistic method, principle of property, social utopia, political looks of Bal'zaka, theme of money. In the works Bal'zak draws conclusion – prosecution of the capitalist world.*

Произведения Бальзака давно уже стали для нас образцом литературного реализма. Между тем представления о жизни, философия и политические взгляды Бальзака, по меньшей мере, устарели. Что же осталось? Осталось великое мастерство, которому нужно учиться.

Реалистический метод Бальзака складывается именно в 30-е годы – в годы все усиливающихся народных движений во Франции и выступлений пролетариата, когда уже со всей четкостью обнаруживаются основные противоречия буржуазного общества, раскрывается их непримиримость, когда становится ясным характер июльской монархии, сложившейся как циничный союз финансовой и земельной аристократии, всевластия ростовщиков. Сама социальная практика оплодотворяет творчество писателя, дает ему материал для наблюдений и выводов.

Выводы, которые сами по себе вытекают из его реалистических произведений, уже в этот период – **обвинительный акт капиталистическому миру**. Общество, в основе которого лежит только стремление к наживе, враждебно развитию личности, развитию культуры. Необходимо найти выход, «изобрести» какие-то средства спасения, открыть новые пути. Но в поисках выхода Бальзак оказывается бессильным. Он выступал против принципа буржуазной наживы, лежащего в основе капиталистического общества. И этот принцип был античеловечный. Однако Бальзак, не решаясь поднять руку на самое главное в буржуазном мире – принцип собственности, он не в силах сделать последовательных революционных выводов, он страшится их. И подобно многим современникам, писатель создает утопию о некоем сочетании лучших сторон феодализма и капитализма на основе современной буржуазной собственности.

Такая социальная утопия нашла отражение в романе «Сельский врач» (1833). Этот роман – своеобразное политическое кредо писателя. Свои иллюзорные рецепты «исправления общества он пытается воплотить в художественные образы.

Сельский врач господин Бенаси, человек, потерпевший личную катастрофу, покидает Париж и направляется в деревню, где берет на себя роль устроителя новой жизни в сельской общине.

В отсталом и заброшенном селе Бенаси насаждает промышленность прокладывает дороги, побуждает его жителей к усиленному строительству.

«Заселяя поселок, я создавал новые потребности, неизвестные до той поры этим беднякам. Спрос порождал промышленность, промышленность – торговлю, торговля – прибыль, прибыль – благосостояние, а благосостояние – полезные мысли.... Денежное обращение у всех вызвало желание иметь деньги, безразличие прекратилось, поселок пробуждался к жизни». Строятся фермы, мельницы, повышаются урожаи, население возрастает за несколько лет втрое. «Стремление к прибыли порождает предприимчивость, которая отныне стала побуждать моих промышленников вывозить товар из селения в кантон, а из кантона в департамент». Вскоре «все незаметно приняло большие размеры, и селение уже начало превращаться в небольшой процветающий городок». Вместо 137 домов появились 1900, из них «двенадцать богатых домов, 100 семейств состоятельных и 200 зажиточных. Остальные работают. Все грамотны». «Бедняков еще много, но работа найдется всем, никто не нищенствует».

Что мы здесь видим? По существу Бальзак проповедует здесь принципы капиталистического прогресса. А в основе любого прогресса – стремление к прибыли. Но они идеализируют, приукрашивают этот процесс, показывая только его положительные стороны и искусственно лишая его каких бы то ни было противоречий.

Пример процветания и роста идиллического селения, преуспевающего под руководством Бенаси, должен был, по мнению Бальзака, послужить образцом и назиданием всем кантонам Франции. Писатель считает, что только оздоровление промышленности может спасти страну. И глубочайшей иллюзией его является предположение, что этот путь разумного и планового «исправления» возможен при сохранении капиталистической собственности. Политическая система, которая, на его взгляд может быть приемлемой – это принцип сильной власти. Это должна быть такая власть, которая осуществляется группой людей, обладающих «превосходством ума, власти, богатства», обуздывающих, направляющих и воспитывающих трудовую массу.

«Из всего этого вытекает необходимость большого ограничения избирательных прав, необходимость в сильной власти, в могущественной религии, делающей богача другом бедняка предписывающей бедняку полную покорность». «Утопия Бальзака имеет реакционный характер, но знаменательно то, что ней содержатся и материалистические моменты, лежащие в основе его представления о развитии общества. Писатель ясно понимает, что имущественные отношения и интересы – это основа, на которой вырастает политика, этика и мораль, вкусы и убеждения. Но развитие этой основы он представляет все же как развитие капиталистическое.

В этой части своей «проповеди», где писатель критикует противоречия французского капитализма, где он обличает хищнические, нездоровые вожеления современных ему властителей общества и заявляет о необходимости оздоровления и поисков новых путей, он идет вместе с передовыми мыслителями эпохи, он понимает, что народ, обессиленный страданиями и нищетой, нуждается в облегчении жизни. Признавая, что Бальзак по своему отражает возрастающее недовольство широких масс создавшимся порядком вещей, но тут же он затемняет и извращает эти правильные послышки, делая реакционные и противоречивые выводы. Трезвый наблюдатель и разоблачитель попадает в плен иллюзий, он сам создает химеры в страхе перед возможностью революции.

Характерно, что в художественном отношении «Сельский врач» значительно слабее других реалистических произведений Бальзака, созданных в тот же период. Великий реалист здесь во многом изменяет себе самому, своим принципам объективности, беспощадной правдивости. Действие романа развивается вяло, в нем слишком силен элемент публицистический. По собственным признаниям Бальзака, роман этот дался ему с большим трудом.

В том же 1833 году, когда был написан «Сельский врач», Бальзак создает один из своих реалистических шедевров – роман «Евгения Гранде». Роман включается в серию «Этюды нравов 19 века». В нем писатель идет по центральной линии своих творческих исканий.

Пишет Бальзак по ночам. Подстегивая себя при помощи черного кофе, он неутомимо трудится при свете двух свечей в высоких канделябрах, облаченный в свое легендарное одеяние монашеского покроя – халат из белой шерсти, подпоясанный цепочкой венецианского золота. Днем он правит то, что написал ночью, и работает над корректурами. Подстегивают его в этом лихорадочном труде и неубывающие долги, и неумолимые кредиторы, и мечты о славе и богатстве; но главное не в этом, главной целью становится выполнение и завершение грандиозного творческого замысла, который начинает складываться у него именно в эти годы. Бальзак задумывает создание широчайшего эпического полотна, на котором должны быть запечатлены все классы, все стороны жизни современного ему французского общества. Он хочет быть секретарем истории, летописцем 19 века.

«Евгения Гранде» – это уже произведение зрелого мастера-реалиста.

Тема романа – злая сила денег, разрушающая истинно человеческое в человеке. Действие развивается в провинциальном французском городке. Наиболее значительный образ романа – скряга, накопитель, стяжатель-мономан, старый купец Гранде. Бальзак

прибегает еще к романтическим аксессуарам, рисуя ростовщика Гобсека неким своеобразным философом и поэтом, возвышающимся над окружающим миром, окутывая дымкой тайны его прошлое, подчеркивая особенное, исключительное в его облике. Создавая образ старика Гранде, в котором с громадной силой разоблачена сущность буржуазного накопительства, Бальзак также использовал прием гиперболизации, однако характер этой гиперболизации ближе к традициям Мольера, чем к принципам романтиков. При этом широта обобщения соединяется здесь с документальной точностью изображения, от которой писатель был еще далек в изображении Гобсека. Знакома читателя с «папашей» Гранде, Бальзак прежде всего детально описывает ту обстановку, в которой он живет и действует: улицу в провинциальном городке Сомюре, быт и нравы ее обитателей; затем следует краткая, но обстоятельная биография героя с приведением точных дат, причем в этой биографии писатель сразу же выделяет главное в жизни и личности Гранде – его карьеру накопителя. Необходимыми данными становятся скупые цифры – обозначение денежных сумм, показателей постепенного возрастания капитала.

Сорокалетний бочар Гранде женился на дочери богатого торговца лесными материалами и употребил приданое жены и собственные наличные деньги – две тысячи луидоров – на покупку виноградников. С того момента начинается история его неуклонного обогащения. В 1806 г., пишет Бальзак, «он вел хозяйство на ста виноградниках, которые в урожайные годы приносили ему от семисот до восьмисот бочек вина. У него было старое аббатство, где ради бережливости он заштукатурил окна, стрелки сводов и витражи, что их и сохраняло; да еще – сто двадцать семь арпанов лугов, где росли и увеличивались в размерах три тысячи тополей, посаженных в 1793 г. Наконец, дом, где он жил принадлежал ему». Перед нами точная деловая опись имущества, причем мимоходом подчеркиваются существенные детали, характеризующие Гранде: его бережливость, умелое употребление своих капиталов.

В описании образа жизни и внешности скряги автор обнаруживает замечательное мастерство очерковой зарисовки, точно выраженной реалистической детали: «Он никогда не производил никакого шума и, казалось, экономил на всем, даже на движении». «Перчатки прочные как у жандармов, служили ему двенадцать месяцев и, чтобы не пачкать, он клал их на поля своей шляпы, всегда на одно и то же место, заученным движением». Каждая черта здесь существенна; это не только описание, но в то же время характеристика. Обрисовав героя, Бальзак переходил к его дому и домочадцам. Изображение вещной обстановки служит писателю для характеристики действующих лиц. Вне этих вещей обитатели буржуазного мира не существуют. Вещи – раковина, на которой отпечатлелся облик владельца.

После обстоятельной экспозиции разворачивается действие романа. Оно необычно просто, никаких выдающихся событий, никаких усложнений в сюжетной линии. В мрачный дом старого скряги приезжает племянник, юный парижский щеголь. Его отец, брат Феликса Гранде, разорился. Единственный выход, чтобы спастись от долгов – самоубийство. Приезд племянника очень омрачил папашу Гранде. А вот Евгения, дочь Феликса Гранде, очень полюбила Шарля. Точка самого высокого напряжения в романе – это момент, когда Евгения отдает своему кузину все свое «состояние», все те деньги, которые дарил ей отец в день ее рождения. Самые сильные и драматические переживания связаны так же с этим моментом (страх дочери, негодование и ярость отца, страдания матери). Евгения ждет Шарля, который уезжая, поклялся ей в любви. Но и он становится продажным дельцом. Шарль обогатился на чужбине и очень скоро забыл кроткую провинциалку.

Папаше Гранде стремится только к обогащению. Он губит жизнь своих близких, загоняет в могилу жену. Только созерцание золота приносит ему радость. Да, Феликс Гранде довел свое состояние с помощью спекуляций и обмана до огромной цифры. Но все же и он умирает... Вспомним его красноречивое напутствие своей дочери перед

смертью: «Береги все! Ты дашь мне ответ там!».

Бальзак прослеживает рождение и развитие страсти к накоплению и показывает губительность ее действия.

Бальзак выступает в «Евгении Гранде» как истинный новатор. Новизной и смелостью отличается выбор жизненного материала, что мало и редко практиковалось во французской литературе того времени. Но еще больше новизны и смелости в самой разработке темы – в идейном содержании романа и тех художественных приемах, при помощи которых оно выявляется. В этом произведении уже отчетливо выступили главные черты бальзаковского реалистического метода.

Очерки Бальзака, как и все творчество великого реалиста, уже в середине XIX века выступавшего разоблачителем и обвинителем бесчеловечного, хищнического буржуазного общества, являются острым оружием прогрессивного человечества в борьбе за мир, против всёвозрастающей империалистической агрессии. [3].

Литература:

1. Бальзак О. Гобсек. Отец Горио. Евгения Гранде. Сборник сочинений. М., 1990.
2. Бальзак О. Предисловие к «Человеческой комедии» // Собр. соч. в 24 т. Т.1. М., 1990.
3. Ловцова О. В. Политические и социально-бытовые очерки Бальзака 30-х годов XIX века. Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина Т. LXXXVI. 1954 г. Учен. записки МГПИ им. Ленина, т. 86, каф. Зарубежной литературы, вып. 2. – М., 1954.
4. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. М., 1988.
5. Резник Р. О. Бальзак и его произведения. М., 1995.

УДК 82-3

СУДЬБА АВТОРА И РОМАНА «МУДРЕШКИН СЫН»

Б.А. Бичеев,

Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской Академии Наук

Аннотация. В 1924 г. в Москве была опубликована книга А.М. Хирьякова «Человек, которого зовут Антоном», представляющую собой литературную обработку устных воспоминаний известного калмыцкого борца за новую жизнь А.М. Амур-Санана. Вскоре после выхода этой книги тайно уехал за границу. Главный герой повествования оказался перед необходимостью самостоятельной переработки воспоминаний. В 1925 г. А. Амур-Санан издает автобиографический роман «Мудрешкин сын». До 1935 г. этот роман выдержал шесть изданий. Необходимость переиздания книги диктовалась тем, что в некоторых изданиях автор писал о людях, которые впоследствии были репрессированы. В 1937 году по доносу Амур-Санан был арестован и в апреле 1938 г. расстрелян в тюрьме г. Сталинграда. Несмотря на то, что автор был посмертно реабилитирован в 1956 г., его роман был заново переиздан только через десять лет после его реабилитации

Ключевые слова: калмыцкая литература, автобиографический роман, история издания, автор, репрессия.

THE FATE OF THE AUTHOR AND THE NOVEL «MUDRESHKIN SON»

B.A. Bicheev,

Kalmyk Institute for Humanities Research
Russian Academy of Sciences

Annotation. In 1924 in Moscow the book was published by A. M. Hiryaikov «A man named Anton». She imagined literary treatment of oral memories of the famous Kalmyk fighter for a new life. A. M. Amur-Sanan. Soon after the book Hiryaikov secretly went abroad. Amur-Sanan

are faced with the need for independent processing of memories. In 1925 he published the autobiographical novel «Mudreshkin son». Until 1935 novel the Amur-Sanan has withstood six editions. The necessity of reprinting the book was dictated by the fact that in some journals the Author wrote about people who were subsequently arrested. In 1937, denounced by the Amur-Sanan was arrested and in April 1938 he was executed in prison in Stalingrad. Despite the fact that A. Amur-Sanan was posthumously rehabilitated in 1956, the novel was reissued again only ten years after his rehabilitation.

Key words: *kalmyk literature, autobiographical novel, the story of the publication, the Author, repression.*

История создания некоторых произведений, сыгравших определенную роль в процессе зарождения национальных литератур в 1920-е – 30-е гг., все еще продолжает привлекать внимание литературоведов. Одной из таких книг трагической литературной судьбы является автобиографический роман «Мудрешкин сын», одного из основоположников новой калмыцкой литературы Антона Амур-Санана.

А.М. Амур-Санан (1888–1938) – прозаик, публицист, государственный и общественный деятель. Писал на русском языке. До революции учился в народном университете им. А.Л. Шанявского. Заведовал Калмыцким отделом при Народном комиссариате по делам национальностей в Москве. Его роман «Мудрешкин сын» впервые был опубликован в 1925 г. в Ленинграде. Обращаясь к истории публикации романа, исследователи сразу же сталкиваются с проблемой этического характера. Дело в том, что роман «Мудрешкин сын» не первое произведение, построенное на основе автобиографических воспоминаний А. Амур-Санана. В 1924 г. в издательстве «Земля и фабрика» была опубликована книга «Человек, которого зовут Антоном». Она представляет собой литературную обработку воспоминаний А. Амур-Санана, выполненных А. Хирьяковым. История появления книги «Человек, которого зовут Антоном», берет свое начало за несколько лет до публикации романа «Мудрешкин сын».

В 1922 г. тяжело больной А. Амур-Санан находился в Крыму. Впоследствии он напишет: «Сознание плохо мирилось с тем, что, вот, скоро не будет меня, и всем моим думам и стремлениям придет конец. Хотелось жить и работать. Доктор П.Я. Соколов, старший врач санатория, где я лежал, предложил мне найти человека, могущего записать мои рассказы. Таким оказался писатель А.М. Хирьяков, который и записал мои воспоминания с моих слов» [1, с. 8].

А.М. Хирьяков (1863 – 1940) до революции был известным в литературных кругах писателем, литературным критиком, журналистом. По его словам, он «впервые увидел Амур-Санана в конце 1922 года в Ялте, где он лежал, едва оправляясь от тяжелой болезни». Идя навстречу его пожеланиям, он соглашается записать «нечто вроде завещания-автобиографии» [2, с. 12]. Однако после того, как А. Амур-Санану чудом удалось выжить потребность в «завещании» отпала. Тем не менее, запись воспоминаний продолжилась. О совместной работе А. Амур-Санана и А. Хирьякова свидетельствуют материалы фонда Хирьяковых, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Из писем, написанных А. Хирьяковым своей бывшей жене Е. Д. Хирьяковой, становится известным, что к началу июня 1923 года он вместе с А. Амур-Сананом приезжает в калмыцкую степь, чтобы продолжить запись и литературную обработку его воспоминаний.

Первое письмо из Калмыкии датировано 7 июня 1923 г. «И вот мы уже почти неделя, как процветаем в Башанте. Работа моя понемножку продвигается. Можно было бы пожелать большей быстроты, но это, вероятно, еще будет» [3, л. 12]. В следующем письме (22 июня 1923 г.) он сообщает: «Надеюсь, выехать отсюда в четверг на будущей неделе. Жизнь здесь не отличается разнообразием и состоит все из одной и той же работы, которая в сущности уже кончена и переписывается, но в тоже время и исправляется и дополняется. Очень сожалею, что нет у меня фотографического аппарата. Местный фотограф, он же фельдшер, и, вероятно еще что-нибудь, снимает очень плохо. Так что, книжка моя в иллюстрационном отношении будет страдать. Но

зато в отношении тексте она будет неплоха» [3, л. 15].

Последнее письмо, датированное 14 июля 1923 года, написано А.М. Хирьяковым уже из Ростова-на-Дону. «Наконец, я выехал из Башанты. ...12-го июля покинул калмыцкие степи... Что касается работы, то она могла бы длиться без конца, так как Антон Мудренович вдруг нет-нет да и вспомнит еще что-нибудь еще. Но я, наконец, запротестовал... Я сказал, что все эти эпизоды надо отложить для следующего издания и завел особую книжку для записывания вновь записываемых случаев» [3, л. 17].

Из содержания писем становится ясно, что совместная работа была важна как для А. Амур-Санана, так и для А. Хирьякова. Если у первого весь творческий опыт исчислялся лишь несколькими публицистическими статьями, то у А. Хирьякова, автора ряда произведений, изданных до революции, были свои трудности творческого плана. После событий 1917 г. А. Хирьяков так и не сумел влиться в новый литературный процесс. Предложение А. Амур-Санана записать его воспоминания предоставило ему возможность заявить о себе в современной литературе. Профессиональное чутье и жизненный опыт не подвели его. В воспоминаниях А. Амур-Санана он увидел то, что могло «представить большой интерес не только для его соплеменников, но и для русского и европейского читателя» [2, с. 12].

По возвращению в Москву А. Хирьяков активно включается в решение вопроса об издании книги. В своем письме от 12 августа 1923 года он пишет Е. Д. Хирьяковой: «Дела мои здесь всяческие о биографии Амур-Санана. Я тебе писал, что я ее пристроил. Но она до сих пор находится в цензуре» [3, л. 18]. Книга «Человек, которого зовут Антоном» под авторством А. Хирьякова вышла в свет в 1924 г. в издательстве «Земля и фабрика».

Выход книги в том виде, в каком ее издал А. Хирьяков, не мог не обеспокоить А. Амур-Санана. Проблема заключалась не в авторстве произведения, а в этичности ее формы. Если первоначально книга задумывалась как «завещание-автобиография», то в ходе совместной работы она должна была обрести форму автобиографических воспоминаний. Однако А. Хирьяков в окончательном варианте возвращается к форме «завещания-автобиографии». В предисловии к книге «Человек, которого зовут Антоном» он пишет: «Составляя мою книгу почти исключительно на основании рассказов Амур-Санана, я для большей живости придал ей форму автобиографии» [2, с. 13].

Та форма, которую в итоге придал своему произведению А. Хирьяков, вполне оправдана с точки зрения художественного приема, с помощью которого происходит драматизация содержания, усиливающая эмоциональное восприятие книги читателем. Для «русского и европейского читателя», не знавших А. Амур-Санана, книга преподносилась как последнее «завещание» умирающего от тяжелой болезни борца за новую национальную жизнь. Но для калмыцкого читателя, в широкой массе которого было хорошо известно имя А.М. Амур-Санана, это «завещание» было непонятно, тем более после его счастливого выздоровления. Особое неприятие вызвал текст небольшого «Посвящения», которое от имени «умирающего» А.М. Амур-Санана поместил в своей книге А. Хирьяков.

Все это привело к тому, что после выхода книги А. М. Хирьякова, в «Вестнике Калмыцкого Обкома РКП (б)» была напечатана критическая заметка представителя «революционной калмыцкой молодежи» некоего Т. Джавана. Критика были направлены не столько на саму книгу, сколько на главного героя, от лица которого велось повествование. «Весной прошлого года напечатана книжонка, которая, по мнению многих товарищей, зря вышла в свет, отняла напрасно время и силы писателя, время и средство типографии, да и самому «герою» доставила много хлопот. Принадлежит она перу неизвестного нам автора, некоего А.М. Хирьякова. Но сейчас мы не хотим вести речь о самой книге. Надеемся, что это вскоре тоже будет сделано. Мы хотим обратить внимание на гораздо меньшее, но, тем не менее, весьма ха-

ракетное для самого героя повести – А. Амур-Санана. В этой книжонке после предисловия автора есть маленькое обращение, подписанное внизу: «Амур-Санан». Герой повести озаглавил его «посвящение», ... всего на одной маленькой страничке Амур-Санан ухитрился вместить в него столько гнилой мещанской морали, что воистину приходится удивляться его чудесному “вдохновению”» [4, с. 139].

Этот критический отзыв был первым тревожным сигналом для А. Амур-Санана. Ситуация осложнилась еще и тем, что вскоре после издания книги «Человек, которого зовут Антоном», А. Хирьяков тайно уехал за границу. Выехав на Дальний Восток по заданию «Рабочей газеты» он через Шанхай перебрался в Европу. Обосновался в Париже, а потом поселился в Варшаве. В январе 1925 г. он напишет бывшей жене из Парижа: «Когда будешь в «Земле и Фабрике» спроси их, пожалуйста, собираются ли они печатать вторым изданием моего «Антон» [3, л. 54]. В 1936 г. в своем письме из Варшавы А. Хирьяков спрашивает у Е. Хирьяковой: «... не знаешь ли ты современный адрес Амур-Санана?» [3, л. 177].

В сложившихся обстоятельствах А. Амур-Санан оказался перед необходимостью срочной переработки изданного А. Хирьяковым «завещания-автобиографии». Ему предстояло самостоятельно решить сложную творческую задачу – отойти от простого изложения своей жизни и отразить те исторические события, непосредственным участником которых ему довелось быть. В ходе работы над своей книгой, А. Амур-Санан изменил в тексте «вкравшиеся неточности», исключил из воспоминаний то, что ему представлялось «чуждым по духу», «дополнил ее рядом подробностей из быта калмыцкого народа». Автору удалось продвинуться в сторону изменения формы произведения. Он убирает из романа описание личных переживаний, излишнюю эмоциональность, придавая своим воспоминаниям документальный характер. От издания к изданию (до 1935 г. роман выдержит шесть изданий) он будет работать над книгой, прежде чем она обретет окончательную художественную форму автобиографического романа-хроники.

Книга А. Амур-Санана под названием «Мудрешкин сын» выйдет в 1925 г. в Ленинграде в издательстве «Прибой». В предисловии он напишет: «В первом издании эта книга вышла под названием «Человек, которого зовут Антоном». Ныне я меняю название моей книги и называю ее «Мудрешкин сын» «Отдавая должное А. Хирьякову, автор «Мудрешкиного сына» отметит: «Несмотря на все недостатки книги «Человек, которого зовут Антоном», не могу не принести сердечную благодарность А. М. Хирьякову, которому обязаны появлением в свет мои воспоминания» [1, с. 10].

В ходе подготовки своей книги автобиографических воспоминаний к изданию А. Амур-Санан знакомится с Ф. Раскольниковым, которая в итоге оказалась такой же роковой в судьбе писателя, как и встреча с А. Хирьяковым. Ф.Ф. Раскольников (1892 – 1939) – советский государственный и военный деятель, дипломат. В 1938 г. отказался вернуться в СССР и опубликовал открытое письмо к Сталину, в котором обвинял его в организации массовых репрессий. В предисловии к первому изданию романа «Мудрешкин сын» Ф. Раскольников напишет: «Книга тов. Амур-Санана имеет двойной интерес. С одной стороны, она в художественной, легко читаемой форме воспроизводит быт, нравы и психологию масс еще не вышедшего из патриархального родового быта калмыцкого народа. ...С другой стороны, книга тов. Амур-Санана, как автобиографический документ шаг за шагом обрисовывает процесс политического развития в сторону коммунизма одного из представителей социальных низов калмыцкого народа» [5, с. 6].

До 1935 г. роман А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» выдержит пять изданий, не учитывая издания романа в переводе на украинский язык в 1932 г. в Харькове. Необходимость переиздания книги диктовалась не только творческими поисками писателя, но и стремительными переменами, происходившими в политической жизни страны. В более ранних изданиях автор с симпатией писал о некоторых деятелях

страны (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев и др.), которые впоследствии были репрессированы. В двух главах своей книги «За что гибли?» и «По неведению в неведомую даль» он повествует о судьбе белого движения, о той части калмыцкого общества, которая оказалась впоследствии за границей. Автор приводит документальные выдержки из эмигрантской газеты «Утро России», материалы из книги Г.Н. Раковского «Гражданская война на юге России» (Константинополь, 1920), И. Калинина «Русская Вандея» (М.-Л., 1926), «Под знаменем Врангеля» (Л., 1925) и др. Все это не осталось без внимания со стороны цензоров и «доброжелателей».

Трудные поиски приемлемой формы для своего произведения, споры, разгоревшиеся вокруг книги после ее выхода в свет, неприятие ее многими представителями национальной интеллигенции доводило А. Амур-Санана до отчаяния. От безвыходности он обращается за помощью к М. Горькому. В своем письме от 30 марта 1932 г. он признается: «Кое-кому не нравится и самый жанр «Мудрешкиного сына»: писание в плане личных воспоминаний – утверждают они, узко субъективно. К сожалению моему, другой жанр мне не подвластен. ...Должен сознаться, Алексей Максимович, что нервы мои настолько истощены всем перенесенным за долгие годы неласковой жизни, что всякие выпады заставляют меня болезненно сжиматься, – и вот я обращаюсь к Вам – кто же больший судья! Может быть, и на самом деле махнуть рукой на литературные попытки. Научите, Алексей Максимович, как мне быть! ...Ваша оценка «Мудрешкиного сына» и замысла новой работы будет решающей. Если первая книжка и новая затея не нужны, моментально оставляю свои попытки, если же найдете в них что-нибудь положительное, то упорно продолжу работу» [6, с. 114].

Положительный отзыв М. Горького о книге в какой-то мере приостановил нападки на А. Амур-Санана со стороны некоторых литературоведов и представителей калмыцкой интеллигенции. Воодушевленный поддержкой А. Амур-Санан публикует повести «Аранзал» (1932 г.) и «В степи» (1935 г.). Повесть «В степи» была частью задуманного им нового романа «Преступление Эренджена». В 1935 г. он осуществляет шестое издание своего романа «Мудрешкин сын». Предисловие к этому последнему прижизненному изданию романа будет написано Карлом Радеком. Это было третье роковое для А. Амур-Санана знакомство. В 1936 г. Карл Радек, некогда активный сторонник Л. Д. Троцкого, был исключен из партии и арестован.

С выходом шестого издания романа «Мудрешкин сын» участь А. Амур-Санана была решена. Развязка не заставила себя долго ждать. В 1937 году по доносу А. Амур-Санан был арестован. Изъятый личный архив писателя пропал бесследно, как и рукопись только что завершеного нового романа «Преступление Эренджена». В апреле 1938 г. А.М. Амур-Санан был расстрелян во внутренней тюрьме г. Сталинграда.

Однако трагическая участь его романа на этом не завершилась. Несмотря на то, что А.М. Амур-Санан был посмертно реабилитирован в 1956 г., его роман был издан только через десять лет после его реабилитации. Причина столь запоздалого возвращения в калмыцкую литературу ее первого романа прикрывалась и все еще продолжает прикрываться тезисом о том, что книга написана не на национальном языке. На самом деле все обстоит гораздо прозаичнее. Те представители республиканского руководства, кто в свое время был подвергнут жесткой критике на страницах этого автобиографического романа, все еще обладали властью и влиянием в обществе. «Благодаря» их влиянию, роман А. Амур-Санана «Мудрешкин сын» вернулся в 1966 г. в калмыцкую литературу в «отредактированном» услужливыми цензорами виде и продолжает свое «не реабилитированную» существование.

Литература:

1. Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Л.: «Прибой», 1925. 197 с.
2. Хирьяков А. М. Человек, которого зовут Антоном (Жизнь калмыка). М.: «Земля и фабрика», 1924. 207 с.
3. РГАЛИ. Фонд 536. Хирьяковых А. М., Е. Д., А. А. Ф. Оп. 1.

4. Джаван Т. Что ни слово, то перл // Вестник Калмыцкого Обкома РКП (б). Астрахань, 1925. № 2–3. С. 139 – 143.
5. Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. М.: «Недра», 1931. 311 с.
6. Кабаченко Е. Антон Амур-Санан: Жизнь и творчество. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 129 с.

УДК 811.352.3 42

ЯЗЫКОВЫЕ ЧЕРТЫ ДИАЛОГА В РУССКОЙ И АДЫГСКОЙ ПРОЗЕ

М.К. Биданок,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

***Аннотация.** Данная научная работа рассматривает языковые черты диалогической формы изложения в литературном произведении. Опираясь на выявляемые в традиционной науке языковые особенности диалога, автор прослеживает эти черты в текстах писателей-классиков, затем – Советского Союза и Нового века, а также в национальной литературе (в прозе адыгского автора Х. Ашинова).*

***Ключевые слова:** диалог, речевой акт, коммуникация, проза, Россия, Адыгея*

LANGUAGE FEATURES OF DIALOGUE IN RUSSIAN AND ADYGE PROSE

M.K. Bidanok,

Adygei Republic Institute for Humanities Research
them. T.m. Keraševa

***Abstract.** This scientific paper discusses the language features of dialogic form of presentation in a literary work. Based on the detected in the traditional scientific language features dialogue, the author traces these features in the texts of classical writers, and then - the Soviet Union and the New century, as well as in the national literature (prose of adyge author H. Ashinov).*

***Key words:** dialogue, speech act, communication, prose, Russia, Adygea*

На языково-речевом пространстве русской прозы предыдущих веков ученые твердо и решительно выделяют такую неизменную модель межличностного общения как диалог. Он в понятийном отношении традиционно определяется как процесс передачи двумя и более индивидами фраз друг другу. Еще в русской драматургии XVIII в., например, в комедийных трудах Д. Фонвизина, такая коммуникационная манера отличалась имеющейся у нее реалистичной тональностью.

Исследователи более позднего времени продолжают эту направленность. К примеру, современный филолог, занимающаяся отечественной литературой более раннего времени, Л.И. Еремина непременно деталью соответствующей модели общения признает такие, очерчивая и прослеживая их достаточно разборчиво в текстах русского классика Н. Гоголя: «Всевозможные речевые и интонационные сломы: переспросы, обрывы речевого потока, взаимные «перебивы», наличие «пауз колебания», оснащенность эмоциональными частицами и междометиями – все эти частные особенности диалогического движения преследуют одну цель: вызвать сопереживание и соучастие читателя, убедить его в достоверности этой сцены» [4, с. 76]. При этом в последовавшем далее собственном становлении отечественная драма интенсивно использовала текущий реалистичный диалог, применяя его как один из инструментов представления социального статуса героя.

Непременной и неизменной диалогическую модель изложения исследователи признают для всей художественной литературы и XIX в., и XX в., а также и для

литературы нового времени. Присущим при этом и классикам, и советской, и современной прозе можно считать схему, в которой диалог опережает толкования автора, настраивает на них и погружает читателя в соответствующую среду. Содержащие диалог кадры, подразумевая свою собственную семантику, выглядят так: они представляют собой взаимосвязанные одна с другой реплики персонажей, периодически разбавляемые фразами рассказчика (рассказчика-героя или рассказчика-автора). Такая картина наглядно вырисовывает существующее в тексте фабульно-речевое строение. Диалогическое описание способно выявить характер той или иной фигуры, причем не только в случае ее непосредственного участия. Это возможно и в диалоге «о нем» тех или иных коммуникантов. Тем не менее такое вероятно и тогда, когда рассказчик сам komponует, выстраивает и излагает идущую переборку фраз. Подобный повествователь, будучи действующим героем, обнаруживает собственные чувства и раздумья в личном, интимном, менее распахнутом речевом акте.

Ведущее изложение фигура часто излагает в ходе него сформулированное им самим суждение о произносимой коммуникантами речи. Данную тенденцию можно достаточно наглядно проследить в прозе и предыдущих и нынешнего веков: и Л. Толстой, и М. Лермонтов, и М. Булгаков, и В. Пелевин весьма интенсивно используют персонажный обмен сообщениями. Причем делают они это для того, чтобы погрузить получателя в происходящее, включить его семантику описываемого, приучить его к существующим обстоятельствам и настроить его на идущее после беседы авторское комментирование. Непосредственно обмен репликами здесь характеризуется сжатостью, краткостью и отсутствием авторского вмешательства. Ему присуща диалогически отобранная лексическая черед.

Диалогическое изложение, идущее стержневой основой ряда кадров, абсолютно не приемлет отягощающую его ремарку. Высказывания и фразы нередко выстраиваются в пределах центральной синтаксической схемы. Это простое предложение, иногда могущее быть неполным. Техника придания героям живости, одушевления их в том и заключается в подобных ситуациях: требуется такими краткими и даже порой урезанными фразами воссоздать реальность в ее действительности. Таков, например, диалогический абзац из финала «Юности» Л. Толстого: «– Ну что, Грап, – сказал я Иленьке, когда он возвращался от стола, – набрались страха? / – Посмотрим, как вы, – сказал Иленька ...». И уже в финале данного предложения, в продолжение данной реплики наступает повествование рассказчика-героя, поясняющее мотивацию персонажа: «... который с тех пор, как я поступил в университет, совершенно взбунтовался против моего влияния, не улыбался, когда я говорил с ним, и был дурно расположен ко мне» [7, с. 338]. На примере реально просматривается характерная для диалога вообще краткость выражений, нераспространенность предложений. Причем созвучные с этим образцы текста, столь же идентично выстроенные и соответствующие данной модели отнюдь не сложно увидеть и в произведениях прочих отечественных авторов предыдущих и нынешнего столетий. Так, например, и в прозаических текстах М. Лермонтова присутствует и часто проступает диалог, опережающий авторское комментирование. Здесь («Герой нашего времени») также сначала герои перебрасываются вопросами-ответами или просто репликами, а затем, уже выплывая из них, вырисовывается суждение рассказчика: «– Мы давно не видались, – сказал я. / – Давно, и переменялись оба во многом! / – Стало быть, уж ты меня не любишь?.. / – Я замужем!... – сказала она. / – опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем... / Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали» [5, с. 525].

Представляемая нами в данной статье схема диалога ничуть не менее интенсивно прослеживается и в советской художественной литературе. Например, классик советского периода М. Булгаков предпочитает именно ее. В его прозе («Мастер и Маргарита») диалогические фрагменты также преимущественно опережают

авторские комментарии, опуская читателя в обстановку и снабжая его требуемыми в обстановке ощущениями: «– Умоляю, скажите, какой это город? / – Однако! – сказал бездушный курильщик. / – Я не пьян, – хрипло ответил Степа, – со мной что-то случилось... я болен... Где я? Какой это город? / – Ну, Ялта... / Степа тихо вздохнул, повалился на бок, головою стукнулся о нагретый камень мола. Сознание покинуло его» [2, с. 415]. Причем сохраняется указанная тенденция и в художественной литературе XXI в. Так, например, в художественном тексте В. Пелевина «Чапаев и пустота» – персонажный обмен репликами: «– Позвольте войти? – спросила она. / – Да, конечно, – сказал я, поднимаясь, – прошу вас, садитесь», и тут же – авторское комментирование: «Анна села в кресло – той секунды, когда она повернулась ко мне спиной, как раз хватило...» [6, с. 281].

Просмотрим данную современную тенденцию диалогического структурирования и в современной национальной прозе на художественном тексте Х. Ашинова. Вот, к примеру, привечающий гостей хозяин адыгского аула демонстрирует собственное гостеприимство. Пару реплик, произносимых героями, обязательно сменяет комментарий ведущего изложение рассказчика: «– Угощайтесь, я и после могу поесть, – скромно ответил Бислан. / «Понятно, к чему он клонит», – подумал Нурбий. / – Ну да ладно, и я с вами поем, – словно подслушав его мысли, решил Бислан. Он вышел и принес для себя еще две тарелки» [1, с. 128]. Либо в соседнем абзаце – вновь вопросно-ответный прием в диалоге и сменяющая его авторская ремарка: «– Что за Марта? Разве есть у нас такая река? / – а как же» Совсем недалеко отсюда, километров сорок. На берегу реки Марта стоят аулы Ассоколай, Нешукай, Джиджихабль.. / – А я и не знаю реки, где расположено столько аулов! / В голосе Нурбия слышалось сожаление» [1, с. 127].

Ну, а в целом, применительно к развитию событий внутри диалога исследователи предпочитают утверждать, что наиболее распространенный здесь механизм – это внутри-диалогический конфликт. Литература как предыдущих, так и нынешнего (технократического, мобильного) веков очевидным и бесспорным индивидуальным характером располагает чаще всего как раз в диалоге. Явно уже в XVIII в. пропитывающая диалог речевая форма исходила от противоположенных фигур. Поскольку она оказывалась принадлежащей как отрицательным (бандитским либо буржуйским), так и положительным (крестьянам либо трудящимся) героям. Подобный личностный задел очевидно проглядывает сквозь диалогический обмен мнениями, просматривается в жаркой перепалке. Особенно ощутим он на экспрессивной вершине, достигаемой в языково-изъявляемом конфликте, выстраиваемом в горячо волнующих участников условиях. В ходе аналогичного процесса общения начинают обладать носителями экспрессивно-персональные нестыковки и путаницы, разделяющие героев. Противоположавшимися одна другой являлись именно слои общества.

Конфликтные узлы следует считать основательными и могучими источниками движения для прогрессирования текущей в тексте фабулы. Таким, к примеру, выступает развитие отношений в повести Х. Ашинова «Укротивший молнию». Фабульные зигзаги, сюжетные повороты и личностные изгибы периодически сопровождаются обусловленными конфликтом диалогами, обнажающими возможное противостояние: «– А... старик, как это тебе удалось медведя убить?... / – Взял и убил. Напрасно, что ли, меня Мишеучем (авт. ст.: от адыг. Мышьэ – медведь, укЫн – убивать) зовут? – не без некоторого бахвальства ответил коротышка Мишеуч. / Да разве твое это дело – медведей убивать?» [1, с. 196]. Таким образом, возведенный на конфликтной базе фабульный ход нуждается в неизменной диалогической поддержке, в допустимой речевой (даже разговорной) форме поддерживающей и распаивающей межличностные батареи.

Как уже указывалось выше и как наглядно видно в приводимых нами

фрагментах, специфической чертой диалогического изложения можно считать краткость. Лаконичность в полной мере прослеживается в любом из диалогов на страницах классических литературных текстов. Практически стопроцентной вероятностью можно обозначить данный признак. Аналогично и в адыгской прозе. Вот, к примеру, первый же из избираемых в тексте Х. Ашинова диалог также являет собой образец текстовой краткости: «– Ну, наш гость, больше не дерись с медведем! / – А что случится? / – Все твое тело покроется шрамами. / – Ну и что же? Под одеждой их никто не увидит! / – Как это не увидит?» [1, с. 199].

Литература:

1. Ашинов Х.А. Сочинители песен: Повести. – М.: Сов. писатель, 1976. – 320 с.
2. Булгаков М. Избранные сочинения в двух томах. – Т. 2. – М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 1997. – 848 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы // Избранные труды. – Т. 5. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
4. Еремина Л.И. О языке художественной прозы Н.В.Гоголя. Искусство повествования. – М.: Наука, 1987. – 178 с.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 704 с.
6. Пелевин В. Чапаев и Пустота. Омон Ра. – М.: ВАГИРУС, 2004. – 448 с.
7. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность // Собрание сочинений в 22-х томах. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1978. – 422 с.

УДК 821.352.3.09

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОЗЕ Ю.ЧУЯКО

З.Х. Гучетль,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

Аннотация. В данной статье автор рассматривает отражение этнической идентичности в литературе, а именно в прозе адыгейского писателя Юнуса Чуяко.

Ключевые слова: этничность, идентичность, литература, менталитет, адыгейская литература, творчество, отражение, национальное.

NATIONAL ETHNIC IDENTITY IN THE PROSE OF YU CUACO

Z.H. Guchetl,

Adygei Republic Institute for Humanities Research
them. T.m. Keraševa

Abstract. In this article the author examines the reflection of ethnic identity in the Adyghe literature, namely the works of the Adyghean writer Yunus, Cuaco.

Key words: ethnicity, identity, literature, mentality works, Adyghe literature, creativity, reflection, national.

Проблема национальной идентичности в современном литературоведении является предметом актуальной дискуссии, в котором доминирующей остается мысль об ускорении слияния языков, нивелировании национальных особенностей литературы. Существует множество работ историков, социологов, психологов, которые, пользуясь научным инструментарием и методологией своих наук, подробно анализируют разные аспекты проблемы национальной идентичности, национального образа мира в литературе [3, с.1].

Известный российский философ и социолог И.С. Кон писал: «Национальный характер объективизируется в культуре... Образы художественной литературы

охватывают национально-типические черты глубже и многограннее, нежели научные формулы. Исследования этих образов в их динамике и социально историческом контексте дает исключительно много. Художественная литература показывает и многообразие национальных типов, и их конкретно-классовую природу, и их историческое развитие» [2, с. 228.].

Соглашаясь с высказыванием Кона, хочется отметить, что в каждой национальной литературе общая концепция человека преломляется по-своему, так как каждая литература имеет не только свою «географию действия», не только свои национальные имена, свою этнографию, но и изображает разные исторические судьбы народов, пришедших в наше сегодня разными дорогами; специфика окружающей природы у каждого народа своя, неповторимо своеобразен фольклор. Национально-этническая идентичность в единстве его общего и отдельного существует, меняясь во времени, с изменением исторических условий и социальных преобразований.

Цель нашего исследования – изучение способов и форм этнической идентификации в прозе Ю. Чуюко.

Юнус Чуюко является национально мыслящим прозаиком современной адыгской литературы. Его произведения пропитаны национальным этническим менталитетом. Автор тонко и в то же время настойчиво ставит в своей прозе проблему этнической идентичности, отношения к ней стариков и молодых.

Для анализа мы выбрали произведения Ю. Чуюко «Тайна Бечмиза» и «Кинжал танцора». В рассказе «Тайна Бечмиза» находим элементы национальной идентичности (адыгэ хабзэ), которые находятся на этапе видоизменения. Пожилой кузнец Бечмиз, узнав от соседа неприятную новость о молодой семье своего сына, оставляет работу и тут же едет в город разобраться. Дело в том, что сосед видел сына Бечмиза, который толкал детскую коляску, а на его руке висел бидончик для молока... Опозорил сын своих родителей, он переступил законы «адыгэ хабзэ»... В данной ситуации современному читателю сила огорчения отца, его боязни аульского общественного мнения кажется несоразмерной с «виной» сына. Но не для Бечмиза. Ю. Чуюко довольно подробно и тонко передает оттенки чувств старика. «Ах, сын, сын, как же ты опозорил меня! Что за беда стряслась с тобой, что ты возишь детскую коляску? Разве настоящий адыг станет делать такое» [6, с. 359]. Бечмиз помнит, что когда у него родился первый сын, он целую неделю не показывался днем во дворе – уходил затемно, приходил вечером. Потом родилось еще пятеро, ни одного из них он не сажал на колени, не брал на руки. Над тем, кто брал на руки своего ребенка, носил воду для жены из колодца, нарушая тем самым древние обычаи, – над таким смеялись. Конечно, сейчас другие времена, традиции и обычаи видоизменились, молодые живут по своим законам, но все-таки... Нелестная молва о сыне в ауле немаловажно для пожилого старика. Отец едет в город, чтобы как следует проучить сына, но в поведении молодых он не увидел ничего недостойного, и его намерение выразить им свое неудовольствие постепенно истаяло. Ничего не сказав сыну, старик едет домой. Здесь ярко выражен этнический менталитет главного героя, но происходит трансформация этнических процессов и, несмотря на противостояния Бечмиза, ему приходится поддержать новые явления жизни. Автор изображает, как современные перемены решительно, но незаметно вторгаются в жизнь адыгов и полностью идентифицируются в историческом времени. В рассказе «Тайна Бечмиза» преобладают адыгские философские мотивы, они отличаются глубиной мысли, в которой авторское переосмысление преобладает над его созерцательным описанием.

Проблема авторской национальной идентичности решается Белинским в том же ключе: писатели должны, прежде всего, выражать «дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат» [1, с.7].

Юнус Чуюко как художник – в глубоком проникновении в новое, в

противопоставлении этого нового старому, отжившему, в обнаружении глубинных течений жизни общества и человека и, в соответствии с этим, изменение, рост национальной идентичности. Автора привлекает сам процесс современного становления социального, исторического и национального самосознания представителей простого народа. Все его внимание направлено на выявление глубинных течений жизни и процессов, происходящих в нравственном облике человека.

Национальная идентичность, исторически видоизмененная в соответствии с течением времени, ясно ощущается в прозе Ю. Чуюко: «Кинжал танцора», «Чужая боль», «Сказание о Железном Волке» и т.д.

В повести «Кинжал танцора», автор, опираясь на жизненный материал, рисует современный адыгский характер и быт. Здесь главная интрига – поиски кинжала в старом дедовском доме, предназначенном к сносу. Это кинжал, с которым танцевал в своеобразном психологическом поединке с фашистом юный дядя героя во время оккупации аула гитлеровцами. Юношу беспощадно застрелил немец, увидев угрозу в его гневной вихревой пляске. К образу кинжала близки дубы-великаны, под которыми и погиб в танце юный «Марс – бог войны, грома и молнии» (таким его воспринял фашист). Совсем юный Шабан не смог вытерпеть того, как на его глазах унижает адыгский танец угодник фашистов Оркажий. На свадьбе собственного сына Оркажий развлекал господина Грюнхенда, неумело выплясывая перед ним. «Словно собака, которую дразнят куском хлеба, – та тоже топчется на задних лапах, но это вовсе не значит, что она танцует! Не так, надо!.. – вполголоса ворчит Шабан, глядя на унижения Оркажия. – И чего ты вылез на круг? Хоть бы себя уважал...» [6, с. 132]. Вдруг неожиданно выскакивает в круг Шабан, словно выбросили его туда, чтобы достойно преподнести горский танец. Танцор, сменивший Оркажи, плавно опустил свои руки и, мягко спустя носками сыромятных чувяков, поплыл по кругу. «Талия тонка, плечи уже по-взрослому широки, шитый серебром пояс поблескивает на солнце – гляделся парнишка!». Юный горец танцевал с кинжалом во рту. Этот четкий взгляд, самовлюбленный и гордый, и порывистая несдержанность движений, и кинжал полностью обескуражили Грюнхерда. От удивления у господина штурмфюрера отвисла челюсть: таких чудачеств он не видел еще, хотя повидал по Европе немало танцев. Он вперился в молодого дикаря, и не мог поверить своим глазам... В эту минуту Грюнхерд подумал, что это бог, варварский бог войны, сам по себе человек на такое не способен. Не иначе, как сам Марс или какое-то из его свирепых туземных воплощений вселилось в этого юношу... И Грюнхерд не смог удержать спокойствие: офицера внезапно охватил дикий, звериный страх, он словно заглянул в лицо своей смерти... Вдруг господин штурмфюрер, не выдержав, выхватил пистолет и разрядил в него всю обойму... Немецкий офицер, увидел стремительную угрозу в гневной вихревой пляске юноши.

Этот танец составляет, на наш взгляд, кульминационное ядро повести. Здесь выражены яркие элементы этнической идентичности адыгов. Юноша горд тем, что он адыг и с помощью танца доказывает это. В повести «Кинжал танцора» узнается авторская художественная концепция неделимости времен и поколений, выраженная в ответственности отцов и детей за прошлое и настоящее. Писатель делает это прошлое живым, потому что не только мастерски живописует его атрибуты от крупномасштабных массовых сцен до бытовых деталей, но и владеет тонкостью психологической нюансировки состояния героев. Здесь хочется отметить, показать бытие народа, поставить героя в обстоятельства определенного времени, исследовать характеры в полном соответствии с временем, в котором жил герой, – важнейший признак национальной специфики литературы. Отражение этнической идентичности – одно из самых необходимых качеств национальной специфики литературы, вообще искусства. Н.Г. Чернышевский писал: «Без местных красок и без национальных

обычаев, мыслей национальных характеров в действующих лицах, – нет ни вида реальности правдоподобия – действию, неосязательности в действующих лицах» [5, с. 247].

От бытовой неточности идет и приблизительность в психологической обрисовке характеров. Не изобразив точно, скрупулезно, до мельчайших подробностей быт народа, его обычаи и нравы, его одежду и жилище, нельзя показать и бытие народа, а без этого, в свою очередь, нет национального колорита. Конечно, это не есть главное, решающее для художественной вещи, но отсутствие этого, несомненно, окажет отрицательное влияние на точность и четкость воссоздания характера человека, живущего в определенное историческое время. Как говорит об этом Ф.Н. Хуако, «Прошлое – категория нравственно-философская, социально-историческая. Это не просто минувшее, а то, что на правах живого входит в сегодняшний и завтрашний день. Сохранение традиции, питавшейся идеями патриотизма и самоотверженности, ратного и трудового подвига, – залог силы и бессмертия народа. Именно символом этого подвига выступает в повести кинжал и связанная с ним память, которой так дорожит герой повести» [4, с.51].

Возвращаясь к творчеству Ю. Чуяко необходимо отметить наблюдения автора по поводу различных свойств «адыгства» в его традиционном понимании, включая такие приметы, как адыгэ хабзэ, лыгъэ (мужество), шьыпкъагъэ (честность), они приводят его к интересному выводу: «Элементы этнико-культурной идентичности начали появляться в культуре Адыгов задолго до того, появления адыгов на земле и адыгский национальный менталитет в полном смысле этого слова». Писатель органично сочетает в себе адыгское национальное мышление с мышлением человека новой эпохи, что подтверждается использованием традиционных национальных образов – лепс (мясной бульон), пши (князь), шичепшин (адыгский национальный музыкальный инструмент), анэ (обеденный круглый стол) (автор не переводит названия этих слов). В прозе Ю. Чуяко блестяще воплощено национальная этническая идентичность. Главная мысль автора – это адыгство. Писатель в своей прозе выражает эстетическое и нравственное понятия в национальном сознании адыгов, законы общежития (человечность, доброта, мудрость, верность, гостеприимство, уважение к старшим, забота о детях, почитание традиций и другое), показывает детали национального быта (кинжал, танцы, музыкальные инструменты), главное же, раскрывает духовную жизнь адыгского общества (культуру, искусство, мировидение и т.д.).

Безусловно, проблемы, поставленные и решаемые в произведениях, продиктованы национальным самоощущением автора и его гражданским мировосприятием, однако особое тяготение к этической философии своего народа, к формам проявления его духовности составляет принадлежность стиля Ю. Чуяко. Это – проблемы национального самосознания и древний кодекс поведения и чести адыгов, это взаимоотношение истории и сложной современной жизни, роль народных художественных традиций и современного искусства, лиризм и многое другое.

Литература:

1. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Собр. соч.: в 3-х тт. – Т. 1. Статьи и рецензии 1834 – 1841 гг. – М.: ОГИЗ, 1948. – С. 275.
2. Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность?// Иностранная литература. – М. – 1968.– №9. – С.228.
3. Сибирцев Е.И. Проблема национальной идентичности в новеллах О. Генри в контексте поэтики парадоксального: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иваново, 2012.
4. Хуако Ф.Н. Новое ... // Вестник МГОУ. – М.: ООО «Кавказская типография», 2007. – № 2 (27). – С. 51-53. – С. 52.
5. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – М: Гослитиздат, 1949. – Т.ХII. – С. 247.
6. Чуяко Ю.Г. Избранные произведения в трех томах. – Майкоп, 2011. – Т.3. – С. 359

ЛЮБОВЬ КАК СУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА "ПОЕДИНОК"

Э.Х. Далиева,
Ингушский государственный университет

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблематика любви в произведениях классической литературы. В качестве примера используется повесть "Поединок", написанная А.И. Куприным. Так же рассматриваются индивидуальные творческие особенности автора, приемы, с помощью которых он изображает собственных персонажей: противопоставление, акцент на деталях в описании. В итоге была определена позиция автора по вечному вопросу о том, что можно считать настоящим чувством, а также проанализированы остальные социальные и нравственные проблемы, которые выделил автор, и система персонажей рассматриваемой повести.*

***Ключевые слова:** А.И. Куприн, поединок, проблематика любви; Ромашов; социальные проблемы общества; аморальность армии в русской литературе; мещанство в русской литературе*

LOVE AS THE ESSENCE OF THE HUMAN SOUL IN THE TALE OF A.I. KUPRIN "THE DUEL"

E.H. Dalieva,
Ingush State University

***Annotation.** This article discusses the problems of love in the works of classical literature. As an example, using the story "The duel", written by Alexandr Ivanovich Kuprin. Just consider individual creative features of the author, techniques, with which he portrays his own character: the opposition, the focus on the details in the description. As a result, the author's position of the eternal question of what can be considered as a real sense was defined, and it was analyzed the remaining social and moral problems that the author identified and the system of the characters of this tale.*

***Key words:** A.I. Kuprin; the duel; issues of love; Romashov; social problems of the society; army immorality in Russian literature; philistinism in Russian literature.*

Александр Иванович Куприн родился 26 августа 1870 года в городе Наровчате. Будущий писатель рано остался без отца и до шести лет воспитывался одной матерью. С 1876 по 1880 год Куприн был воспитанником Разумовского училища, по окончании обучения поступил во 2-ю Московскую военную гимназию. В 1890 году окончил Александровское юнкерское училище в Москве и следующие четыре года провел на военной службе в составе 46-го пехотного Днепропетровского полка. Поэтому многие значимые произведения автора проникнуты военным духом или вовсе посвящены армейской тематике. Не является исключением и повесть "Поединок". История создания повести достаточно неясная. Вот, что следует из биографических источников: «В 1893 г. у Куприна возникла идея написать роман, – возможно, из жизни военных. Тогда же он и начал работать над этой темой... По-видимому, "Скорбящие и озлобленные" – это был первый вариант "Поединка", не удовлетворивший Куприна и потому брошенный... По словам М. К. Куприной-Иорданской, работа над "Поединком" особенно усиленно протекала зимой 1905 г... Работа над "Поединком" шла у Куприна не особенно успешно, и в том, что роман этот был завершен, большая заслуга Горького, вовремя оказывавшего писателю дружескую нравственную поддержку» [1, с. 18].

Повесть, в итоге, была издана после падения Порт-Артура. Примечательно, что Алексей Иванович хотел забросить работу, так как в 1903 году немецкий писатель

Фриц фон Кюрбург выпустил роман "Aus einer kleinen Garnison" ("В маленьком гарнизоне"), повествующий о неприглядных сторонах армии.

Только благодаря Горькому Куприн продолжил работу, в следствие чего, читатель может наслаждаться произведением и по настоящее время. Куприн с большим мастерством показывает своих персонажей, его можно считать хорошим психологом, подмечающим тонкости человеческой натуры. «Есть наука или, вернее, свод знаний, которая носит скучное название "товароведение". Она подробно рассказывает о всех так называемых товарах... Можно представить себе такой же свод знаний о жизни, своего рода энциклопедию жизневедения. В этой области Куприн был замечательным знатоком, великим жизневедом. Все окружающее, в особенности человеческий быт, обиход, служило для него вернейшим показателем внутренней человеческой жизни и ее сложнейших психических состояний... Куприн поистине поражает нас своими познаниями в любой области жизни. Познания эти особенно ценны потому, что все они - следствие житейских наблюдений. Все пережито, все увидено воочию, все услышано самим писателем» [2, с. 31].

А, как уже было сказано выше, армейская жизнь была знакома Куприну не понаслышке. Отсюда идет та поразительная точность, с которой писатель показывает шаблонные армейские типажи. Но прелесть купринского творчества еще в том, что, одновременно, он видит особые черты, присущие каждому безликому в строю солдату или командиру. «По мере того, как созревал талант Куприна, в его творчестве все более проявлялось два равнодействующих начала: стремление предельно выявить внутренние потенции каждой отдельной личности и не менее ярко выраженная тяга к социальной типологии этой личности. Офицеры полка имеют единое «типовое» лицо с четкими признаками кастовой ограниченности, бессмысленной жестокости, цинизма, пошлости и чванливости. Вместе с тем в процессе развития сюжета каждый офицер, типичный в своем кастовом уродстве, хоть на момент показывается таким, каким он мог бы стать, если бы не губительное воздействие армии...» [3, с. 34].

Действие происходит в уездном городе, во время подготовки к военному смотру. Главный герой, подпоручик Ромашов, все больше и больше убеждается в нелепости и жестокости военной жизни. Он не понимает, почему забыто простое понятие равенство: "Возлюби ближнего, как самого себя"? Друг Юрия Алексеевича, Назанский, рассуждал, что когда-нибудь наступит такое время, когда наступит эра всеобщего мира и равенства. Когда «великая вера в свое Я осенит, как огненный язык святого духа, головы всех людей, и тогда уже не будет ни рабов, ни господ, ни калек, ни жалости, ни пороков, ни злобы, ни зависти; тогда люди станут богами» [7, с. 44]. Как же, в таком случае, один бог может оскорбить другого, подобного себе. Произведение полно рассуждений о человеческой несправедливости. Ромашов задается вопросом, почему он не может даже пожать руку своему денщику Гайнану. Почему солдаты, бывшие до рекрутского набора людьми, постепенно превращаются в массу, серую, как сукно солдатских шинелей? Какая-то нечеловеческая сила, давит в кашу всех этих хлебниковых, подобно куприновскому же Молоху. И никто из них никогда не выразит протеста.

«Куприн провозглашает хвалу Человеку с большой буквы: «Слава единственному богу на земле – Человеку. Воздадим хвалу всем радостям Его тела и воздадим торжественное, великое поклонение Его бессмертному уму!» [8, с. 224]. Лицемерному «приличному» обществу Куприн противопоставлял простого человека с его чувствами и стремлениями, резко диссонирующими с узаконенными правилами. Этого человека мы узнаем и в поручике Яхонтове («Поход»), и в армейском прапорщике Лапшине («Прапорщик армейский»), и в поручике Ромашове («Поединок»), и в солдате Меркулове («Ночная смена»). Все они тяготеют к окружающей среде, терпят от нее различные бедствия» [5, с. 36]. Так постепенно, автор отходит от тематики социального неравенства к вечной литературной проблеме "маленького

человека", вопросу, который вставал еще со времен гоголевского Акакия Акакиевича. Простой солдат придавлен общим рабством и равнодушием. Понемногу живые до этого люди превращаются в "механическую величину", роту, батальон и полк. Сотни серых хлебниковых, которые болеют своим горем и радуются своим радостям, обезличены. Об этом горячо переживает генерал, приехавший на тот самый смотр, в ожидании которого солдат нещадно били и муштровали. Об этом же думает сам Ромашов. Потому ему нестерпимо плохо, когда во время очередной попойки капитан Осадчий поет "панихиду" по очередному застрелившемуся солдату своей роты, цинично понося последнего. Но подпоручик тоже входит в число "маленьких людей". В конце повести, перед дуэлью с Николаевым, Ромашов решил вновь повидать Назанского. "В вас что-то есть, какой-то внутренний свет...я не знаю, как это назвать", - произносит Назанский, отговаривая Ромашова от перестрелки. Личность с высокими задатками, но непонятая и подавляемая, человек, которому не дано духовной свободы - вот что представляет из себя главный герой. Литературные приемы Куприна чем-то схожи со Стендалем в его романе "Красное и черное", где мысли автора отражены через внутреннее мироощущение самого героя. «В психологическом аспекте разоблачение царской армии осуществляется через мировосприятие основных героев повести – офицеров Ромашова и Назанского и жены офицера Николаева Шурочки. Каждый из них хочет устоять против разрушительной силы армейской среды и ищет путей утверждения своей личности: Шурочка — в мещанском эгоцентризме, Назанский - в анархическом сверхиндивидуализме, Ромашов - в беспочвенном мечтательстве» [3, с. 66].

Примечательно так же и то, что Куприн изображает не идеализированных, а реальных персонажей со всеми их недостатками и достоинствами. Юрий Алексеевич Ромашов, безусловно, положительный герой, но поначалу не чужд некоторого тщеславия, свойственного молодости: он с завистью смотрит на расфранченных офицеров с их небрежными манерами и нарочитым лоском. Он стыдится прогуливаться по вокзалу среди штатских пассажиров, потому что видит, как посмеиваются над его бедной формой. А, с другой стороны, постепенно происходит его преобразование. «...Ромашов дан в процессе духовного роста, становления, и это придает его образу внутреннюю динамичность. Если учесть, что события, изображенные в "Поединке", охватывают период всего в два месяца – с начала апреля до начала июня, то нельзя не признать, что рост Ромашова совершается в повести быстро, можно даже сказать, стремительно... В финале "Поединка" наступает полное прозрение Ромашова, его отказ от всех иллюзий, которыми он тешил себя еще недавно. Смерть настигает героя в тот момент, когда он собирается начать новую жизнь» [6, с. 38].

Внутренний рост своего героя писатель показывает с помощью акцентов. В начале повести он часто акцентирует внимание на нескладной внешности Ромашова, его неуклюжих манерах, например, то, как подпоручик постоянно поправляет в смущении очки. К концу действия автор как будто забывает о такой подробности, поэтому, когда Николаев ударяет Ромашова в лицо во время ссоры в публичном доме, нет никакого описания, что герою разбили стекла. В этой незначительной детали скрыт намек на духовное прозрение героя, что он наконец-то разглядел окружающий мир во всей его неприглядности. Немаловажную роль в этом играет его друг Назанский, который открывает Ромашову многие истины этой жизни, недаром последний чуть не назовет его учителем при прощании. «Значение Назанского определяется, во-первых, тем, что именно в его уста вложены Куприным авторские рассуждения, подводящие итог критике царской армии и во-вторых, также тем, что именно Назанский формирует положительные, позитивные ответы на вопросы, которые возникают у Ромашова» [6, с. 45].

Другой сложный персонаж повести – это Шурочка Николаева. "Я часто думаю о

нежных, чистых, изящных женщинах, об их светлых слезах и прелестных улыбках, думаю о молодых, целомудренных матерях, о любовницах, идущих ради любви на смерть, о прекрасных, невинных и гордых девушках с белоснежной душой, знающих все и не боящихся ничего", – так говорит Назанский о чувстве и женской душе. Как скоро выяснится, он тоже когда-то любил Николаеву, как и Ромашов. Образ Александры Петровны сложен. В этом в который раз проявляется мастерство Куприна-психолога – показать настоящего, живого человека, со всеми его слабостями и достоинствами, что позже проявится у героев Шолохова. Если вспомнить шолоховскую Аксиныю, то последняя не была идеальной героиней. Аксиныя уводила из семьи мужа, Аксиныя изменяла Григорию с Листницким, возвращалась к законному супругу и снова уходила от него. Но на протяжении всего романа редкий читатель не симпатизирует этому персонажу. Многие исследователи "Тихого Дона" говорят об отношениях

Аксиныи и Мелехова, как о подлинном чувстве. Если проанализировать образ купринской Шурочки, то такой герой тоже далеко не идеален. Николаева достаточно тщеславна. С одной стороны, она бежит от пошлого, глупого и жестокого офицерского общества. Но, при этом, она стремится в общество большое и настоящее, где много света, музыки и поклонников, в котором она сделает блестящую карьеру мужу. Кроме того, Александра Петровна жестока. В разговоре с Ромашовым она рассуждает, что офицер создан для войны, где требуется смелость, гордость и не боязнь смерти. По ее убеждению, такие качества в мирное время могут проявиться только на дуэли. Но подобные поединки часто оказывались олицетворением несправедливости, за примером даже не нужно лезть в художественную литературу, достаточно вспомнить убийство А.С. Пушкина Дантесом. Когда Николаев и Ромашов после ссоры готовятся к собственной дуэли, Шурочка приходит вечером к поручику и уговаривает его не убивать мужа, но отнюдь не потому что любит его или думает о Ромашове. Николаева, признавая собственную расчетливость, говорит, что если Владимира убьют, или он станет убийцей, то у него не будет возможности поступить в Академию и сделать карьеру. Она говорит так же, что противникам непременно нужно стреляться, потому что дуэль, кончившаяся примирением, выглядит нелепо и не по-мужски. Из этого следует, что Александре не чужд эгоизм и та же самая показная игра, которая была у Раисы Петерсон, выставлявшей напоказ свои похождения. Но, тем не менее, почему образ Шурочки Николаевой часто считается положительным? Это амбициозная и гордая женщина, которая видит пошлость и низость собственного окружения, убогость жизни провинциального гарнизона. Ее глазами Куприн показывает, что сильные и мыслящие личности засасывает тупой армейской системой. Об этом говорит письмо Шурочки к бывшему возлюбленному, Назанскому. «Я ненавижу чувства жалости и постоянного унижительного всепрощения и не хочу, чтобы вы их во мне возбуждали. Я не хочу, чтобы вы питались милостыней сострадания и собачей преданности. А другим вы быть не можете, несмотря на ваш ум и прекрасную душу» [4]. Вопреки тому, что Шурочка больше играет с наивным Ромашовым, она умеет отличить настоящую личность, такую, как подпоручик или Назанский. Примечательно в этом отрывке еще то, что героиня не делает, так называемых, "медвежьих услуг". Действительно, настоящая любовь должна идти от сердца, а не из жалкого чувства сострадания. К концу повести все же становится понятно, что персонаж Николаевой не является положительным. Александра уверяет подпоручика, что поединок будет пустой формальностью и ее муж так же согласен на обман. Но произведение завершается выстрелом - сухим рапортом штабс-капитана Дица об убийстве подпоручика Ромашова на дуэли. Из этого следует, что Шурочка становится косвенной убийцей героя.

«Подводя итог по данному персонажу, можно сказать, что Шурочка Николаева - своеобразный двойник Нины Зиненко из «Молоха», убившей в себе чистое чувство, высокую любовь ради выгодной жизненной сделки. Для Ромашова и других офицеров армейского гарнизона она как бы олицетворяла протест против мещанского

благополучия и застоя. Но, как оказывается, стремится-то она, в сущности, к типично мещанскому идеалу жизни. Связывая свои стремления с карьерой мужа, она говорит: «...клянусь – я ему сделаю блестящую карьеру. Я знаю языки, я сумею себя держать в каком угодно обществе, во мне есть – я не знаю, как это выразить, есть такая гибкость души, что я всюду найдусь, ко всему сумею приспособиться...» Шурочка «приспособляется» и в любви. Она готова пожертвовать ради своих стремлений и своим чувством, и любовью Ромашова, более того – его жизнью» [7, с. 64]. Однако Юрий Алексеевич никогда не разглядит истинного лица Шурочки Николаевой. Еще в начале повести он переживает, что семья Николаевых терпит его присутствие, когда слышит, как денщик Владимира Ефимовича рассуждает, что Ромашов все "ходит и ходит тут". Но поручик со стыдом продолжает визиты, потому что любит Александру Петровну. Здесь начинается еще одна тема этой многогранной повести, тема любви. Она занимает немалый пласт, несмотря на то, что произведение несет больше социально-нравственный характер. Чувства Куприн показывает с разных точек зрения и уровней. С одной стороны, мы видим, как понятие любви опошляется и опускается, принимает извращенные формы. Примером этому служит Раиса Петерсон, любовница Ромашова. Длинная, грязная и скучная связь – так характеризует Куприн эти отношения, возникшие, как будто в состоянии аффекта. Опошленное чувство подчеркнуто деталями: розовый конверт с голубем в уголке – в таких конвертах приходили Ромашову Раисины письма. Катящиеся вниз неряшливые строки и пошлый слог: "усатенький Жоржик", "я перестану страдать навек". Цитирование стихов о жгучих лобзаниях, которые более пристали глупенькой гимназистке, чем зрелой женщине. Квадратик с надписью "Я здесь поцеловала" в конце письма – снова дешевое клише. Желтые пятна духов на бумаге, и приторный, тяжелый запах. И, конечно, многочисленные орфографические ошибки: "я за тобой соскучилась, ты хочешь с меня смеяться" и тому подобное. Когда Раиса прознает о визитах подпоручика к Николаевым, назревает страшный скандал. Первым делом, она пишет выпрненным слогом о коварном обмане и собственной ужасной мести, цитируя страстные кавказские стихи:

Владеть кинжалом я умею,
Я близ Кавказа рождена!!!

В итоге, на местном балу происходит объяснение, точнее фарс. Раиса изображает из себя надломленную горем, оскорбленную роковую женщину, способную на месть. Ее фарс снова мастерски подчеркнут деталями и обстановкой действия: диалог Раисы и Юрия перемешан с выкриками Бобетинского, который выполняет роль танцмейстера. "Кавалье, ан аван! Рон де кавалье! – командует он с дурным французским выговором. Французские фразы написаны на русском языке, как будто для того, чтобы подчеркнуть плохое произношение офицера с сильным акцентом. Эти возгласы подчеркивают пошлый образ Раисы. Похожий прием в свое время использовал Флобер в "Госпоже Бовари", когда у героини Эммы происходило объяснение с Рудольфом на фермерской выставке. Штампованные романтические фразы прерывались криками о свиньях, скоте и прочих мещанских вещах. В конечном итоге Ромашов вышел из себя и высказал все, что думал: "Вам не любви от меня нужно было, а того, чтобы все видели вас лишней раз скомпрометированной". В этой фразе заключена суть фиглярского мира Петерсон и других низменных натур повести. Мира, где живет офицер, цинично хвастающийся числом соблазненных женщин и любовниц. Еще один яркий эпизод о таком темном царстве, по аналогии с Островским – поездка к Шлейферше в публичный дом. В очередной раз автор использует тщательно продуманные детали. Густая вишневая наливка, от которой стали липкими губы и руки Ромашова – олицетворение чего-то тлетворного и нечистого. Визгливая скрипка, бубен – элементы цыганского, дьявольского обихода. С помощью подобных мелочей Куприн

создает глубокую картину разврата. И тут же он использует прием контраста: "пахло острой еврейской кухней, но по временам из окон доносился свежий запах мокрой зелени, цветущей акации и весеннего воздуха". Прохладный вечерний пейзаж противопоставлен душному смраду комнаты.

Немаловажно и само описание событий. Развязные, движения женщин, их равнодушные лица и нелепые имена, вроде Мальвины. Докучный, фальшивый мотив польки и безобразные пляски офицеров, с грубо-циничными жестами. Когда попойка достигает пика, перед читателем предстает своеобразный земной ад - пьяные крики, драка, визг и гомон в табачном дыму. После того, как между Ромашовым и Николаевым происходит роковая ссора, все расходятся по домам. Вновь автор пускает в ход прием контраста. Подпоручик идет домой на рассвете, видя детски-чистое небо и вдыхая прохладный воздух утра. Но он чувствует себя низеньким, гадким и уродливым, так противоположен этот рассвет грязной ночи. Остальная компания расходится в таком же смущении и стыде. Никто не смотрит друг на друга, боясь прочесть в чужих глазах "собственный ужас, свою рабскую, виноватую тоску - ужас и тоску маленьких, злых и грязных животных, темный разум которых вдруг осветился ярким человеческим сознанием".

Итак, безоговорочным обладателем истинного чувства оказывается сам Юрий Алексеевич Ромашов. Юрий Алексеевич любил свою возлюбленную пылко, благородно и самоотверженно. Это проявляется на протяжении всей повести, в многочисленных эпизодах, как бытовых, так и лирических.

Герой идеализирует свою женщину, считая себя недостойным не только ее любви, но даже и простого внимания. Поэтому Ромашов сильно переживает, что надоел Николаевым своими визитами. Он представляет, как супруги после его ухода обсуждают навязчивость поручика, как Саша недовольно отвечает Владимиру, что Ромашов не ее, а его гость. Он готов довольствоваться той небольшой малостью – тянуть с осторожными усилиями из ее рук нитку вязания. О том же в унисон говорит в своих философских рассуждениях учитель Назанский, что это небывалое счастье раз в год увидеть любимую женщину, целовать следы ее ног на лестнице, случайно коснуться платья. Еще одним излюбленным приемом писателя становится композиционный прием подстановки к герою резонера, который, являясь как бы вторым «я» автора, корректирует героя, содействует раскрытию его внутреннего мира. В беседах, спорах с ним герой высказывает свои сокровенные мысли и думы. Таким образом, размышления Назанского и Ромашова дополняют друг друга.

Герой обладает по-тихому благородной душой. Его великодушие не проявляется бурно, как это обычно описано в романтических повестях, когда герой, услышав, что честь предмета его сердца оскорблена, дает яростную пощечину обидчику. Но такая, на первый взгляд, неприметность благородных поступков героя лишь подчеркивает его благородство. Во-первых, как только Юрий Алексеевич узнает о клеветнических письмах Раисы Петерсон, где она компрометирует Александру и Ромашова в глазах мужа, он решает больше не посещать семью Николаевых. Хотя легко можно представить, каким тяжким испытанием стало такое решение для одинокого молодого человека. Во время суда после ссоры с Николаевым Ромашов сдерживает обещание, которое дал Владимиру, и не упоминает ни слова об Александре Петровне, чтобы опять-таки ее не скомпрометировать. Ради любимой женщины он согласен проиграть в дуэли, не убив мужа, который может сделать пресловутую карьеру и вывести жену в свет. Наконец, если вспомнить начало повести, то Ромашов клянется себе в том, что достигнет того высокого положения, которого хочет его возлюбленная. Конечно, он так и не выполнил задуманное, но произошло это по несчастливому стечению обстоятельств. Еще один сильный момент повести – прощание Шурочки и Юрия накануне поединка. По словам резонера Назанского, природа распределилась гениально: "То-то и дело, что для поручика Дица вслед за любовью идет брезгливость и

пресыщение, а для Данте вся любовь – прелесть, очарование, весна! Нет, нет, не думайте: я говорю о любви в самом прямом, телесном смысле. Но она – удел избранников. Вот вам пример: все люди обладают музыкальным слухом, но у миллионов он, как у рыбы трески или как у штабс-капитана Васильченки, а один из этого миллиона – Бетховен" [7, с. 68]. В самый последний момент Александра Николаева все-таки ощутила то неземное, немецанское, а настоящее чувство любви и готовности отдать себя всю до последнего вздоха любимому человеку. Сцена описана с потрясающим мастерством. Во-первых, опять идет прием контраста: в этом эпизоде отсутствует детализация, автор ставит многоточие, он деликатно скрывает происходящее. В то время, как сцены в публичном доме наоборот выставлены напоказ во всем своем разврате и неприглядности. Наконец, завершающие слова повести: "И последним живым впечатлением перед сном был легкий, сладостный запах, шедший от подушки, – запах волос Шурочки, ее духов и прекрасного молодого тела", – это олицетворение идеи любви по мнению Назанского. Ромашов, подобно избраннику Данте, стал тем счастливейшим, для которого любовь даже в земном, физическом понимании – это весна, очарование и прелесть.

В итоге, что же считает Куприн настоящей любовью? Словами дяди Веры еще в "Гранатовом браслете" он воспевает истинную, беззаветную любовь, которая случается раз в сто лет. Воровской, сравнивая в критических статьях творчество Куприна и Чехова, писал: «"Любовь наша, освобожденная от всех цепей рабства и пошлости – подобна «любви цветов»: так она свободна и прекрасна"... "Любовь цветов" – это более красивый оборот; по существу, с таким же правом можно подставить в эту формулу "любовь животных". Ибо смысл этой моральной философии – освобождение отношений между полами от всей лживости, безнравственности, пошлости, навязанной современным браком и блюющим его лицемерным обществом. "Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, – возмущается дядя Ваня, – это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство – это не безнравственно". Куприн договорил в этом вопросе то, что осталось недоговоренным у Чехова; он сделал логические выводы из его посылок. Эта жажда освобождения человеческого чувства от «цепей рабства и пошлости» возникла и у Чехова, и у Куприна на почве протеста против жалкой и гнусной действительности, которую они наблюдали вокруг себя» [8, с. 66].

В "Поединке" писатель показывает, что таким влюбленным нет места в несправедливом мире, нет места чистым и светлым душам. Примечательно, что Ромашов умирает в тот момент, когда душа его полна любви к Александре. Тем самым Куприн еще раз подчеркивает, что существующий строй, уклад губит все самое лучшее, живое, искреннее. На примере армии писатель показал саму жизнь, где нет места людям. Там выживает лишь серость, рабы, пушечное мясо. И даже сила любви неспособна что-либо изменить в сложившейся системе.

Литература:

1. Афанасьев В.Н. А.И. Куприн. Критико-биографический очерк. М., Худож. лит., 1960.
2. Бабичева Ю. В. Александр Куприн // История русской литературы в 4-х тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом).
3. Берков П.Н. Александр Иванович Куприн. Критико-биографический очерк. - М.- Л., 1956.
4. Волков А.А. Творчество А.И. Куприна // монография /1954.
5. Воровский В. Литературно-критические статьи. - М., Гослитиздат, 1948.
6. Соколов А.Г. // История русской литературы конца XIX – начала XX века. - М., 2000.
7. Куприн А.И. Собр. соч. в 6-тт., т. 1. - М., Гослитиздат, /Вступительная статья К. Паустовского «Поток жизни» (заметки о прозе Куприна). - С. 17.
8. Куприн А.И. Собрание сочинений в 5-тт., том 2, 1982.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АДЫГЕЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ХАЗРЕТА ПАНЕША

З.Р. Жачемук,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

«...Хорошее произведение для детей – это очаг,
Не позволяющий угаснуть родному языку»

А.А. Схаляхо.

***Аннотация.** Рассматриваются особенности адыгейской детской литературы поэта Х. Панеша. Особое внимание уделено стихам и рассказам для детей. Объектом исследования являются произведения разных лет, в которых выявляется художественное своеобразие детской литературы. Используются методы жанрово-стилистического, текстологического исследования художественных произведений в адыгейской литературе. Научная и практическая значимость и актуальность данной работы определяются и новаторским характером, связанным с текстуальным анализом малоисследованных произведений Х. Панеша.*

***Ключевые слова:** адыгейская детская литература, стихи, рассказ, образ, герои.*

FEATURES OF DEVELOPMENT OF ADYGEI CHILDREN'S LITERATURE IN THE WORKS OF HAZRAT PANESA

Z.R. Zhachemuk,

Adygeya republican institute of humanitarian researches
them. T.M. Kerasheva

"...A good literary works for children is the hearth,
Do not allow to fade the native language"

A. A. Skhalyakho

***Annotation.** The features of adygei child's literature of poet H. Panesa are examined. The special attention is spared to the verses and stories for children. A research object are works of different years artistic originality of child's literature comes to light in that. The methods of genre-stylistic, textual criticism research of artistic works are used in adygei literature. Scientific and practical meaningfulness and actuality hired are determined by the innovative character related to the textual analysis of scantily explored works of H. Panesa.*

***Key words:** adygei child's literature, verses, story, character, heroes.*

Литературная деятельность Х. Панеша многогранна, плодотворно работает в области детской литературы. Его перу принадлежат не только стихи, но и рассказы. Детская литература, является неотъемлемой частью литературы в целом. В середине 1930-х годов, появились первые произведения адыгейских писателей для детей и как бы вступают на путь самостоятельного развития. Жанровые истоки детской поэзии нашли определенное освещение в творчестве народных поэтов А. Хаткова, И. Цея, М. Паранука, К. Жане, А. Гадагатля, Х. Панеша и других. Эти поэты отличались глубоким знанием родного фольклора. Им принадлежат в создании жанровых образов литературы для детей, в художественном воссоздании образов, тем и идей. В центре внимания писателей на всех этапах развития их творчества всегда находилась проблема формирования личности ребенка, нравственного воспитания детей в лучших традициях

своего народа. А.М. Горький отмечает что, «Воспитание – одна из важнейших функций человечества» [1, с. 6]. Х. Панешем написано немало детских стихов, изданы на русском языке книги «Мяч» (1967), «Три мальчика» (1967), «Крепкие корни» (1980), «Удивляется Байзет» (2002), «Азбука в стихах» (2008), «Дом, где возвышаются сердца» (2012). Жизнерадостный мир ребенка, его учеба и труд, любознательность – эти темы своеобразно воплощены в его стихах. Вся его детская поэзия пронизана национальным колоритом. Стихи в них наполнены добрым юмором, знакомят детей с окружающим миром, помогают почувствовать красоту и щедрость родного края.

В книге «Три мальчика» вошли стихотворения и одна сказка «Старик и счастье». Стихотворение «Три мальчика» рассказывает о том как, три женщины встретились у колодца. У них дети сверстники. Одна из женщин сказала: «Мой Аскер, делает все по дому, он умница и остролов. На помощь прийти к другому мой мальчик всегда готов». Вторая – «У моего Салеха светлая голова. Он первый всегда в учебе, на скачках он лучший джигит...» Стоят и хвалятся обе. А третья стоит и молчит... А что ж о своем мальчугане не скажешь ты нам ничего? Да что говорить об Османе. Вы знаете сами его... Согнув от тяжести плечи, три женщины ведра несут. И вдруг - сыновья навстречу, три мальчика тут как тут! Аскер и Салех прошли мимо матерей. Третий, остановился Осман – он ведра у мамы взял: «Давай, помогу тебе, нан»!

Стихотворение «Пусть попробует другой» повествует о том, как главный герой Орзамез играя в шашки, задается и форсит. «Я играю без промашки, он небрежно говорит. Проиграл? Иди домой. Пусть попробует другой!». Все играть бояться с ним. Во двор вошел Хамед. (это новый сосед Орзамеза). Не люблю я хвастунов, – сказал он. Я сыграть с тобой готов! Он за шашкой шашку бьет. Что ни ход, то шаг вперед! Сдается Орзамез. Покраснел он, чуть не плачет: «Нет сегодня мне удачи! Проиграл я в этот раз, отыграюсь я сейчас!». Улыбается Хамед, головой качает: «Нет проиграл? Иди домой. Пусть попробует другой!». То, что он говорил своим сверстникам, Хамед сказал ему, и это подтверждает Панеш. Нельзя отрицать факты, нельзя думать, будто ты умнее всех, нужно уважать сверстников – такова мораль этого стихотворения. В этих произведениях автор показывает картину жизни, высмеивает хвастовство, лукавство. Книга написана просто, умело, без лишних потребностей, события изложены ясно, хорошим доступным языком для детей.

Особенность детских стихов писателя состоит в том, что они рассчитаны на определенный возраст читателей: для детей дошкольного и младшего. К ним относятся такие стихи, как «В автобусе», «Я сам», «Малыш и скворец», «Удивляется Байзет» и другие. Например, стихотворение «Удивляется Байзет», герой всему увиденному удивляется:

У пруда трава примята,	Куры сели под забором,
По пруду плывут утята,–	Петухи запели хором,–
Удивляется Байзет.	Удивляется Байзет [2, с. 5].

Стихотворение легко запоминается детьми, благодаря своей легкой ритмичности.

Х. Панеш обладает способностью проникать в мир детской души, старается дать конкретные знания о предметах, явлениях, стремясь показать их существенные черты. «Азбука в стихах» написана на адыгейском и русском языках, определяя перспективы развития адыгейской иллюстрированной книги для детей.

М: Я – медведь, Большой, рычащий, Я гуляю в темной чаще. Очень я люблю еду: Что увижу – в рот кладу. А зимой еды немного, Но зато тепла берлога. [3, с. 8].	Ч: Я – червячок, Я тонкий, голый, Холодный, зябкий, невеселый. Носил бы шубу я зимой - Так был бы толстою змеей. [4, с. 9]
---	--

(Пер. М.Д. Яснова)

Поэт стремится привить им любовь к родному языку, придает большое значение художественному слову. А.М. Горький утверждает, что «точность, ясность, простота языка особенно необходимы в книгах для детей, так как ребенок, играя словами, «учится тонкостям родного языка» [5, с. 18]

Книга Х. Панеша «Крепкие корни» – это цикл небольших рассказов, связанных между собой образом мальчика Аскера. В рассказе «Маленький, да удаленький» главный герой Аскер не любит математику и тянет назад весь класс. К кому только его не прикрепляли... А на этот раз Касей сам вызвался. Не успел Аскер домой прийти, как товарищ стучится в дверь.

«Давно уже тебя ждет математика», – говорит Аскер. А Касей только рукой машет: «Пойдем-ка лучше на лед – кататься». И так каждый день. «Какая разница, – объясняет Касей, – раз ты сам ничего не соображаешь». И вот тут-то возмутилось в Аскере самолюбие. Стал он каждый день после катка садиться за математику. Подтянулся. «Укатал я его» – смеется маленький Касей.

Рассказ «Рубашка для труса» – сюжет его прост. Аскер не играет со своими сверстниками, потому что они напугали его рассказами о чертях, которые водятся в амбаре и, скрипя иглоками, шьют по ночам «рубашку для труса». Смеются, наверное, друзья, да Аскер сам слышал: ци-циц, ци-циц. Только одного он не может понять: кому они шьют так много рубашек? «Выходит, ты не знаешь самого главного, – говорит дедушка Хаджимет, – для трусливых – вот для кого». Дедушка Хаджимет предлагает ему сменить имя. «Или ты забыл, как тебя зовут, – строго продолжал дедушка. – «Аскер» – это «воин», «солдат». Только подумай, какое ты славное имя позоришь. Лучше уж возьми себе другое, советует дедушка. – Зачем мне другое! – опять рассердился Аскер. – Мое имя – Аскер. Это значит, я - воин, солдат!». Вот так Аскер сам борется со своей трусостью, не замечая вмешательства взрослых.

Рассказ «Как Аскер потерял имя» рассказывает о том, как бабушке и маме приходилось подолгу звать Аскера – обедать ли, в магазин ли сбежать... В ответ они слышали «Потом». Чтобы проучить озорника и дать ему понять, что имя человека обязывает, стали его звать Потом. Так и потерял свое имя. Потеряв свое настоящее имя, Аскер сначала удивился, затем очень встревожился, стал завидовать своим друзьям, которые спокойно носили свои имена, не подозревая, что у их сверстника такая перемена. Урок взрослых пошел мальчику впрок, и его настоящее имя вернулось к нему. М. Малышева пишет: «Взрослеет Аскер. Всегда рядом с ним оказываются взрослые, которые умеют не окриком, а шуткой – в ней-то вся мудрость – помочь ребенку. И это придает ему силы, уверенность» [6, с. 56]. Книга написана детским языком, эмоциональна доступна для детей. Легко воспринимается, и в то же время она оказывает большое воспитательное значение. Автор черпал эти рассказы из жизненных наблюдений.

В адыгейской литературе для детей творчество Х. Панеша занимает одно из видных мест. Поэт постоянно творчески активен, продолжает поиски новых художественных форм и средств.

Литература:

1. Горький М. О детской литературе, детском и юношеском чтении. Избранное. Москва «Детская литература», 1989. 222с.
2. Малышева. М. Ж. Литературное обозрение. Детская литература. Москва, 1980. - №11. С.55-56.
3. Панеш Х.. Крепкие корни. Москва «детская литература», 1980. 31с.
4. Панеш Х.. Удивляется Байзет. Адыгейское респ. кн. изд-во. Майкоп, 2002. 114 с.
5. Панеш Х.. Азбука в стихах. ОАО «Полиграф-Юг». Майкоп, 2008. 29с.

УДК 82.09

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНОВ «ОБЛАДАТЬ» А. БАЙЕТТ И «ЧАТТЕРТОН» П. АКРОЙДА

Ф.Н. Закирова,

Чеченский государственный университет

***Аннотация.** В статье определяется жанровое своеобразие романов «Обладать» и «Чаттертон», отмечена их близость к постмодернистским произведениям, сопоставлены сюжеты, тематики и проблематики романов.*

***Ключевые слова:** роман, викторианская эпоха, интертекстуальность, поэт, тайна, аллюзии, постмодернизм.*

GENRE ORIGINALITY OF NOVELS "POSSESSION" A. BAYETT AND "CHATTERTON" P. AKROYDA

F.N. Zakirova,

Chechen State University

***Abstract.** This article defines the genre originality of novels "Possess" and "Chatterton", marked by their proximity to the postmodern works, compared stories, novels, themes and issues.*

***Key words:** novel, Victorian era, intertextuality, poet, mystery, allusions, postmodernism.*

«Роман культуры», культурологический литературоведческий детектив, неовикторианский роман, филологический роман или историографический метароман? Трудно определить жанровую принадлежность произведений Антонии Байетт и Питера Акройда. Эти трудности нередко возникают с постмодернистскими произведениями, к которым можно отнести и романы двух знаменитых английских писателей, исследователей, филологов-ученых, филологов в буквальном смысле слова «любителей слова». В современном литературоведении термин «филологический роман» относительно новый и не всеми критиками приветствуется, так как видят в нем некую ущербность и ограниченность. Если бы писатели жонглировали всевозможными литературоведческими терминами, аллюзиями и сентенциями, демонстрировали свои знания перед непросвещенными и непосвященными, то термин «филологический роман» (применительно к жанру романов «Обладать» и «Чаттертон») был бы ширмой для писателей-ученых, скрывающих злобу и нетерпение по отношению к невеждам и ханжам. Но произведения эти созданы из любви к слову и знания этого слова. Слово вбирает в себя любовь к истории, поэзии, человеку. Романы Байетт и Акройда – это не демонстрация знаний истории различных эпох, поэзии и истории литературы в целом, это любовь к искусству и любовь к человеку в искусстве и творческом поиске. Помимо чисто литературоведческих проблем в романах поднимаются и морально-эстетические проблемы.

Роман А. Байетт «Обладать» («Одержимость», «Обладание») считается одним из лучших в английской литературе конца XX века. Многие исследователи рассматривают роман в рамках постмодернистской прозы. Пытаясь дать жанровое определение, сравнивают с романами викторианской эпохи и постмодернистскими произведениями. Сама писательница в посвящении-эпиграфе говорит о нем как о романтической повести, правда, это цитата из предисловия к роману американского писателя Н. Готорна «Дом о семи фронтонах». В романе можно увидеть «призраки» из готических произведений, тайны детективного романа и даже рыцарей, совершающих подвиги ради Прекрасных дам, старого и нового времени. Роман насыщен литературными аллюзиями, требует от читателя знания викторианской литературы, а также мифологии

скандинавской, французской и пр.

Герои современности, молодые ученые Роланд Митчелл и Мод Бейли, исследуют жизнь и творчество вымышленных поэтов викторианской эпохи Генри Рэндольфа Падуба и Кристабель Ла Мотт. Найденная переписка раскрывает тайну творческих и любовных отношений Генри и Кристабель. Благодаря этой находке открываются новые перспективы на анализ их творчества. До сих пор никто из исследователей-литературоведов даже не сравнивал произведения столь разных, как казалось, поэтов. Байетт «раскрывает» их эстетические взгляды, особенности поэтики творчества и тем самым создает иллюзию присутствия вымышленных поэтов в мире английской поэзии. Усиливается эта иллюзия отсылками на протяжении всего романа к творчеству реально существовавших поэтов XIX века.

Символично название романа, переведенное как «Обладать»: 1) обладать тайной (разгадать ее и не раскрыть); 2) обладать человеком, любовью как даром (пронести любовь через всю жизнь); 3) владеть страстно миром ушедших. И перед викторианскими поэтами, и перед современными героями встают проблемы нравственных, творческих исканий, ответственности человека за свой выбор. В духе героев рыцарских романов герой с более чем героическим именем Роланд совершает подвиг не во имя страны Науки, а во имя страны Любви, голос которой помогает «видеть вещи в ином, ярком свете» [2, 165]. Исследования должны были принести известность и славу молодому ученому, но для него тайна поэтов оказывается святой. И как приз Роланд обретает любовь. На уровне содержания романа особенно заметно влияние романтической эстетики.

В романе «Обладать» прослеживаются и черты эпистолярного романа. Письма и дневниковые записи выполняют в романе повествовательную, сюжетообразующую и характерологическую функции. Через письма Кристабель и Г. Падуба можно увидеть не только развитие их личных отношений, но и развитие творческого пути после знакомства, взаимовлияние, которое раньше было почти неуловимо. Переписка двух поэтов – это своеобразный вызов всей викторианской эпохе. Сдержанный и деликатный в посланиях жене, Генри раскрывается в письмах к Кристабель. Нужно отметить и еще одну особенность романа – межжанровое взаимодействие (лирические произведения вымышленных поэтов и прозаический текст романа).

Героем романа Питера Акройда «Чаттертон» стал юный английский поэт XIX века Томас Чаттертон (1752–1770), который стилизовал свои произведения под средневековую поэзию. Эта известная в литературных кругах мистификация стала одной из сюжетных линий романа. В романе можно заметить своеобразную «постмодернистскую игру». События подаются от лица нескольких рассказчиков. Три сюжетные линии, которые развиваются в трех хронологических пластах (к. XX в., сер. XIX в. и вт. пол. XVIII в.), связаны с образом поэта Чаттертона.

Как и в романе А. Байетт, в романе Акройда есть вымышленные (талантливый, но не признанный поэт XX века Чарльз Вичвуд) и реальные лица (поэт Джордж Меридит и художник Генри Уоллис). В романе «Обладать» завязкой сюжета стали найденные Роландом черновые письма, в «Чаттертоне» – Чарльза заинтересовывает портрет неизвестного пожилого мужчины, который похож на ушедшего из жизни юным поэтом Чаттертона. Затем находят таинственные рукописи, из которых становится известно, что поэт продолжал мистифицировать после «смерти», по совету своего издателя творил под различными псевдонимами. Итог расследования Вичвуда должен был стать сенсацией в литературоведческих кругах, многие охотятся за рукописями. В романе есть и свои стервятники – это писательница Харриет Скруп, использовавшая сюжеты произведений малоизвестных писателей, (в романе Байетт эту роль исполнял мистер Собрайл). Но в конце романа обнаруживается, что рукописи поддельные и поэт сам стал «жертвой» чьей-то мистификации. Проблема истины и вымысла в искусстве, вопросы заимствований в творчестве становятся главными в

романе Акройда. Эти вопросы обсуждают поэт Меридит и художник Уоллис, встают они и перед героями современности. По-разному складывается «судьба» истинных и поддельных произведений. Поддельный многослойный портрет Чаттертона в конце романа рассыпается, унося с собой тайну его создателя.

В романах ощущается связь времен, очень часто герои обращаются к прошлому, чтобы обрести смысл настоящего и будущего. Как правило, герои находят письма, рукописи, портреты и т.п., которые становятся причиной поисков, расследований. В итоге меняются привычные взгляды на жизнь и творчество реально существовавших или выдуманных поэтов. Преодолевая трудности, раздвигая временные границы, а иногда и, спускаясь в царство Аида, герои современности распутывают узел трагических судеб поэтов. На пороге «великих» научных открытий одни герои отказываются от славы во имя любви, а другие уходят в мир иной, оставаясь в плену своих иллюзий.

Романы Байетт и Акройда можно рассматривать в рамках постмодернистской прозы. А появление в английской литературе XX века историографических романов объясняется интересом к истории, которую постмодернизм позволяет себе всячески интерпретировать. Для английского романа, начиная с викторианской эпохи, характерна тематика со «специфическим интересом к жизни личности» [3, с. 9]. Присутствие прошлого в настоящем становится характерным элементом в романах. Интертекстуальность выходит за пределы данного текста в область другого текста (например, текстуализированного прошлого) [5, с.158]. В обоих романах для современных героев характерны некая одержимость, стремление разгадать тайны прошлого, полное проникновение в поэтический мир прошлых эпох. В повествование произведений введены воспоминания реальных и вымышленных поэтов, ярких деятелей культуры, науки прошлого и современного времен. Интересной представляется мысль Ю. Кристевой о понятии «интертекстуальность»: «открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы: любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [4, с.97]. Постмодернистская интертекстуальность – это постоянный обмен текстами, стираются различия между своим и чужим текстом.

Постмодернизм с его интертекстуальностью, аллюзиями, многослойностью сюжетной и хронологической, особенными отношениями «автор – читатель» является одной из причин возникновения и развития нового жанра романа - филологического. Этот жанр вбирает в себя элементы историографического, литературоведческого и даже авантюрного романов. Некоторые критики называют его романом культуры, роман-квест, литературоведческий детектив. Черты филологического романа можно увидеть в произведениях Д. Фаулза, Д. Барнса, У. Эко. Л. Андреев пишет о романе Эко: «Имя розы» соединяет тезис постмодернизма и антитезис реализма – в синтезе, выводящем за постмодернистские лабиринты к обновленному жанру романа, возможности которого поистине безграничны» [1, с.320].

Литература:

1. Андреев Л.Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) / Л. Г. Андреев // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000 – 2000. Уч. пособие / Под редакцией Л. Г. Андреева. – М.: Высшая школа, 2001.
2. Байетт А. Обладать. М.: Торнтон и Сагден, 2002.
3. Ивашева В.В. «Век нынешний и век минувший» Английский роман XIX в. в его современном звучании. М.: Худ. лит., 1990.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 1995. №1.
5. Струков В.В. Художественное своеобразие романов П. Акройда (к проблеме британского постмодернизма). Дис. канд. фил.н. Воронеж, 1998.

УДК 82.0 (091)

**НАУКА И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ В РОМАНЕ
А.Р. БЕЛЯЕВА «ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ»**

Р.У. Исаева,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Ингушского государственного университета

***Аннотация.** В приведенной статье рассматривается творчество одного из первых русских писателей-фантастов, Беляева А.Р. На примере романа «Человек-амфибия» рассматривается проблематика в произведениях автора, в частности вопрос о том, может ли наука принести человечеству не только материальные блага, но и духовное удовлетворение. Так же рассмотрены приемы, которые использует писатель для раскрытия проблем своих произведений, система персонажей романа, его история создания и интересные факты биографии самого автора.*

***Ключевые слова:** Беляев, наука, человек-амфибия, Ихтиандр, Сальватор, научно-фантастический роман в русской литературе*

**SCIENCE AND THE PROBLEM OF HUMAN HAPPINESS IN THE
NOVEL A.R. BELYAEV «AMPHIBIAN MAN»**

R.U. Isaeva,

graduate student of the Russian
and foreign literature of the Ingush State University

***Annotation.** In the above article we discuss the work of one of the first Russian science fiction writers, Belyaev A.R. For example, the novel «Amphibian Man» examines the problems in the author's works, in particular the question of whether science can bring to humanity not only material goods but also spiritual satisfaction. Just consider the techniques used by the writer to reveal the problems of their works, the system of characters in the novel, its history and the creation of interesting facts biography of the author.*

***Keywords:** Belyaev, science, human-amphibian, Ichthyander, Salvatore, a science fiction novel in Russian literature.*

«Александр Романович Беляев родился 4 марта 1884 в Смоленске. Сын священника, учился в духовной семинарии, затем на юридическом факультете университета и одновременно в консерватории.

Печатался с 1910. С середины 1920-х годов, заболев туберкулезом позвоночника, занимался исключительно литературной деятельностью, став одним из основоположников жанра научной фантастики в русской литературе. В 1925 были опубликованы первый рассказ Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925; переработан в роман в 1937) и его первая повесть «Последний человек из Атлантиды» [1].

Многие литературоведы в исследованиях творчества того или иного писателя прибегают к так называемому психологическому методу – рассмотрение искусства как результата неких психических процессов, протекающих внутри человека. Если говорить о Беляеве, то, возможно, что его столь необычные сюжеты, где человек выступает, как существо, наделенное сверхъестественными способностями, проистекают из того, что писатель был инвалидом. В своем творчестве он, как будто бросал вызов ограниченностям людей. Более того, писатель надеялся, что победа над физической ограниченностью человека приведет к его духовному становлению. Так, например, в рассказе «Человек, который не спит» герой победил свою потребность ко сну и стал более работоспособным.

Беляева не даром называли «русским Жюль Верном», потому что все его

творчество включает в себе материал из самых разных научных областей. Например, законы физики, которые писатель подчеркнул из исследований Г.И. Бабата, начавшего изучать природу шаровой молнии в 40-е годов XX века. «У Беляева тоже был «прирожденный» талант фантаста: он налету подхватывал новую идею, задолго до того, как она находила публичное признание, и время подтвердило многие его предвосхищения [120]. О некоторых из них мы еще вспомним, а сейчас сошлемся только на одно и притом нетипичное произведение – «Борьбу в эфире» (1928). Авантюрно-пародийная направленность, казалось бы, безоговорочно отбрасывает этот роман к ненаучной фантастике, и в то же время даже эта книга насыщена добротным научным материалом. Вот неполная выборка: радиоконпас, радиопеленгация, передача энергии без проводов, объемное телевидение, лучевая болезнь, звуковое оружие, искусственное очищение организма от токсинов усталости и искусственное же улучшение памяти, научно-экспериментальная выработка эстетических норм. Иные из этих открытий и изобретений во времена Беляева только еще осуществлялись, другие и сейчас еще остаются научной проблемой, третьи не потеряли свежести как научная фантастика» [2, с. 33].

В своих произведениях писатель разрабатывает прием парадоксально-экспериментальной, абсолютно неожиданной ситуации; он все время как бы задает вопрос «что бы случилось, если...»? Так, в том же рассказе про человека, который перестал спать, писатель предполагает, что бы вышло из подобного эксперимента. Другой пример, рассказ «Над бездной», где представлена ситуация предполагаемого исчезновения силы притяжения на Земле. Другими словами, Александр Беляев опирается на достоверные научные факты, отталкивается от самых реальных законов природы и, одновременно, пишет небывалые до того времени фантастические произведения. Как говорил сам писатель: «Научную фантастику нельзя превращать в скучную, научно-популярную книжку, в научно-литературный недоносок». Поэтому еще произведения Беляева входят в список художественной литературной классики.

«Беляев связал нашу фантастику с мировой традицией. Дело не только в том, что Беляев шел по стопам патриарха мировой фантастики, заимствовал и развил некоторые его приемы. Его роднит с Верном умный гуманизм, энциклопедическая разносторонность, вещественность вымысла, богатая и в то же время научно дисциплинированная фантазия» [2, с. 36].

Александр Романович в своих сочинениях, помимо захватывающего сюжета и научного освещения, поднимает разные морально-нравственные и социальные проблемы. Примером тому служит его роман «Человек-амфибия», ставший, благодаря советской экранизации 1962 года одним из известнейших произведений автора, хотя в свое время не избежала жесточайшей критики. Беляева и его роман «Человек-амфибия» обвиняли практически во всех смертных грехах: в асоциальности, в антинаучности, в буржуазности, в подражательстве. Особенно сильно набросились на писателя в жестко цензурные 30-е годы.

В первую очередь и обрушивались критические замечания на якобы антинаучную основу «Человека-амфибии», что лишний раз подтверждало нежелание рецензентов понять специфику фантастического жанра. «Странная амфибия, чисто фантастический роман, к которому пришиты жабры научного опровержения» [6, 28]. Неодобрительно отзывались о романе даже другие фантасты. «В социальном же отношении идея романа реакционная, так как она пропагандирует ничем не оправданные хирургические эксперименты над людьми» [7, 22]. Тем не менее, в конечном итоге признание читателей оказалась куда сильнее идеологических установок.

История создания романа сама по себе достаточно фантастична. В середине 20-х годов писатель прочел газетный очерк о суде профессора Сальватора из Буэнос-Айреса, которому предъявили обвинения в «искажении образа божьего». Профессор

производил экспериментальные операции на детях с согласия их родителей. Если посмотреть на сюжет романа, то там практически ничего не изменилось в сравнении с действительной подоплекой. Профессору-хирургу Сальватору приносят больного мальчика, которому тот вставляет искусственные жабры. Хирург усыновляет мальчика и называет его Ихтиандром. Позднее Ихтиандра принимают за невиданное морское чудовище местные рыбаки, так как герой может находиться под водой, точно рыба. Его нарекают Морским дьяволом, и он становится городской легендой.

Зная, что Беляев принадлежит к выдающимся писателям-фантастам, и прочитав метафорическое заглавие «Человек-амфибия», неосведомленный читатель мог бы подумать, что перед ним та самая скучная, научно-популярная книга. Но на самом деле этот роман содержит ряд разборов социально-нравственного характера. Стоит учесть, что Беляев – советский писатель, поэтому можно предположить, что образ жестокого Педро Зуриты является олицетворением капитализма и использования труда рабочих. Показательным примером служит то, как Педро, поймав Ихтиандра, заставляет его ловить жемчуг и приносить все больше и больше жемчужных раковин. Кроме того, в этом персонаже воплощены все пороки, раскрытые в произведении. Это и лживость (эпизод, когда Зурита солгал Гутиэрре, что это он спас ее), и подлость, которая показана в разных эпизодах: когда Зурита украл девушку и насильно женился на ней, когда он обманывает молодую супругу и не отпускает Ихтиандра на волю, когда он обманывает уже юношу, показывая ему записку якобы от Гутиэрре и заставляет ловить жемчуг. И, наконец, когда Педро возбуждает иск против доктора Сальватора, чтобы окончательно завладеть Ихтиандром, из-за чего последнего сажают в тюрьму.

Роман интересен тем, что он носит черты научно-фантастического, приключенческого, даже детективного характера. Как в творчестве Диккенса, у Беляева есть запутанная тайна родства, ведь Ихтиандр, в конечном итоге, оказывается сыном Бальтазара, которого Кристо, дядя героя, относит к профессору Сальватору, а позже сам же и узнает по родимому пятну. Именно использование разных жанровых составляющих делает произведение таким интересным для читателя-любителя. Но особенно интересно то, что в романе сливаются черты научно-фантастического и романтического направления. Здесь мы постепенно подходим к одному из существенных вопросов, которые ставит произведение, а именно: наука и проблема человеческого счастья. Проблема, как это не парадоксально, носит уже упоминавшийся романтический оттенок, несмотря на то, что эпоха этого направления давно завершилась.

Ведь Ихтиандра можно считать романтическим героем. Юноша обладает удивительным даром, он может свободно находиться под водой. Здесь, в глубине океана находится идеальный, потусторонний мир: «То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами... Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и далекие горы стали иными. Какой чудесный, легкий, влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водой и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари... Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо и солнце созданы только для него» [3, с. 38].

Мир Ихтиандра является утопией так же и, потому что он наивен и искренен, как, собственно говоря, и сам главный герой. «...Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок? – Потому что они ловили рыбы больше, чем могли съесть. – Но они ловили рыбу для продажи. Ихтиандр не понял. – Чтобы и другие люди могли есть, - пояснил индеец. – Разве людей так много?

– удивился Ихтиандр. – Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?» [3, с. 67].

Автор рисует совершенно другими красками душный город с потоком людей, который так не понравился Ихтиандру. Здесь наблюдается авторская метафора: юноша начинает задыхаться, от того, что у него высыхают жабры. Но таким же образом чистый, искренний человек морально задыхается в неприглядном обществе, где царит несправедливость, обман, корысть и подлость в лице Зуриты. Таким образом, Беляев неосознанно использует прием «романтического двоемирия».

С другой стороны, романтическим персонажем можно считать и доктора Сальватора, хотя последний и не играет ведущей роли в сюжете. Но образ героя-романтика предполагает чудачество или даже безумие. «Индивидуализм как коренное положение философско-этических концепций романтизма получал различное выражение. У тех романтиков, которые, отрицая окружающую их действительность, стремились к уходу от нее в мир иллюзий, мир искусства и фантазии, в мир своих собственных рефлексий, герой-индивидуалист в лучшем случае оставался чудачком, мечтателем, трагически одиноким в окружающем мире (герои Гофмана)» [4, с. 44]. Точно так же доктора Сальватора, стремившегося создать удивительных существ путем научных экспериментов, объявили безумцем.

Параллельно романтическому миру Ихтиандра показан таинственный мир профессора: «...В этом саду жили невиданные звери. Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба. Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминое чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая – влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сращенные боками «сиамские близнецы» – две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка – ее грудь, руки, голова» [3, с. 47].

Далее снова идет прием романтического двоемирия, и в безмятежную жизнь ученого вторгается пошлое общество, осудившее его за богоборческие эксперименты. Разве нельзя считать такого персонажа тем самым героем романтиком, которого отверг свет?

Романтический конфликт чаще всего разрешается трагически. Отсюда идет то, что оба героя лишаются того самого человеческого счастья на фоне неприятия научных изысканий.

В конце романа Ихтиандр, можно сказать, теряет своих близких и свою семью. Профессора заключают в тюрьму, юноша так и не узнает, что его настоящим отцом был Бальтазар. Кроме того, он теряет свою любовь, Гуттиэре, которая не решается с ним проститься, так как опасается, что юноша не уплывет в безопасное место. Фантастические способности героя, достигнутые смелым научным экспериментом, становятся причиной его несчастья. Если еще по сюжету расчетливый Зурита заставлял Ихтиандра вытаскивать со дна драгоценности около богатого корабля и ловить жемчуг, легко можно представить, как подобных уникальных людей будут использовать все больше и больше. «Я не спешил попасть на скамью подсудимых, я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем

пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба, а завтра генералы и адмиралы заставят человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и, ихтиандров“ сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания», – так говорит профессор Сальватор в свое оправдание на суде.

Эти же слова показывают неразрешимый конфликт самого ученого, как второго романтического героя повествования. Алчность и корысть общества не дают возможности для развития подобных смелых и рискованных научных достижений. Таким образом, роман приобретает уже социально-критическую направленность, что лишний раз доказывает его уникальность и многообразие.

Кроме того, Беляев вновь предвосхищает будущие достижения. Профессор Сальватор желал создать людей будущего, которые могли бы жить в океане и использовать его неисчерпаемые ресурсы. Сегодня человечество в полной мере сталкивается с тем, что его потребности не могут быть полностью удовлетворены за счет суши. Поэтому человек в каком-то смысле стремится проникнуть в глубины морей с их неисчерпаемыми богатствами. Постепенно создаются искусственные плантации водорослей, пастбища рыб, ракообразных и моллюсков. Кроме того, со дна моря активно добываются жемчужные раковины и редкие виды подводных обитателей. Человечество изобретает мощные приборы, с помощью которых можно зафиксировать жизнь самых глубоководных обитателей. Так, к слову говоря, был зафиксирован и сам «черный морской дьявол» – хищная рыба, обитающая на очень большой глубине.

Нужно сказать, что вымысел А. Беляева казался настолько привлекательным и даже правдоподобным, что многие люди еще в конце 40-х годов XX века приняли его как реальность. «Один из хирургов, работающих на окраине Советского Союза, рассказал, что к нему обратился деревенский парень с просьбой пересадить ему рыбы жабры. Акулы в тех краях не водятся, а сомы есть. Парень облюбовал себе жабры сома. Чтобы часами плавать под водой, как изображено в романе, этот человек был готов на что угодно. Он все продумал и все предусмотрел. Парень предлагал даже выдать специальную расписку, чтобы хирурга не остановила возможность смертельного исхода операции» [8, с. 62].

Литература:

1. Ляпунов Б.В. Александр Беляев: Критико-биографический очерк/. – М.: Сов. писатель, 1967.
2. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. - Л.: Наука, 1970.
3. Беляев А.Р. Человек-амфибия. – М., 1956.
4. Бар - Селла З. Александр Беляев (ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 2013. – 428 с.
5. Дмитриев А.С. Введение / Н.А. Соловьева // История русской литературы 19 века. - М.: Высшая школа, 1991.
6. Кудрявцев Э. Переписка писателя-фантаста А.Р. Беляева с К.Э. Циолковским//Нева, 2004, № 5.
7. Копылов Ф. Рассказы о хирургах. – М., Детская литература, 1948.
8. Палей А.Р. /Рецензия/. – Литературная учеба, № 2, 1936.
9. Шкловский В.Б. /Рецензия/. - Детская литература, № 20, Госиздат, 1938.

УДК 82-91

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ В СВАДЬБЕ АДЫГОВ-ЧЕРКЕСОВ

А.М. Канкошев, Ф.М. Канкошева,

Институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР

Аннотация. В статье автор определяет жанровую структуру обрядовой поэзии в свадьбах адыгов-черкесов, выделяет концепцию свадебной обрядности, в

приведённых текстах рассматривается идеал невесты. В центре обрядовой свадебной поэзии – обобщённые образы молодых, воплощающие народный идеал.

Ключевые слова: свадебная поэзия, художественный текст, песня ввода невесты в «большой дом», песня-наставление невесте, песня-примирение жениха со старшими.

CEREMONIAL WEDDING POETRY ADYGE-CIRCASSIAN.

A.M. Kankoshev, F.M. Kankosheva,

Institute of humanitarian studies in KARACHAEVO-CHEKESIA Government

Abstract. in this article the author defines the genre of poetry in the ritual structure weddings adyge-Circassian, highlights the concept of wedding rituals, in the above texts is considered the ideal bride.

Key words: wedding poetry, literary text, the bride entered the song in the "big house", a song-instruction bride groom song-reconciliation with the senior.

Много интересного можно увидеть и пронаблюдать в обычаях и традициях народов, в том числе и в свадебных обрядах. Большие перемены происходят в жизни человеческого общества. А значит, происходят большие изменения и в семейном укладе людей. С одной стороны, проявляется большой интерес к традициям, бытующим в народе, с другой стороны – это свободное отношение к тем или иным устоям в народе. Тем не менее, это всё благотворно сказывается на воспитании подрастающего поколения.

Говоря о переменах, нельзя не упомянуть об обрядах, которые претерпевают большие изменения под воздействием внешних факторов. Из семейно-бытовых обрядов на нынешнем этапе больше всего сохранились обряды, посвящённые детскому циклу, свадебные обряды и похоронные обряды.

Все названные обряды заслуживают пристального внимания и изучения. Говоря об этих обрядах, нужно сказать, что если раньше в них преобладали религиозные начала, то на современном этапе в них главенствующее место занимает гражданское начало. Каждый обряд на современном этапе является зеркалом отображения народных обычаев и традиций, которые существуют у данного этноса.

Обряды – это повторяющиеся мероприятия, проводимые по какому-то определённом поводу в назначенное время. Семейные обряды жизненного цикла подразделяются на ряд «обрядных этапов». Это связано с человеком: его рождение, свадьба, смерть. Исходя из этого, можно сказать, что семейные обряды включают в себя родиную, свадебную и похоронную.

Рассматривая семейную обрядность, остановимся на свадебной обрядности. Как справедливо отмечает С. Мафедзев, пока есть человек, пока существует семья, свадьба бессмертна, ибо она основа жизни рода, начало новой семьи, часть бытия. Более того, свадьба – это один из основных ритуалов в любой национальной культуре. Своеобразное зеркало, в котором отражаются многие стороны этической сути народа, его история. Свадебные ритуалы, обряды – результат поиска не одного поколения, на них – зарубки далёкого прошлого, отметины социальных, экономических, информационных препятствий, через которые прошёл народ. О том свидетельствует каждый эпизод, каждая деталь свадебного обряда. Прежде чем сделаться частью обычая, он имел реальную основу, магическую или религиозную основу» [4, с. 148].

Традиционная адыгская свадьба, как и у многих народностей Северного Кавказа, состоит из различных аспектов. В частности, это – сватовство, сговор или умыкание, затем перевоз из родительского дома в дом родственников жениха, скрывание жениха в доме у друга или родственника, привоз невесты в родительский дом жениха, возвращение жениха в родительский дом, обряд примирения жениха со старшими. Каждый из этих обрядов отличается друг от друга и сопровождается художественно организованным текстом. Эти обряды сопровождаются песнями, содержанием которых

является восхваление или пожелание благополучной жизни новобрачным.

Свадьба имела большую значимость в жизни адыгов. Свадебно-обрядовая культура, показывая нормы и правила поведения в адыгском обществе, помогла сохранить адыгам свое искусство, ибо свадебные обряды всегда сопровождалась танцами. Танцы, доставляя эстетическое наслаждение народу, являлись и средством художественного воспитания подрастающего поколения.

Ценные сведения о свадебно-обрядовой культуре содержатся в трудах адыгских этнографов 19 века Ш. Ногмова, Хан-Гирея. Эта тема нашла отражение в работах Дж. Белля «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг//АБКИЕД», Т. Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995», Т.П. Кашежева «Свадебные обряды кабардинцев//ЭО.М., 1892.-№4», Н. Дубровина «Черкесы/Адыге/.Краснодар, 1927». Данные о свадебно-обрядовой культуре имеются в исследованиях современных адыгских авторов: Б-Х. Бгажнокова «Черкесское игрище. Нальчик, 1991», М.А. Джандар «Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп, 1991», С.Х. Мафедзева «Обряды и обрядовые игры адыгов в 19 веке в начале 20 века. Нальчик, 1979», М.А. Меретукова «Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987».

Песни свадебного обряда можно классифицировать следующим образом: поэзия сватовства («Псалъыхъу усэхэр»), песня везущих невесту («Фызышэ уэрэд»), песни ввода невесты в дом («Нысэишэ уэрэдхэр»), хохи-застольные здравицы («Хъуэхъухэр»), возвращение жениха домой («Щауэишыж уэрэд»).

Свадьбе предшествовало знакомство молодых. Это происходило во время проведения различных обрядов, на разных торжествах. В знакомстве большую роль играли игры-импровизации между парнем и девушкой. Приведём пример с подстрочным переводом:

Парень: Си Iгум зы ныбгъэ исщ,
 Си гум зы псалъэ ильщ,
 Уи деж накIууи къэкIуэжыуи
 Зы лъагъуэ сэгъэлъагъу.
 В моей ладони одна куропатка,
 В моём сердце одно слово,
 Покажи мне одну тропинку,
 Идущую к тебе и от тебя.

Девушка: Ди унэр шэшкъым,
 Ди шэшыр пкIашхъэншэкъым,
 Сэ щхъэкIэ умыпIащIэ!
 Наш дом не конюшня,
 Конюшня не с плоской крышей,
 Из-за меня не утруждай себя!

(Подстрочный перевод Канкошева А. М.)

Из этого диалога видно, что девушка взаимностью не ответила. Но парень на этом не останавливается и будет с новой остротой сочинять свою импровизацию. Когда девушка считала, что добивавшийся парень не подходил ей, но сама своими ответами не могла добиться, чтобы её оставили в покое, она обращалась за помощью к «джэгуакIуэ» (народным певцам). Тот уже своими сатирическими импровизациями заставлял парня оставить девушку в покое.

Обряд «фызышэ» или «нысашэ» (привоз невесты) совершался двойко: путём инсценирования похищения или организация торжественного перевоза. А. И. Даринский в конце XIX – XX века отмечал, что при похищении жених с друзьями ждал невесту в условном месте. Оно инсценировалось тогда, когда семья невесты не имела возможности организовать торжественную свадьбу (перевоз невесты в дом жениха) или же если родные девушки не хотели делать лишних расходов. В том и в другом случае

за женихом организовывалась формальная погоня [3, с. 161].

По данным Хан-Гирея, на такое «нысашэ» за невестой ехал «брат или ближайший родственник вступающего в супружество с многочисленными друзьями, по сему случаю приглашёнными» [6, с. 116].

Адыгская свадьба по своей специфике сопровождается стихами и песнями, в которых восхваляют и возвышают ум невесты, её красоту, внешние данные, трудолюбие, скромность, уважение к старшим, к свекрови, свёкру, деверьям, одним словом – ко всем домочадцам.

Под свадебную песню и игру на гармошке молодую, прежде чем ввести в “большой дом”, (Нысэишэ уэрэдхэр) останавливали во дворе: тут ненадолго организовывались танцы. Затем песнопение возобновлялось. Перед тем как ввести в “большой дом”, молодую осыпали орехами, сладостями, монетами, которые азартно собирали детишки.

Переступив порог, новобрачная становилась на шкуру жертвенного животного. Считалось, молодая в доме будет иметь столько счастья и радости, сколько шерстинок на шкуре.

Песня «Унэишэ уэрэд» («Песня ввода новобрачной в большой родительский дом жениха») более близка к благопожеланиям. Приведём один из вариантов песни ввода невесты в дом:

Уэху, уэреда-ридадэ,
 Уэридадэ махуэри ди нысэщ-уэреда.
 Зи дыжьын щылухэр альтес.
 Альтес гьуэжьхэр зи гьуэгу, уэреда.
 Уэгум ис мазэр зи напэ,
 Ра, мазэ кьуапэми зегьазэ, уэреда.
 Уи гуащэ нэуэжьхэри кьэбгьафIэщ.
 Узиньсэм и псэм хуэдэу уильэгьуащ.
 Уэху, уэредадэ-ридадэ,
 Уэредадэ махуэри ди нысэщ, уэреда! [1, с. 184-185].
 Ох, оредада-ридада,
 Оридада счастье - наша невеста,
 Чьи серебряные пуговицы обтянуты атласом.
 Чья дорога – жёлтый атлас, ореда.
 Чьё лицо – луна на небе,
 Ра, как месяц поворачивающийся на небе,
 Свою свекровь-старуху лелеешь,
 Дом, куда ты вошла,
 Чтобы любили тебя, как свою душу.
 Ох, оредада – ридада,
 Оредада счастье – наша невеста! [1, с. 184-185].

Как и в других песнях, посвящённых свадьбе, здесь воспеваются все лучшие качества невесты: «Уэгум ит мазэр инапэ...» (...Луна, что на небе – её лицо»), «Напэху дахэм зегьазэ!» («Белолицая лицом величаво поворачивается!»). Из песни мы видим, каким себе представляли адыги-черкесы образ идеальной невесты. С представлениями об идеале прекрасного связаны и женские образы нартского эпоса – Адиух, Сатаней, Даханого и другие.

Свадебный хох в своём развитии отразил различные этапы исторической жизни адыгов. Это своеобразный поэтический тост, произносимый за свадебным столом за молодых (в большинстве случаев за невесту), за их родителей.

Особого внимания удостоивается и обряд начыхьытх, где тоже идёт восхваление невесты и жениха и пожелание им благополучия в совместной жизни. Приведём такой хох, посвящённый невесте:

Нысэр шабэу шыту,
 Лъэдакэ махуэу кьахуини,
 Лъапэ махуэу кьыригьыхьэ,
 УнагьуэщIэр игьэляпIэу,
 Псоми ягурыIуэу,
 И дэуагэ – и дахагэ,
 Къызхэклахэр игьэгуфIэу,
 КъыздэкIуар и гуфIэгьуэу
 Зыхэсыр игьэбагьуэу
 Хабзэр фэмышьэльэу
 ПсомкIи IэпщэлъапщIэу
 НэхьыщIэхэр ильагьу,
 Нэхьыжьхэм яхуезэшу.
 Фом хуэдэу зэкIэришхэу,
 И акьылри и гупсысэхэри дахэу,
 Дэтхэнэм дежми шапхьэу,
 Алыхьым апхуэдэу ищI![5, с. 135].

Пусть сноха будет доброй,
 Благословенные пятки оставит здесь,
 Носком счастливым она ступит к ним,
 Новую семью прославила
 Со всеми в семье жила бы в ладу,
 Её украшение – покладистый нрав,
 Пусть радуется своих близких,
 А куда попала, чтоб была в радость,
 Чтоб множило их добро.
 Хабзэ для неё – не в тягость, а радость,
 Была бы мастерицей на все руки,
 Младших чтоб она любила,
 По старшим чтоб скучала.
 Как клей, чтоб в доме для дружбы была,

Чтоб ум и помысли были прекрасны,
 Чтоб во всём была примером,
 Трудолюбива, заботлива,
 Чтоб малых она нежила и баловала,
 Чтоб взрослых ласкала своей речью,
 Чтоб своих детей не делила,
 Чтоб свёкор был её доволен,
 Для свекрови чтоб опорой была,
 Чтоб дела у неё спорились,
 Чтобы новое она приветствовало.
 Хох! – говорю я,
 Пусть такой она станет.

(Подстрочный перевод Канкошева А. М.)

Помимо восхваления и благопожелания невесте есть так называемые нравоучения, наставления т.е. как должна невеста относиться к тем, к кому она пришла. Особое внимание уделяется не только мужу, но и к свекрови, свёкру, а также соседям:

Уи гуащэм уи бзэ хуэщабэу,
 Узытемыхьэр уи тхьэмэдэжьу,
 Уи пщыкьуэжь ухуэубзэ-ухуэфIу,
 Дунейм утетыну сынохьуэхьу!
 Фом хуэдэу зыхыхьэм яльэгьун,
 Быныр IэфIу ильагьуу,
 Гьунэгьум нэмыс яхуиIэу
 Чтоб речи к свекрови были нежны,
 Чтоб свёкра избегала ты,
 Была вежлива с деверем своим...
 Чтоб была бы ты любима как мёд в новой семье,
 Чтоб любила сладко детей,
 Уважала соседей.

(Подстрочный перевод Канкошева А. М.)

В обычных хохгах, адресованных представителям мужского пола, чаще описываются внешние и внутренние качества жены:

Фыз къэпшари-тхьэрыкьуэ пщэхуу,

Бжьэхуцыху Іэпэу,
 Іэпэ зыхуишийм псэ кыпигъакІэу,
 Уздэувым ущимыгъэгупсысэу,
 УздэтІысым ущимыгъэжейуэ,
 Ужеям кыптельэщІыхьрэ,
 И бзэр кыпхуэІэфІу!
 «Чтобы твоя жена была как голубка
 С губами как вата
 К чему дотрагивалась, то оживало,
 Если ляжешь – не давала уснуть,
 Если уснёшь – гладила тебя,
 Чтоб речи к тебе, были сладки».

(Подстрочный перевод Канкошева А. М.)

Песня «Возвращение жениха домой» (Щауэишыж уэрэд) отличается от песни «Ввода невесты в дом родителей жениха». После свадьбы, пройдя дня два, совершается обряд «Возвращение жениха домой и примирение со старшими». В доме жениха накрывают свадебный стол и ждут возвращения жениха. Жениха приводят домой его друзья. Старший произносит громко – так, чтобы слышали за порогом комнаты:

ЩІалэу къэкІуэжар
 Хьерым хуэкІуэу,
 Узым щикІухьу,
 Гушхьэ къабзэу,
 Псэуныгъэ иІэу,
 Гъэ миныр гъащІэу,
 Гъэ мыщІэм хэмыкІуэдэу,
 Гу кІуэдыгъуэ къемыхьулІэу,
 Я бзыльхугъи мыгъуу,
 Гъэри къахэмыкІыу,
 ГухэщІи ямыІэу,
 Лъагъуэ – лажьэу,
 ЕжьэгъуафІэу,
 Псэуныгъэ иІэу,
 И нэмыси и насыпи хэхьуэу,
 Псэууэ щыгъыІэ. [2, с. 205-206].

Вернувшийся парень
 К добру – изобилию держал бы путь,
 Чтоб его обходили бы болезни,
 Сердцем был бы чист.
 Был бы он здоровым сердцем,
 Знал бы как жить.
 Тысячу лет жизни (желаем ему),
 В неурожайный год не пропадал бы,
 Не терялся бы,
 И женщины их не плакали бы,
 И чтоб пленников среди них не было,
 Горя не знали бы,
 Быстро в путь собирались бы,
 Умел бы жить,
 И честь, и счастья умножая,
 Чтобы жил.

После зова молодой входил, брал из рук старшего (нэхьыжьэ) чашу бузы, передавал своему провожатому и выходил из комнаты. Таким образом, несмотря на некоторые изменения в этом обряде, обряде примирения жениха с родными – это целая система ритуалов, принявших игровую форму представления.

Подводя итог, можно отметить, что свадьба адыгов-черкесов представляет собой театрализованное представление с разными обрядами, обрядовыми песнями, танцами, игрой на музыкальных инструментах. В центре свадебной поэзии адыгов-черкесов – обобщённые образы молодых. Достоинства невесты составляют красота, ум, воспитанность, степенность, доброжелательное отношение к окружающим, щедрость, гостеприимство. Достоинствами жениха считаются сила, умение быть предводителем воинов при защите родине.

Литература:

1. АФ – 1, стр. 184 – 185.
2. АФ – 1, стр. 205 – 206.
3. Даринский А.И. Семья у кавказских горцев «Записки общества истории, филологии и права при императорском Варшавском университете», вып. 2. Варшава, 1902, С. 161.

4. Мафедзев С. Адыги. Нальчик, 2000. С. 148.
5. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1988. С. 135.
6. Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи..., с. 16.

УДК 398.3

РОДИЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ НОГАЙЦЕВ

А.И. Капланова,

Институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР

Аннотация. Статья посвящена обрядовой поэзии ногайцев дородового и послеродового периодов, выявляется жанровая классификация на анализе фольклорного материала, вводимого впервые в научный оборот.

Ключевые слова: приметы, поверья, благопожелания, предание, обряд.

BIRTHING POETRY NOGAIS

A.I. Kaplanova,

Institute of humanitarian studies of the Government of Karachai-Circassian

Abstract. The article is devoted to the ritual poetry nogais prenatal and post-natal periods, genre classification on the analysis of folk material from being entered for the first time in the scientific circulation.

Key words: signs, beliefs, wishes, tradition, ritual.

В течение длительного периода жизни ногайцы осуществляли семейные обряды, а не исполнение этих обрядов, по народным представлениям, предвещало несчастье. У ногайцев слова «ийгилик», «яхшылык» означают к хорошему поводу, и имели многозначное понятие, относится, как и к рождению, так и другим хорошим поводам, призывают в свою очередь счастья и благополучия во всем. Действия, направленные на рождаемость выполнялись и в свадебном ритуале, осыпание зерном во время привода невесты в дом и благопожелания многодетности.

Ритуальные действия и семейные обряды послужили источником народной обрядовой поэзии и всех ее жанров и, наоборот, благодаря фольклору, возродились и сохранялись традиции и обычаи. Исследователи всегда проявляли интерес к обрядовой поэзии (Т.Г. Басангова, Г.А. Мудунова, Т.Г. Борджанова, Х.А. Юсупов, Г. Сулейманова и т.д.), отмечают древность бытования поэзии, связанной с родильным и колыбельным обрядом.

Фактологическим материалом для анализа цикла родильной обрядовой поэзии ногайцев послужили сборники: Т.А. Акманбетова «Туье оьркеш» («Верблюжий горб», Махачкала, 2014 г.), «Колым яхшылыкка тийсин» («Пусть рука прикоснется к добру», Махачкала, 2012 г.), где воссоздаются структура родильного обряда ногайцев и его основные компоненты.

Все обряды жизненного цикла ногайцев сопровождалась алгысами – благопожеланиями, будь то рождение ребенка («бала тувув»), свадьба колыбели («бесик той»), первая стрижка новорожденного («бас кетерув») или первые шаги ребенка («биринши абыт»). Тематически алгысы – благопожелания сопутствовали человеку от самого зачатия и до его смерти. Народ верил в силу слова, которая может изменять жизнь к лучшему и благословлять будущее. Значительная часть благопожеланий, сопровождают дородовой период родильной обрядности. Беременную женщину у ногайцев при начальном периоде беременности называют в иносказательном выражении «курсак коьтерген» - «приподняла живот», «аягы авыр» –

«нога тяжелая», караногайский вариант «шаркы авыр», буквально перевод «организм отяжелел». При первом же известии о зачатии, женщину освобождали от тяжелых работ, уделяли особое внимание, чтобы сохранить беременность. Считалось, отказ в просьбе беременной женщины, могло плохо отразиться на судьбе отказавшего человека.

Приметы и поверья, сопровождающие запреты и рекомендации беременным женщинам, носили магический характер, люди в прошлом были суеверными, и по их представлению все обрядовые действия и устное исполнение способствовало благополучному роду.

Многодетность один из символов счастья в ногайской семье. Стремление и желание иметь много детей отражено в пословицах:

Балалы уй - базар.

Баласыз уй - мезар.

Дом полный детьми – базар.

Дом без детей – словно кладбище (здесь и далее подстрочные переводы – А.К).

Баладынъ баласы - балдан тахтли.

Дети детей, слаще меда.

Аьвлети йоктынъ даьвлети йок.

У кого нет детей, нет и продолжения рода.

Баласы бардынъ бир кайгысы бар,

Баласы йоктынъ мынь кайгысы бар.

У кого есть дети – одна забота.

У кого нет детей – тысяча забот.

Балалы уйде маьлек бар, баласыз уйде аьлек бар.

В доме, где есть ребенок – ангелы присутствуют.

В доме, где нет детей, творится ужас.

Ул тувганга куьн тувады.

У кого родится сын, тому солнце восходит.

По форме живота могли определять пол ребенка. Примета, если у беременной женщины живот округлой формы – будет девочка, выпуклый живот – мальчик. На пигментные пятна на лице женщины говорили – красоту забирает ребенок. Если при беременности кушать красное варенье – будет девочка, кушать соленое или мясное, значит, родится мальчик и т.д. По примете, чтобы роды были легкими, на живот беременной женщины прикладывали пригретую на песке змею и обвязывали. Народные поверья приписывают змею целебные свойства. В русских сказках, змей хранит целебные мази, знает лечебные травы. «За змеиными и ужовыми головками и шкурами признается целебная сила...» [4, с. 292]. Ногайцы, и в наши дни, появление во дворе ужа считают неким предзнаменованием. Дети с детства знают, что убивать их нельзя, ставят для него молоко, напившись, уж благополучно покидает двор.

Существует много примет и поверий чего не следует делать женщине:

Чтобы женщина быстрее забеременела, на подоле ее платья снизу наверх шили шерстяной ниткой [1, с. 112].

Если беременная женщина перешагнет через кинжал и камчу, то не сможет родить мальчика.

Мясо верблюда беременная женщина должна кушать вместе с мужем, если одна кушает, то носить ей ребенка двенадцать месяцев, вместо девяти [1, с. 108].

Ногайцы не готовили заранее одежду для новорожденных, это считалось плохой

приметой, предрекало плохой исход родов.

По описанию А. Акманбетова, ногайцы, в комнате, где должны были происходить роды, зажигали сухие ветки можжевельника («ябыскан»), боярышника («арша»), распространяли благоприятный запах, совершали обряд очищения. Запахи этих трав выполняли лечебную функцию; можжевельник очищает дыхательные пути, боярышник способствовал равномерному сердцебиению матери, и соответственно ребенка.

Беременная женщина должна была сидеть и распутывать шерстяной клубок, а в день родов сундук оставляли открытыми, что способствовало «успешному освобождению женщины от предродовых и родовых мучений». Начало родов, а точнее схватки, у ногайцев называют «толгатув» - это священное событие, у калмыков его называют «белое священное событие» [5, с. 168]. У ногайцев не говорили, родила, заменяли словом «нашла» («тапкан»). И у абазин «О роженице говорили: «нашла», часто были выражения: «Наша сноха нашла девочку» (или у наших соседей родилась девочка)» [Тугов, 14].

Рождение ребенка в семье любого народа это радостное событие, которое сопровождается различными обрядовыми действиями. Ответственная роль отводилась всем участникам родильного обряда. В прошлом у ногайцев важную роль в родильном обряде, играла «эбия» – повитуха, как при родах, так и в послеродовых обрядах. Женщина, принявшая роды, считалась для новорожденного второй матерью. По народным представлениям, ее личные качества впоследствии отражались на судьбе новорожденного; она должна быть многодетной, хорошим человеком и с доброжелательным характером.

Эбия, правой ногой переступая порог дома, произносит благопожелание:

Минсиз арувак эс этсин,
 Элдинь тилегине.
 Кет-Бугадай ул тувсын.
 Халктынъ наъсибине.
 Кыз тувса да кыз болсын,
 Аяк-колы туъз болсын,
 Анайларга ырыз болсын [1, с. 120].
*Пусть добрый дух внемлет
 Просьбе отечества.
 Родится сын как Кет-Буга
 Для счастья народа.
 Если родиться девочка, пусть будет,
 Пусть руки, ноги будут здоровыми.
 Для матерей честью будет.*

Во время родов эбия произносила:

Бала тувсын, бала тувсын.
 Юмырткадай йылысып тувсын,
 Перистелери касында болсын,
 Ян саклавы арувах болсын
 Бала тувсын, бала тувсын
 Коък иеси – Танъири ярдам этсин
 Юзи сувдай таза болсын,
 Юреги шоълдей кенъ болсын [3].
*Пусть родиться ребенок.
 И скользит как яйцо.
 Пусть духи его охраняют.
 Душу охраняют добрые духи.
 Пусть родиться ребенок.*

*Владыка неба Тенгри поможет.
Лик будет чистым как вода.
Душа, необъятная как степь.*

Предание, записанный Т. Акманбетовым, ребенок, появляясь на свет, произносит следующие слова: «Еннет яшавдан яханемге келдим» («Из рая пришел в ад»), потому плачет и не хочет уходить из рая. Рай для него – это чрево матери, а предстоящая жизнь – для него как ад, где начинается вечная тема зла и добра.

В этот момент, эбия слушая плач новорожденного, отвечает:

*Туваякта сеннен сорамас,
Тувасынъма деп.
Оьлеекте сеннен сорамаж,
Оьлесинъме деп.
При рождении, тебя не спросят,
Хочешь ли родиться,
При наступлении смерти, тебя не спросят,
Хочешь ли умереть.*

Этими словами эбия отрезает пуповину и поднимает ребенка. Ребенок про себя произносит:

*Ети атама усаман,
Ерден алганга усарман.
Не буду похожим на семь отцов.*

Буду похожим на того, кто меня первым поднял.

«Эки коззининъ яркын нурларын дуньяга севип» [3] Затем ребенок («Сияющим взглядом озаряет окружающий мир»). В народе верили, что порой ребенку переходит манера и характер эбии.

Ребенок рождается «ший этли» – сырым, ежедневное купание ребенка в течение сорока дней укрепляет организм. По мифологическим преданиям в течение сорока дней «ребенок находится между двумя мирами», поэтому в течение всего этого времени ребенок кушает и спит, и на это в народе говорят: «Кырк куьнде, кырк кере туьрленер» («За сорок дней, сорок раз переменится»). От «сглазов» приводились следующие назидания: ребенок должен быть хорошо укрытым и пелененным, не рекомендовалось выводить новорожденного в людное место, посещать увеселительные места во избежание всяких недугов.

Много примет и поверий сопровождают родильный обряд: запрещалось раскачивать пустую колыбель, на это говорили: «Шайтан баласын тербетеди» «*Шайтан своего ребенка качает*», (шайтан – отрицательный мифический персонаж, переносная форма черт, сатана, бес, дьявол). Бесик (люлька) в доме имела постоянное место.

«Чтобы ребенок правильно развивался, его туго пеленали, это благоприятно сказывалось на формировании позвоночника. Особенно следили за положением ног, чтобы у них была правильная форма» [5, с. 185]. Если ребенок беспокойно спал, много капризничал, считали, что на ребенка посмотрел «не добрый глаз», приглашали муллу или женщину, которая умеет читать-заговаривать («уьскируьв» - заговоры) от сглаза. Считали, что от излишней любви мать может сглазить ребенка, поэтому не принято было родителям проявлять внимание своему ребенку, тем более при старших (не принято по обычаю). Заговаривали при испуге и болезни ребенка, в целях предотвращения сглаза подолом платья вытирали лицо ребенка.

Ногайцы издавна уделяли особое внимание обрядам, связанным с рождением ребенка и выработали свод этических норм и правил. Эти обряды, как календарные и свадебные обряды, уходят своими корнями вглубь веков. «Многие заповеди этих норм мы находим в образцах народной поэзии, в особенности поэзии, связанной с первыми годами жизни ребенка» [7, с. 109].

Таким образом, в цикле родильная поэзия ногайцев рассматриваются жанры

благопожеланий, сопровождающие дородовой и послеродовой период родильной обрядности. Приметы и поверья, сопровождающие запреты и рекомендации беременным женщинам, пословицы, поговорки и заговоры.

Литература:

1. Акманбетов Т.А. Колым яхшылыкка тийсин (Пусть рука прикоснется к добру). На ног. яз. - Махачкала, 2012. -240 с.
2. Акманбетов Т.А. Юреги шоьлдей кень болсын. На ног. яз. //газета Ногай давысы. 15 январь, 2013.
3. Афанасьев А.Н. Древо жизни. - М.: «Современник», 1983, - 464 с.
4. Борджанова Т.Т. Обрядовая поэзия калмыков //Система жанров, поэтика. - Элиста, 2007. - 590 с.
5. Тугов В.Б. Литература в меняющемся мире. Статьи разных лет. – Карачаевск, 2006. –С. 14.
6. Юсупов Х.А. Обрядовая поэзия даргинцев. (Общее и локально-особенное). - Махачкала, 2009. -180 с.

УДК - 82

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РОМАНЕ Л. БАЛАГОВОЙ «ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ»
(ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МАРИИ ТЕМРЮКОВНЫ
И ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНОГО)**

К.Н. Паранук,

Адыгейский государственный университет

***Аннотация.** В статье рассматривается жанровое и идейно-художественное своеобразие романа в стихах «Царская любовь» Л. Балаговой. Цель – выявить характер и содержание диалога культур в повествовательной системе произведения. Исследуется основа художественной концепции романа. Определяются параметры актуализации адыгского этикета как стержневой онтологии повествования. Анализируется образ главной героини в контексте своей эпохи. Устанавливается концептуальное значение образа Гошаней-Марии для реализации диалога культур в художественном контексте романа.*

***Ключевые слова:** Роман, диалог культур, история, адыгский этикет, образ черкешенки.*

**DIALOGUE OF CULTURES IN L. BALAGOVA'S NOVEL "TSAR'S LOVE" (THE
TRAGIC STORY OF LOVE BETWEEN MARIA TEMRYUKOVNA AND IOANN
VASILYEVICH GROZNY)**

K.N. Paranuk,

Adyghe State University

***Abstract.** The article explores the genre and ideological art peculiarity of the novel in verses "Tsar's Love" by L. Balagova. The goal of the present work is to reveal the character and content of dialogue of cultures in narrative system of the novel. The basis of the art concept of the novel is investigated. Parameters of actualization of the Adyghe etiquette as the basic ontology of the narration are defined. The image of the main character – Empress Maria – is analyzed in the context of the era. The author shows the conceptual significance of the image of Goshaney-Maria for implementation of dialogue of cultures in a fiction context of the novel.*

***Key words:** Novel, dialogue of cultures, history, Adyghe etiquette, image of the Circassian woman.*

Взаимодействие культур в пространстве художественного текста позволяет приобщиться к ценностям другой культуры, народа, нации. Диалог культур, осуществляемый в процессе знакомства с художественными произведениями,

предполагает стремление к национальной самоидентификации вместе с уважением к другим культурам. Роман-драма в стихах «Царская любовь» кабардинской писательницы Любы Балаговой посвящена трагической истории любви кабардинской княжны Марии Темрюковны Идаровой и царя московского княжества XVI в. Иоанна IV, прозванного в истории Грозным. Действие романа охватывает период с 1560 по 1568 годы, т.е. время пребывания кабардинской княжны Гошаней в супружестве с царем Иоанном Грозным.

В центре повествования романа – судьба кабардинской княжны Гошаней, в крещении нареченной Марией, которая, по верному выражению Н. Переяслова, переведшего роман на русский язык, была принесена в жертву «как невинный жертвенный агнец, возложенный кабардинским народом на алтарь своего служения России» [5, с. 4]. Как отмечает Л. Балагова в послесловии, замысел романа ею долго вынашивался: «Следующее, что случилось со мной, – это то, что ко мне явилась моя великая соотечественница, о которой я много думала, много размышляла и много плакала.... Я, словно сошедшая с ума, бредила ею, пока она мне не явилась. Она воскресла в моей душе, как Великий Ангел, позволяющий мне увидеть неисчерпаемую глубину духовного плана адыгов и дарящих бесконечную любовь ко всему русскому.... Ее судьба родиться кабардинкой, затем стать великой Русской Царицей, быть принятой, любимой и возвеличенной, а затем быть забытой и униженной, возвышает ее до таких высот, что ее имя смело произносится рядом с именами святых. Чем сильнее искажают ее светлый образ, тем ярче и чище становится ее Душа» [1, с. 176-177].

Образ главной героини предстает в романе в качестве связующего мостика между двумя мирами, двумя культурами - кабардинским и русским, представленными весьма емко и колоритно. Как справедливо отмечает Н. Переяслов: «...стремление горцев к дружбе с Московским государством – это вообще отдельная тема произведения Любы Балаговой, представляющая особую актуальность для наших сегодняшних, наполненных межнациональными конфликтами, дней. Можно без всякого преувеличения казать, что ряд строф ее романа являет собой самую настоящую и высокую оду в российско-кабардинской дружбе» [5, с.5]. То, что роман-драма в стихах Л. Балаговой выходит за пределы жанра традиционного исторического романа, становится очевидным для читателя уже с первой главы. Лиро-эпическое повествование часто перебивается авторскими монологами, репликами, комментариями. Принципиально отрешившись от традиционной точки зрения на изображаемые исторические события, Л. Балагова излагает свою, взволнованную, страстную летопись о делах давно минувших дней.

Идея адыгства, адыгского кодекса чести является стержневой в духовно-нравственной проблематике романа. Здесь следует отметить, что для адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) «адыгство», «адыгэ хабзэ» (адыгский этикет) обозначает не столько национальность, сколько «сложнейший комплекс духовно-нравственных, культурно-бытовых и этических правил жизни, регламентирующих взаимоотношения народа между членами семьи, детьми и родителями, старшими и младшими, гостями и хозяевами, простыми людьми и князьями, а также охватывает понятие родины, чести, веры, благородства, славы, достоинства и других жизненно-важных категорий существования народа в мире и истории» [2, с. 5].

В сюжете романа правдиво отображены, с одной стороны, смутные 60-е годы XIX в. на Руси, период укрепления Московского княжества, расширения его владений, с другой – своеобразный национальный мир адыгов, представляющий южные ворота на Кавказ, а потому – заинтересованность обеих сторон в их укреплении. Мир адыгов автор описывает глазами московских бояр, членов делегации, которую послал в Кабарду Иоанн Васильевич, чтобы сосватать младшую дочь князя Темрюка Идарова. Гости с удивлением наблюдают за обычаями и традициями этой южной страны, их непревзойденным гостеприимством. Автор вдохновенно, возвышенным слогом

описывает великолепные пейзажи, быт, нравы горского народа, изображает хачечи (гостиньи), называемые в романе по праву народной Сорбонной, воспроизводит все тонкости проведения ритуалов, особенности проведения праздничных игр, единоборств и т.д. Необходимо отметить, что воспроизведение мира адыгов осуществляется не только через яркие зарисовки этнографического плана, но и через возвышенное лирическое повествование о духовном мире адыгов, их менталитете, глубинной философии их мироздания.

История семьи Идаровых, взаимоотношений главы семьи Темрюка со своей супругой, братьями, дочерьми предстает в романе как образец удивительно добропорядочных взаимоотношений, где все регламентировано в соответствии с адыгским этикетом. Известному кабардинскому князю Темрюку Идарову, узнавшему о цели приезда московской делегации, нелегко дается решение – выдать свою любимую младшую дочь за русского царя. Но этот мудрый адыгский правитель прекрасно понимает весь политический подтекст этого сватовства, призванного упрочить дружбу между адыгским и русским народами. Удивительной является и реакция юной Гошаней, оказавшейся в той же ситуации, что и древнегреческая героиня Ифигения из одноименной трагедии Еврипида (греческое войско, отправившееся на войну с Троей, должно было принести ее в жертву богам ради попутного ветра). Сердце Гошаней к тому времени уже было отдано молодому князю Касиму, но, узнав о решении отца, она, бесконечно доверяя ему, всецело вверяет свою судьбу в его руки. Гошаней не сомневается, что отец, как и отец Ифигении Агамемнон, оказавшись перед выбором между интересами семьи и целого народа, остановится на последнем. Юная девушка, всеобщая любимица, росшая как вольный ветер, любившая часто скакать на лошади, одновременно проявляла признаки сильного характера еще в детстве, подчиняя своей воле «и кошку, и собаку, и коня». Воспитанная в строгом соответствии с адыгским этикетом, она понимает всю ответственность, которую возлагает на нее судьба в связи с этим замужеством.

Как признается сама Л. Балагова, при описании образа и формировании характера своей героини Гошаней Темрюковны Идаровой: «...единственным источником истины для меня служила правда том, что заложено в картине внутреннего мира и мировосприятия кабардинцев 16 столетия» [1, с.178]. Писательница отстраняется от «истории, написанной победившей стороной» и воспроизводит свою историю, вернее, историю своей великой соотечественницы, следуя своему ощущению, женскому и писательскому чутью.

Вместе с тем сложно утверждать, что это сугубо субъективный взгляд автора на произошедшие три с половиной века назад события, уж очень достоверно, близко к архивным источникам и историческим событиям они воспроизведены, поражает воссоздаваемая политическая и историческая атмосфера того времени, верность личностных характеристик многих именитых бояр, приближенных Иоанна Грозного: Андрея Курбского, Михаила Черкасского, Семена Мякинина, Данилы Юрьева, Федора Вокшерина, Иван Бельского, митрополита Макария, дяди первой жены Анастасии Захарьиной.

Вот как описывает свои впечатления от чтения романа известный русский писатель Г. Немченко: «Прочитал вздохнул... И сильно поколеблено было вроде бы честно заработанное здесь самоуважение, и стало зашкаливать стрелку самокритичности: настолько четче, чище, эмоциональней, возвышенней оказался явленный кабардинкой Балаговой как бы зеркальный, а на самом деле глубоко внутренний, сокровенный, озаренный не то что высоким – поистине горным светом, образ черкешенки... Да еще в каких обстоятельствах» [4, с.182].

Мария-Гошаней в романе предстает как образ юной, но мудрой, воспитанной в строгих рамках адыгства женщины, что позволяет ей легко адаптироваться к правилам придворного этикета. Примечательно напутствие, которое старшая сестра Алтынчач

дает Гошаней перед ее венчанием:

И пусть во всем ты сделаешься русской –
Лишь лучик Хабзэ в сердце б не погас!
Закон отцов – для самых разных вер
Несет источник неких общих мер [1, с.89].

«То, что Гошаней обладала мощным потенциалом быть великой царицей, была цельной и духовной натурой, верой и правдой служившей своей новой стране и новому народу в лице своего супруга князя московского Иоанна IV, для меня неопровержимая истина, – пишет Л. Балагова в послесловии к своему роману. – В ней просто по самой ее природе не могло быть натуры предательской, так как взрастивший ее народ, кровь которого текла в ее жилах, издревле жил и умирал в строгих рамках идеалов Чести Адыгэ Хабзэ и Адыгагэ» [1, с.177]. Роман содержит много глубоких авторских рефлексий об адыгстве, апеллирующих к трудам ученых и древних европейских путешественников, сравнивавших адыгский этикет, адыгство «с самурайским кодексом чести», с «европейским рыцарством».

В тексте приводятся такие критерии адыгства, как «чистая совесть, душа», а для истинно адыгского мужчины неотъемлемыми чертами считаются «сердце чистое, гордость и честь», он всегда руководствуется принципом: «со щитом, или – на щите». О демократичности адыгов, умения строить равноправные дружелюбные отношения с другими свидетельствуют строки:

Адыги учат не делить
людей по роду и богатству,
а призывают всех – любить
весь мир, словно большое братство! [1, с. 49]

Свод адыгских законов автор сравнивает со священным материнским молоком, вскармливающим народ, дающим необходимые жизненные ориентиры. Героиня романа Гошаней-Мария также впитала адыгство с материнским молоком. И, по авторской концепции, именно оно позволило ей в экстремальной для юной девушки ситуации сохранить силу духа, достоинство и вселило в нее мудрость, чувство такта. О силе характера молодой девушки свидетельствует то, что она, вынужденная поменять все: и привычный уклад семьи, родину, веру – не только не сломалась, не затерялась в чуждой для не социальной и культурной среде, но смогла пронести достойно, мудро, тактично крест великой русской царицы. И силы для этого она черпала именно в адыгском этикете.

Примечательно, что этнографы указывают на пять составляющих постоянств адыгской этики: человечность (ц1ыхугэ), почтительность (нэмыс), разум (акъыл), мужество (лыгэ), честь (напэ) [2, с.16]. Модель поведения Марии-Гошаней свидетельствует о том, что она неукоснительно придерживается всех этих принципов. О ее человечности, сердечности, чувстве сострадания свидетельствуют слова митрополита Макария и царя Иоанна, неоднократно подчеркивающих, что она светла душой: «Никто с Марией не сравнится/Своим сиянием души». По словам Иоанна Мария сердобольна и принимает близко к сердцу тяготы и боль всех страждущих россиян: «Ты любишь – всех. И в церкви – никого / Не забываешь отомолить у Бога [1, с.143].

Мария мужественно переносит нападки и перемены в настроении царя, неприятие народом «иноземки» и гонения со стороны родственников первой жены Анастасии Захарьиной, их попытки отравить ее, ее детей. Вопреки устоявшемуся в исторической литературе мнению, что Мария Темрюковна была «дикой нравом, жестокой душою» [3, с.310], в романе дается образ молодой, но мудрой женщины с высоким чувством ответственности за возложенную на нее миссию. Л. Балагова убедительно доказывает всей логикой повествования, что воспитанная по законам адыгства Гошаней-Мария не была способна на предательство, не могла изменить чувству долга жены и царицы.

Весьма характерны в этом отношении многочисленные монологи и диалоги между Марией и Иоанном IV, в которых она к супругу обращается с великим почтением и осознанием своей роли в этом супружестве»: Ты мне и мать, и родина, и друг,/ Все, что мне в жизни дорого и свято». Героине не изменяет высокое чувство ответственности за свою миссию перед двумя народами, русским и адыгским:

Взяла я в сердце всю страну твою.
И если в ней исчезнут вдруг солдаты -
Я сброшу платье и надену латы,
Чтобы защитить тебя и Русь в бою.
Иль рухну мертвой – или устою![1, с.154].

Из романа явствует, что Мария часто являлась для мужа мудрой советчицей. Царь не мог не видеть благородства души Марии, будучи весьма подозрительным и мнительным, и чувствуя себя бесконечно одиноким во дворце, он только ей одной доверял и поверял свои мысли и сомнения. «Того не зная, я искал тебя, / Одну тебя – в любой из встречаемых женщин!»[1, с.154].

Но Иоанн Грозный не смог уберечь от врагов Гошаней-Марию, которая «недолговечной яркой звездочкой просверкнула на небосклоне российской политической жизни XVI века и сгорела в костре жесточайших придворных интриг» [5, с.4]. Непонятая и одинокая, потерявшая двух своих младенцев, уставшая от подозрений психически нездорового мужа и гонений его окружения, Гошаней-Мария тихо угасает, уходит из жизни в 23 года. И только после ее смерти Иоанн Грозный понимает, кем она была для него. Так трагически завершается повествование об удивительной судьбе юной кабардинки, которая по велению судьбы в пятнадцатилетнем возрасте стала царицей всея Руси и восемь лет правила рядом с Иоанном Грозным.

Итак, в основе художественной концепции романа Л. Балаговой «Царская любовь» положен диалог культур, взаимодействие и взаимопостижение двух миров: русского и адыгского (кабардинского), в один из самых сложных периодов развития государства Российского, но идеи, отобразившиеся в романе через образ Гошаней-Марии Темрюковны, остаются актуальными и значимыми и в наши дни.

Литература:

1. Балагова Л.Х. Царская любовь (Трагическая история Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича Грозного): Роман-драма в стихах. – М., 2007. - 182с.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик, 1999. – 96с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4 книгах. Книга третья. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994.- 544с.
4. Немченко Г.Л. Откровение // Национальный интерес. – М., 2008.- №2.-с.180-184.
5. Переяслов Н.На краю истории и правды / Предисловие к кн. Л. Балаговой: Царская любовь (Трагическая история Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича Грозного): Роман-драма в стихах. – М, 2007. - с. 3-7.

УДК 82-3

ПРИРОДА КАК ПЕРВООСНОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. БЕЛОВА И В. СОЛОУХИНА

М.Х. Садулаева,

Чеченский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена главному из аспектов творчества русских писателей В. Белова и В. Солоухина – осознанию человеком первоосновы и корней своего существования в тесной взаимосвязи с окружающей средой. Мир природы в их произведениях изображен через поэтические восприятия, через раздумья, любовное отношение ко

всему живому на Земле.

Ключевые слова: человек и природа, первоисточник, деревенская проза, поэтическое восприятие, пейзажные зарисовки, «искусственный» мир, эстетические ценности.

NATURE AS FOUNTAINHEAD IN WORKS V. BELOV AND V. SOLOUHIN

M.H. Sadulaeva,
Chechen State University

***Annotation.** The article is devoted to the main aspects of the works of Russian writers Vladimir Belov and V. Solouhin - awareness of human fountainhead and roots of its existence, in close relationship with the environment. The world of nature in their works depicted through poetic perception, through meditation, loving attitude towards all living things on Earth.*

***Key words:** man and nature, source, rural prose, poetic perception, landscape sketches, "artificial" world, aesthetic values.*

Природа благотворно влияет на человеческое сознание. Соприкасаясь с миром природы, каждый переживает «процесс физического и духовного обновления», восстанавливает душевную гармонию и психологическое состояние. Следствием взаимодействия человека и природы является философское, эстетическое и нравственное совершенствование человеческого сознания, особый склад характера. А характер в художественном произведении очень часто раскрывается в процессе осмысления окружающего мира. Волевые черты: твердость, упорство, стойкость воспитываются природой. Чем больше испытаний она обрушивает на плечи человека, тем сильнее и выносливее он становится. Русские писатели всегда со вниманием относились к проблеме человека и природы, выделяя в ней в качестве смыслоопределяющего корня любовь к родной земле, малой родине. «Многие произведения, – пишет Ю. Сохряков, – пронизаны стремлением сознать свою прасовну, осмыслить корни, связывающие человека с природой и придающие смысл его существованию» [8, с. 24].

Поиски корней – это, в сущности, признание своей связи с основами народного сознания, взаимосвязанности прошлого, настоящего и будущего.

Существование человека невозможно без понимания и почитания первоистоков. «Зов памяти» – не абстрактная ностальгия, не сентиментальные воспоминания об ушедших днях юности, это могучий источник духовного мужества, душевной прочности, это спасительный психологический тыл, куда возвращается человек, если становится невмоготу» [8, с. 33].

Человек с его нравственным постижением жизни и духовными возможностями первоосновой имеет дом, землю и природу. И поэтому писатели – деревенщики в своих произведениях поставили вопрос о судьбе человека на земле, о сохранении основ деревенской жизни и национальной культуры.

В. Белов – один из писателей, обратившихся к природным истокам национальной самобытности. «Надо сначала разобраться, как испокон крестьянская «вселенная» была устроена», – говорил он в содержании своей книги «Лад» (1979). В предисловии к своей книге с подзаголовком «Очерки по народной эстетике» названный автор пишет: «Мир для человека был единое целое. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – все это отсеивалось временем. А то, чего недоставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладе, частью постепенно рождалось в глубинах народной жизни, частью заимствовалось у других народов и довольно быстро утверждалось по всему государству» [1, с. 67].

В очерках, как и в самой крестьянской «вселенной» красота и добро живут в нерасторжимом ладу. «Эстетика» В. Белова затрагивает многие вопросы нравственного

содержания, в том числе и отношение человека к земле, к природе.

«Природа – труд – эстетика. Три этих понятия в очерках взаимосвязаны, взаимообусловлены, – пишет С. Липин о книге В. Белова. – Природа определяла ритм крестьянского труда, склад жизни, формировала своеобразную цикличность. Каждый из циклов содержал множество видов работ, нес особую радость, особую красоту; и весенние всходы, и осенние урожаи по-своему волновали людей.

Успех крестьянского труда во многом зависит от понимания природы, «тонкостей» ее состояния: «Старики поглядывают на небо, прислушиваются сами к себе: какова весна? Затяжная холодная или короткая и теплая? Не упустить бы посевной срок». Но успех зависит и от мастерства, от умения творить в природе: «Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собою, накосит больше» [6, с. 161].

В союзе с природой формировался крестьянский уклад жизни, зарождались и закреплялись народные традиции, вырабатывались нравственно-эстетические нормы. «Лад» В. Белова – это существование человека в ладу с природой и происходящее непосредственно от природы; лад – это то, что соединяет человека и природу в нечто целое, то, что позволило человеку возникнуть в природе и стать человеком; лад – это существование народной эстетики» [3, с. 266].

В ладу с природой создавался и передавался от поколения к поколению жизненный опыт. В жизни крестьянства все зависело от природы и собственного труда-мастерства. Чем ближе к матери-природе, тем выше культура труда. Человек от природы – через культуру – идет вновь к природе, дает ей новую жизнь.

В. Кожин в статье «Авторитет истории» говорит о том, что литература должна ответить на вопрос (или хотя бы поставить этот вопрос): что мы теряем и что приобретаем в современной ситуации «на пути в искусственный мир». «Жадное стремление хоть на какое-то время вырваться из все более «искусственных» условий городского бытия захватило миллионы людей. Высшим идеалом представляется жизнь в как можно более «не тронутом» уголке природы, ловля рыбы, костер и т.п.» [4, с. 67].

В обращении к деревенской прозе важным является то, что писатели осваивают не изолированно деревенскую жизнь, а в сложном синтезе проблем современности, где природа играет ключевую роль, поскольку определяет судьбу человека сложными взаимосвязями с ним. По мнению В. Кожина, литература осваивает «современную ситуацию» через соотношение среды «естественной» и «искусственной» как различные стадии – ступени близости – оторванности от природы. Осваивает и через психологию человека, трудом, образом жизни целиком связанного с жизнью природы, и через психологию человека, ушедшего из села в город, и психологию горожанина, чей труд и быт связаны преимущественно с «искусственной» средой.

Л. Дёмина подчеркивает, что именно В. Кожин, принимая участие в середине XX века в литературной полемике относительно перспектив развития деревенской прозы, правдиво и справедливо сказал о достижениях и недостатках ее развития, указав на то, что деревенская тема изобилует разнообразными проблемами. К тому же уточним, что именно в неё входит проблема взаимоотношений человека и природы, так как она напрямую связана с деревенской жизнью и бытом. «Нельзя не согласиться с В. Кожинным в том, – пишет Л. Дёмина, – что проблема человеческих ценностей явилась главной в книгах В. Белова «Привычное дело» и В. Шукшина «Сельские жители». Глубина и важность смысла в этих произведениях выходит за рамки деревенской темы, поскольку для писателей главным является не просто изображение жизни, а стремление писателей, с одной стороны, «поднять» его до своего уровня, с другой, – «подняться» до его человеческой цельности и глубины» [2, с. 28].

Продолжая разговор о значимости деревенской темы в осмыслении взаимоотношений человека и природы, Ю. Перепелицына в своей статье, ссылаясь на работу В. Кожина «Голос автора и голос персонажей» (1968), подчеркивает, что

новаторским, совершенно исключительным явлением деревенской прозы второй половины прошлого века стало «обновление» стилистики, то есть включение в художественную ткань произведений разговорной речи персонажей. «В прозе громадную роль играет взаимодействие голоса автора и голосов персонажей и – шире – голоса народа. Сплетаясь, пересекаясь, эти «голоса» создают сложную ткань художественного повествования, определяют её выразительное и смысловое богатство» [5, с. 195].

На наш взгляд, выделенные ученым стилистические «достижения» в деревенской прозе того времени наметили новый сущностный подход в углублении взаимоотношений человека и природы, со временем произошло их естественное сближение с помощью «народного языка».

Природа для писателя В. Солоухинане существует вне душевного состояния человека. По его убеждению, и растениям, и человеку присуща не только красота, но и способность творить добро и воспринимать доброту. Как человеку свойственно чувство природы, так и природа, реагирующая на внешние воздействия, как бы чувствует человека. Например, в лирической зарисовке «Трава» писатель приводит не только красочные описания, но и включает в художественное полотно народные предания, поверья, т.е. через фольклор происходит сближение человека и природы.

С. Липин в своей монографии, исследуя мир природы в литературе, так пишет о творческом подходе В. Солоухина: «Сказать о растении правду можно по-разному, как и о человеке. Для Солоухина перечислять, как в иных справочниках, данные о размере, времени цветения, химическом составе – то же, что определять человека цифрами. Он не приемлет такой правды. Для него истинно то, что прекрасно. Прекрасное неуложимо в формулы. Писатель дает ту правду, которая делает человека мудрее и зорче, заставляет пристальнее вглядываться в мир, доступный каждому, наблюдаемый ежедневно. О крапиве, о хмеле, об одуванчике сообщается видимое всеми и вместе с тем неведомое, незамечаемое в повседневной привычности. Научно-художественная литература основана на точном, документально подкрепленном знании, но тем она и отличается от научно-популярной, что мир природы дается в ней через поэтические восприятия, через раздумья, любовное отношение к живому «царству» растений и животных [6, с. 212].

В. Солоухин всем своим творчеством доказывал важность, ценность природы, значимость гармонического сосуществования с ней человека. В одной из своих книг с символическим названием «Волшебная палочка» писатель говорит: «Не нужно твердить на каждом шагу: «Любимая земля! О люди, как я вас люблю!» Но если вы, действительно, любите, то любовь независимо даже от сознания может осветить и согреть страницы, написанные вами. Оно подскажет вам слова, даст краски, навеет музыку» [7, с. 12].

Писатель придерживался концепции, что нужно любить природу без пафоса, защищать её для того, чтобы любоваться и наслаждаться ею и помнить, что человек – где бы и кем бы он ни был – прежде всего представитель человечества, ответственный за судьбу природы, поскольку он её часть. Представитель-носитель ее красоты, неповторимости, доверчивости и чистоты.

В. Солоухин – лирик в прозе, его перу принадлежат известные «Владимирские просёлки», «Капля росы», «Терновник» и др.; в них он с необыкновенной задушевностью, открытостью проявляет интерес к природе и к отдельному человеку, что является ценным, важным в развитии так называемой «пейзажной прозы».

Вышеназванные писатели в своем творчестве главной определили проблему взаимоотношений человека с планетой Земля, природой, учитывая при этом ценностные эстетические накопления прошлого. Герой их произведений – подлинный хозяин своей Родины, проявляющий бережную заботу о природе и отвечающий за ее состояние. «Человек в пейзаже» ищет внутренней гармонической цельности и находит

ее на лоне родной природы. Природа питает нашу душу и успокаивает мысли. Поэтому и звучит в вышеуказанных произведениях призыв сохранить все прекрасное, доброе и хрупкое в окружающем нас мире. К сожалению, к пониманию этого приходит все меньше и меньше людей...

Литература:

1. Белов В. Лад. [Электронный ресурс]: <http://www.netda.ru/belka/texty/lad/lad1.htm#ld01>
2. Дёмина Л. Кожин о развитии деревенской темы в литературе // Творчество В. Кожина в контексте научной мысли XX – XXI веков. – Армавир, 2008.
3. Залыгин С. Критика. Публицистика. – М., 1987.
4. Кожин В. Авторитет истории // Литературное обозрение, 1977. - № 3.
1. Кожин В. Проблемы художественной формы социалистического реализма в 2 т. Т. 2. – М., 1971.
5. Липин С. Человек глазами природы. - М., 1985.
6. Солоухин В. Собр. соч. – М., 1982.
7. Сохряков Ю. Природа и человек (по страницам современной литературы). – М., 1990.

УДК 82.0

«ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ АНТИГЛОБАЛИСТИКА?»: ОБ ОДНОЙ ПОЛЕМИКЕ В ДИАЛОГЕ ДВУХ ХУДОЖНИКОВ (ИСХАК МАШБАШ – ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ)

**Т.М. Степанова,
Ф.А. Аутлева,**

Адыгейский государственный университет

Аннотация. Рассматривается проблема «большой» и «малой» родины в мировоззрении и творчестве писателей Адыгеи и России (И. Машбаш – Ю. Кузнецов), характеризуется полемика между этими писателями в контексте дихотомии глобализация-антиглобализация, анализируются формы выражения национальных образов мира и этноментальности, делается вывод о продуктивности и значимости жанра писательского диалога.

Ключевые слова: Литературно-эстетическая концепция, этноментальность, диалог культур, язык, история, традиция.

«GLOBALIZATION OR ANTI-GLOBALIZATION?»: ON ONE CONTROVERSY IN THE DIALOGUE BETWEEN THE TWO WRITERS (I.MASHBASH – YU. KUZNETSOV)

**T.M. Stepanova,
F.A. Autleva,**

Adyghe State University

Abstract. This paper examines the problem of “great” and “small” Motherland in attitude and works of two writers of Adyghea and Russia (I. Mashbash – Yu. Kuznetsov.) The polemic between them in the context of a dichotomy globalization – antiglobalization is characterized, the forms of expression of national images of the world and ethnomentality are analyzed, the conclusion about efficiency and importance of a genre of literary dialogue is drawn.

Key words: Literary-aesthetic concept, ethnomentality, the dialogue of cultures, language, history, tradition.

Всю мировую литературу с точки зрения функционирования в ней «мысли семейной», по выражению Л. Толстого, можно образно разделить на два типа – «литературу дома» и «литературу бездомья». Фазиль Искандер характеризует их как

литературу достигнутой гармонии и литературу тоски по гармонии. Конечно, при этом качество литературного произведения зависит не от того, какого типа та литература, а от силы таланта художника. В русской литературе эти два типа художников появлялись нередко почти одновременно. Так, по мнению Ф. Искандера, Пушкин и Лермонтов – достигнутая гармония (Пушкин) и великая тоска по гармонии (Лермонтов). Такая же пара: Толстой – Достоевский. В двадцатом веке наиболее яркая пара: Ахматова – Цветаева, Шмелев – Бунин.

Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с ее героями хотелось бы жить, как под крышей дружеского дома, здесь читатель укрыт от мировых бурь, он рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь в гостеприимном и уютном доме можно с хозяином дома поразмышлять и о судьбах мира, и о действиях мировых бурь.

Литература «бездомья» открыта мировым бурям, она как бы испытывает читателя в условиях настоящей трагедии, он заморожен видением бездны жизни. Но всегда жить рядом с этой бездной нельзя. Впрочем, это во многом зависит от характера читателя [1, с. 240].

В связи с приведенными нами выше тезисами профессор Руслан Мамий однажды очень уместно напомнил авторам этой статьи об одном в свое время довольно нашумевшем и знаменательном диалоге под названием «Кинжал без крови. Юрий Кузнецов и Исхак Машбаш: Диалог двух художников», записанный В. Огрызко, главным редактором газеты «Литературная Россия» в 2003 году и опубликованный повторно в книге Машбаша И.Ш. «Литература - жизнь моя» (2010).

Юрий Кузнецов (1941–2003) и Исхак Машбаш (1930) – это выдающиеся российские писатели – русский и адыг – примерно одного поколения, вышедшие из двух сопредельных регионов России – Кубани и Адыгеи — и это «два очень разных, но необычайно интересных мира. Когда-то творческие дороги их часто пересекались. Но потом всех разбросало. Так получилось, что в последнее время Ю. Кузнецов и И. Машбаш не читали друг друга» [5 245]. Но в 2003 году на съезде писателей Кабардино-Балкарии оба оказались в Нальчике. Естественно, двум давно знакомым писателям было о чем поговорить. Они с нескрываемым интересом слушали друг друга. «Это был даже не диалог. Встреча, по сути, вылилась в два монолога двух художественных миров» [5, с. 246].

Исхак Машбаш, вспомнив середину 1960-х годов, отметил, что в Краснодаре тогда появились очень интересные, перспективные молодые поэты Юрий Кузнецов и Валерий Горский. Ю. Кузнецов уже тогда выделялся, ни на кого не походил. «Когда я познакомился с первыми его стихами, сразу почувствовал: он будет великим поэтом. Уехал с Кубани, поступил в Литературный институт, да так и остался в Москве» [5, с. 247].

Эти уточнения о человеческой и писательской биографии Ю. Кузнецова важны, поскольку характеризуют одну существенную разницу в судьбах двух писателей. Оба в разные годы закончили Литературный институт. То, что Кузнецов остался в Москве, свидетельствует о многом: с одной стороны, это говорит о общероссийском масштабе поэта, с другой – отражает невольное отдаление человека от его малой родины, от тех местных, исконных, индивидуальных, неповторимых и ничем не заменимых корней, истоков, которыми неизбежно должен питаться поэт. При том, что это не является символом изоляционизма, национализма, узкого местничества.

И все же, как ни банально, но у каждого истинного писателя, особенно на российском литературном пространстве, должны быть пушкинские Михайловское и Болдино, толстовская Ясная Поляна, некрасовская Карабиха, есенинское Константиново, шолоховская Вешенская. Таким местом для Исхака Машбаша всегда был и остается его Кавказ, Адыгея, родной аул Шхашефиж, которые, собственно говоря, и оказываются также главными, пожалуй, самыми главными героями его

автобиографической книги «А что там, за горизонтом?»

Именно это подпитывает жизненные и творческие силы писателя, дает ему новые импульсы, так необходимое любому автору физическое, душевное и духовное долголетие. Это именно то ощущение *дома* и, напротив, противостоящего ему *бездомья*, которые Фазиль Искандер характеризует как литературу достигнутой гармонии и литературу тоски по гармонии.

Эту тему Исхак Машбаш затронул и в том уже давнем разговоре с Юрием Кузнецовым. Юрий Кузнецов также коснулся своих истоков, прежде всего речевых: «Все говорят, что поэта формирует его детство. Я вырос на Кубани. В языковом плане это особый край. Там казачий говор, балакают, много украинизмов, половина русских слов. Но поскольку мое детство и ранняя юность прошли в городе, я чаще слышал чистый русский язык. Правда, наполовину знал и украинскую мову.

Это потому, что у нас в Тихорецке пересекались четыре железнодорожные линии, был большой поток проезжающих и останавливающихся людей, такой сквозняк. Хотя сам Тихорецк – городок маленький, кругом степь» [5, с. 247]. Ю. Кузнецов совершенно точно оценил этот большой «поток проезжающих и останавливающихся людей» как «сквозняк», и это практически все, что он мог сказать о небольшом кубанском городе своего детства.

К тому же добавим, что это мотив того самого сквозняка, который, добавим, более всего любит гонять по степи траву под названием «перекати поле», метафора, символизирующая тот тип человеческой личности, во многом неприкаянной, утратившей связь со своими истоками и, в силу этого, гармонию. Вот это, пожалуй, и есть идея «бездомья».

На вопрос Исхака Машбаша: «Кем ты себя ощущаешь: казаком-кубанцем, иногородцем?» Юрий Кузнецов отвечает: «Иногородним меня назвать нельзя, в том смысле, как в начале двадцатого века говорили казаки: городовики, это, значит, пришлые» [5, с. 147]. Этот вопрос интересует И. Машбаша очень серьезно, как профессионала, писателя историографического направления, и он включается в полемику исторического свойства, делая серьезный экскурс: «Понимаешь, Юра, тут надо уточнить, кого мы подразумеваем под «иногородцами». Ты знаешь, что казаки пришли на Кубань в конце XVIII века. Потом была длительная, жестокая, кровопролитная Русско-Кавказская война. Во время войны и после нее на землях адыгов появился народ из Воронежа, Курска, Тулы, Смоленска, Тамбова, Саратова, Рязани, Ярославля и так далее, у которого не было земельных наделов. Поэтому людей, приехавших на юг и ничего не имевших, у нас называют иногородцами» [5, с. 249].

Для И. Машбаша важно следующее: «Но их дети родились уже на Кубани. Теперь это и их земля, их небо и солнце. Не случайно в твоих ранних стихах есть внешние кубанские приметы» [5, с. 250]. В дотошном внимании И. Машбаша к этно-географическим истокам своего собрата по перу видна его явная заинтересованность в той же теме «малой родины», теме Дома.

Для Юрия же Кузнецова эти факторы не столь очевидны, для него более важна общая образность, поэтическая техника в целом, хотя и он не отрицает необходимости истоков и корней: «Потом я ушел от метафор, и внешние приметы исчезли. Но подспудно остался этот раскат степной, простор, удаль. Это все в стихах, конечно, так и осталось. Это все Кубань. Глубинное все осталось. Так что, если ты обратил внимание на мои стихи, значит, есть у нас что-то родственное. Значит, мы земляки» [5, с. 251].

На высказывание И. Машбаша: «Я знаю историю России, как свою, но и ты, Юрий Поликарпович, должен знать историю моего народа» Ю. Кузнецов отвечает: «Все правильно. Я начинал с Пушкина. Это он открыл Кавказ в русской поэзии. Затем был «Демон» Лермонтова и «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. Но это все-таки русский взгляд на Кавказ. Позже я прочитал роман абхаза Баграта Шинкубы. Это как бы

«Хаджи-Мурат», но только изнутри. Чтение этого романа меня обогатило духовно. Баграт Шинкуба прекрасно понимал весь драматизм своего народа» [5, с. 251].

И далее Ю. Кузнецов в разговорном стиле излагает сюжет романа Баграта Шинкубы «Последний из ушедших». Генерал, один из военачальников русской армии, предложил убыхам (это родственное адыгам и абхамам племя) переселиться с побережья, потому что оттуда регулярно делались набеги на укрепления русских. «Убыхи были взволнованы. Тут еще турки настраивали их против русских. Это не мои слова. Это взгляд Баграта Шинкубы. Россия вынуждена была из государственных соображений очистить побережье от убыхов через отрог Кавказского хребта, переселив их на другие земли Кавказа. Но убыхи с этим не согласились и ушли, опять же, в чужую Турцию. Там их постигла трагедия» [5, с.151].

Исхак Машбаш на это отвечает: «Все это так. Но они ушли не по своей воле... Я ведь один из своих романов не случайно назвал «Жернова». Нас как бы промолотили между двух жерновов-империй. И я считал себя обязанным рассказать о трагической истории своего народа» [5, с. 251].

И тут же И. Машбаш переходит, точнее, возвращается к непрестанно занимающей его, и все-таки главной, теме: «Но, Юра, я давно хотел тебя спросить: тебя зовет малая родина?» И слышит честный и категоричный, конечно же, потрясший его, но видимо где-то и ожидаемый односложный и однозначный ответ Юрия Кузнецова: «Нет». Именно здесь открывается и акцентируется главная коллизия этого диалога – проблема конфликта идей глобализации и антиглобалистики, отразившаяся в провиноположных взглядах и позициях этих двух собеседников.

И. Машбаш реагирует на это сдержанно и тактично, деликатно, как и подобает горцу: «Конечно, ты и в Москве, и в Курске, и в Вологде, и во Владивостоке – везде чувствуешь себя хозяином своей земли». Чем дальше, тем он говорит взволнованнее: «Хотя все эти города в моей стране, в моей России, но я не могу в них ощутить себя дома. Вот Адыгея – моя малая родина, земля, на которой похоронены мои предки и где я найду последний приют. Пусть это небольшая земля, но для меня она и дом, и жизнь, и кладбище. А вы, великий народ, это не всегда чувствуете» [5, с. 253].

И. Машбаш касается темы, достаточно острой и напряженной в настоящий период, и рассматривает ее мудро, взвешенно, терпеливо, честно, и одновременно упорно и настойчиво. Юрий Кузнецов отстаивает свою позицию, и в ней есть своя логика: «Все по-разному. Есенин тосковал по Рязани, Пушкин – по Михайловскому. Я другое имею в виду. Я прекрасно чувствую вологодца, курянина, сибиряка, но диапазон моей поэзии шире.

Не будем говорить об уровне таланта. Допустим, Есенин – национальный русский поэт, а не рязанский. Когда говорят «кубанский поэт» – это неправильно, это должен быть русский поэт. Есенин свою Рязань расширил до масштаба России, поэтому его и в Вологде, и Курске, и Сибири любят и читают. Но при этом я нигде, ни в каком русском городе не могу жить, кроме Москвы, ибо в Москве сосредоточена духовная жизнь» [5, с. 254]. Очевидно, что в этом диалоге двух крупнейших писателей столкнулись две крупнейшие тенденции современности – антиглобалистики и неолиберальной идеи глобализации.

Ю. Кузнецов признается, что если бы он остался на Кубани, его бы теснила провинциальная узость. «В провинции нет средоточия духовности, а в Москве все это есть. Русский поэт должен жить в Москве» [5, с.254], – утверждает Ю. Кузнецов, не понимая того, что любая столица – это зачастую средоточие всего поверхностного, наносного, суетного, диктуемого конъюнктурными соображениями и мотивами, что присуще постиндустриальному обществу с его голым прагматизмом и практицизмом, известной ущербностью по отношению к духовным ценностям.

И. Машбаш вполне справедливо возражает: «А Шолохов, Распутин, Астафьев, Носов? Они живут в провинции». Юрий Кузнецов: «Да, прозаик может жить в

провинции, они писатели-исследователи жизни. А ее в провинции хватает. Но поэзия – сгусток духовной энергии, откуда ее взять, как не в Москве! Рубцов в Москве скитался. Потом из Москвы – в Вологду. Но без Москвы не было бы такого поэтического явления, как Рубцов» [5, с. 254].

Думается, абсолютизация Ю. Кузнецовым ценностей столичной жизни, некой абстрактной столичной «духовности», преклонение перед всем столичным антуражем с его неизбежной суетой и прочими издержками принадлежит к числу довольно распространенных заблуждений интеллигенции, как раз отдающих провинциализмом. Исхак Машбаш четко и однозначно, аргументированно формулирует свое кредо:

«Мое мнение – пишуший, кто бы он ни был, прозаик или поэт, должен жить среди своего народа, в среде своего языка. Я бы тосковал без них. Я писатель национальный, адыгский. Меня не будет, если вырвут мой корень. Я часто бываю в Москве, встречаюсь с писателями, поэтами, но меня всегда тянет домой. Да, у меня много было возможностей остаться в Москве. Но сколько национальных литераторов в столице пропало. Это значит, что они были оторваны от дома, от своей земли». Исхак Машбаш: «Словом, никогда нельзя забывать свою родину» [1, с. 255].

Весь этот диалог и его заключительную фразу можно рассматривать как квинтэссенцию духовно-нравственных и мировоззренческих устоев И. Машбаша и одновременно как преамбулу к его Главной книге – целой серии документально-публицистических книг И. Машбаша: «Щагухъурай» («Общий двор») (1985), «Литература - жизнь моя». (2010), «А что там, за горизонтом» (2012).

Литература:

1. Искандер Ф.А. Ласточкино гнездо. Проза. Поэзия. Публицистика. М., Фортуна Лимитед, 1999. - 440 с.
2. Машбаш И.Ш. «Щагухъурай» («Общий двор») Майкоп. – 1985 с.- 230с.
3. Машбаш И.Ш. «Литература - жизнь моя». - Майкоп. – 2010 – 310 с.
4. Машбаш И.Ш. А что там, за горизонтом? Книга воспоминаний. Майкоп. 2012. – 440 с.
5. Огрызко В. Кинжал без крови. Юрий Кузнецов и Исхак Машбаш: Диалог двух художников // Машбаш И.Ш. Литература – жизнь моя. Статьи, выступления, интервью. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ». 2010. С.245-255.

УДК 82-1

МОТИВ ПАМЯТИ В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ А. АХМАТОВОЙ

Е.Ю. Тамахина,

Ставропольский государственный педагогический институт

Аннотация. В фокусе внимания автора – мотив памяти в любовной лирике А. Ахматовой. Исследуется его роль в создании психологического портрета лирического субъекта, в раскрытии мировоззренческого образа героини, в становлении лирического сюжета произведений. Рассматривается деталь как способ сохранения воспоминания в памяти лирической героини. Выявляются особенности реализации мотива памяти в ранней и зрелой лирике поэта.

Ключевые слова: Ахматова, лирика, лирический герой, художественный мир, мотив памяти.

THE MOTIF OF MEMORY IN THE LOVE LYRICS OF A. AKHMATOVA

E.Y. Tamahina,

Stavropol state pedagogical Institute

Abstract. The author focuses on the motif of memory in the love lyrics of A. Akhmatova. Examines his role in creating the psychological portrait of a lyrical subject in the

disclosure of the ideological image of the heroine, in the development of lyrical story works. Detail is seen as a way of preserving memories in the lyrical heroine. Identifies the characteristics of realization of the motif of memory in early and Mature lyric poet.

Key words: Akhmatova, lyrics, lyric hero, the art world, the motif of memory.

Особая роль категории памяти в лирике А. Ахматовой неоднократно описывалась исследователями, в числе которых В. Виноградов, Б. Эйхенбаум, К. Чуковский, Ю. Левин, Р. Тименчик, Л. Кихней и другие. Определяя место категории памяти в ахматовском художественном мире, они отмечали такие аспекты ее реализации, как участие в создании образа героини-поэтессы; передача психологического состояния лирической героини; осмысление прошлого и своего места в нем; организация многопланового лирического сюжета. Память в ахматовском художественном мире даже определяется как «важнейшая художественно-эстетическая категория, на которой зиждется ее мир» [1, с. 207].

Мотив всезнания/всевидения – один из ключевых в создании облика поэта-пророка, наделенного особыми качествами. В творчестве А. Ахматовой он тесно переплетается с мотивом памяти: *Я вижу все. Я все запоминаю, // Любовно-кротко в сердце берегу. // Лишь одного я никогда не знаю // И даже вспомнить больше не могу* («И мальчик, что играет на волынке...», 1911). Помнению Л. Кихней, поэт здесь выступает как хранитель «вещественной плоти мира, его форм, запахов, звуков» [2, с. 5].

В приведенных выше строках можно усмотреть двойную отсылку к мотиву памяти: *все запоминаю – вспомнить не могу*. В другом стихотворении, написанном в том же году, речь идет о невозможности *забыть* происходящее: *Как забуду? Он вышел, шатаясь, // Искривился мучительно рот...* («Сжала руки под темной вуалью...», 1911). Таким образом, память как будто неподвластна героине: она хранит воспоминания, мучительные для нее, и не сохраняет особые знания о мире, которые, возможно, облегчили бы ее существование (...*даже вспомнить больше не могу* – значит, *пытаюсь вспомнить?*). Более того, поэтический дар в какой-то степени требует от нее беспамятства: *У меня сегодня много дела: // Надо память до конца убить, // Надо, чтоб душа окаменела, // Надо снова научиться жить. // А не то...* («И упало каменное слово...», 1939).

Избирательность памяти касается в первую очередь воспоминаний любовных: *Кто ты: брат мой или любовник, // Я не помню, и помнить не надо* («Как соломинкой, пьешь мою душу...», 1911). В одном из текстов поэтесса прямо заявляет: *Тяжела ты, любовная память! Мне в дыму твоём петь и гореть, // А другим – это только пламя, // Чтоб остывшую душу греть*. Более того, она просит у высших сил благословенного забвения: *Дай мне выпить такой отравы, // Чтобы сделалась я немой, // И мою бесславную славу // Осиянным забвеньем омой* («Тяжела ты, любовная память...», 1914). В то же время наиболее яркие переживания героиня все-таки не утрачивает: *И мне казалось – наяву // Тебя увижу, незабывый...* («Когда в мрачнейшей из столиц...», 1916); их невозможно утратить: *О, есть костер, которого не смеет // Коснуться ни забвение, ни страх* («Не будем пить из одного стакана...», 1913).

Невозможно забыть и неизжитую, не до конца выстраданную любовь: *В моем тверском уединенье // Я горько вспоминаю вас* («Покорно мне воображенье...», 1913).

В то же время лишение памяти о событиях – своего рода мучительное наказание, которым героиня угрожает возлюбленному: *Из памяти твоей я выну этот день, // Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-туманный: // Где видел я персидскую сирень, // И ласточек, и домик деревянный?* («Из памяти твоей я выну этот день...», 1915). А в стихотворении «А ты теперь тяжелый и унылый...» (1916) она говорит: *Я только петь и вспоминать умею, // А ты меня и вспоминать не смей*. Таким образом, наличие памяти о событии – это в каком-то смысле дар, и дается он не каждому.

К области незабываемого могут быть отнесены образы, с которыми связаны

переживания детства и юности: *Всё мне видится Павловск холмистый, // Круглый луг, неживая вода, // Самый томный и самый тенистый, // Ведь его не забыть никогда* («Всё мне видится Павловск холмистый...», 1915). Или: *Там, за пестрою оградой, // У задумчивой воды, // Вспоминали мы с отрадой // Царскосельские сады* («Вновь подарен мне дремотой...», 1916).

Память может выступать как последнее средство, связывающее героиню с этим миром. Так, в стихотворении «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» (1913) она утверждает: *... я томлюсь в неволе, // О смерти господя моля, // Но все мне памятна до боли // Тверская скудная земля*. Противопоставление в третьей строке (*но... памятна до боли*) становится ключом к прочтению текста: в двух следующих строфах раскрываются детали, которые хранит память лирического «Я»: журавль у колодца, облака, воротца полей, запах хлеба и т.д. Общая картина стихотворения как раз и складывается из этих отдельных деталей, позволяя читателю делать предположения о том, почему героиня «томится в неволе».

Об этой особенности реализации категории памяти в ахматовской лирике упоминает, в частности, Л. Кихней: «Многие стихотворения Ахматовой моделируют работу памяти. Консервантом "памяти сердца" у нее становится вещный образ, деталь. Метонимически-образное их представление позволяет реконструировать картину переживания, "материализовать" эмоцию» [2, с. 57].

«Детализация», овеществление памяти опирается на ее избирательность: общеизвестным является знание о том, что каждый из очевидцев какого-либо события создает собственную версию происходящего, опираясь на те детали, которые сохранила индивидуальная память. Так, в стихотворении «А! Это снова ты...» (1916) героиня просит бывшего возлюбленного простить ее за совершенное (или существующее только в воображении героя) предательство, утверждая, что она сама уже об этом ничего не помнит: *Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный, // И крики журавлей, и черные поля...* Однако последняя строчка показывает, что память о нежных чувствах героиня все-таки сохранила: *О, как была с тобой мне сладостна земля!*

Овеществление воспоминаний становится и тем началом, которое объединяет влюбленных героев, например: *На дороге бубенец зазвякал - // Памятен нам этот легкий звук* («Каждый день по-новому тревожен», 1913).

Предметы окружающего мира могут выступать как средство сохранения воспоминания, например: *Чтобы песнь прощальной боли // Дольше в памяти жила, // Осень смуглая в подоле // Красных листьев принесла* («Вновь подарен мне дремотой...», 1916). Здесь обращает на себя внимание цветообозначение «красный», издавна связанное в народном сознании с цветом крови, трагедии.

В то же время сохранившиеся в памяти подробности могут иметь исключительно ассоциативную связь с описываемым событием: *Он говорил о лете и о том, // Что быть поэтом женщине – нелепость. // Как я запомнила высокий царский дом // И Петропавловскую крепость!* Почему все это стало таким значимым для героини? Может быть, потому, что *... этот час была мне отдана // Последняя из всех безумных песен* («В последний раз мы встретились тогда...», 1914).

И. Гурвич замечает по поводу этих строк: «Казалось бы, коренному жителю Петербурга (какова ахматовская героиня) не должно бы особо и отдельно запомниться то, что ему уже довелось видеть, наверное, десятки раз. Но у "любобной памяти" свои законы: она может представить многократно виденное как однажды увиденное – как сплавленное с однажды пережитым. Второе двуступенчатое по смыслу связано ... не с буквальным содержанием первого, а с его эмоциональным подтекстом, образующимся в конкретике изображения» [3, с. 18].

Как свидетельствуют наблюдения исследователей, «Ахматова в полной мере использует ассоциативный и метонимический механизмы памяти, делая их принципами своей поэтики. Вот почему "консервантами" памяти сердца у нее

становятся вещные детали, "сенсорные" образы ... Лирические сюжеты многих ахматовских стихотворений построены по аналогии с механизмом воспроизведения воспоминания. Они тоже строятся дискретно и имеют смысловые "провалы" – благодаря чему и возникают многоплановость, множественность трактовок происходящего» [2, с. 98].

Воспоминание рассматривается в поэзии А. Ахматовой как отправная точка для развития сюжета, смысловая опора текста. Именно так строится стихотворение «Как белый камень в глубине колодца...» (1916), в котором героиня признается: *Я ведаю, что боги превращали // Людей в предметы, не убив сознанья.// Чтоб вечно жили дивные печали, // Ты превращен в мое воспоминанье.* Эти строки еще раз подчеркивают повышенное внимание поэтессы к предметам, которые так или иначе пробуждают в ее лирическом «я» определенные мысли и переживания. При этом воспоминание определяется как нечто амбивалентное: *Оно – веселье и оно – страданье.* Более того, воспоминание необходимо героине, оно – часть ее бессмертия: *Чтоб вечно жили дивные печали, // Ты превращен в мое воспоминанье.* Таким образом, выстраивается логическая цепочка: воспоминание о возлюбленном доставляет героине радость и страдание, но она не готова отказаться от него, несмотря на муки (*дивные печали* должны жить *вечно*); отправной точкой для воспоминанья служат некие предметы, оставшиеся неназванными в тексте.

Память, воспоминание также выступают как средство своеобразного очищения, возвращения к утраченным нравственным ориентирам, например: *Да, не страшны ни море, ни битвы // Тем, кто сам потерял благодать.// Оттого-то во время молитвы // Попросил ты тебя вспоминать* («Ты – отступник: за остров зеленый...», 1917). Здесь герой, характеризующийся как изменник (об этом говорит уже первая строка, играющая одну из ведущих ролей в организации смыслового пространства текста), оставивший родину (а вместе с ней – и возлюбленную), вместе с тем теряет и Божье благословение (благодать). Единственным средством обретения утраченного выступает молитва, в которой будет упоминаться его имя. Однако А. Ахматова использует в стихотворении слово «вспоминать», возможно, указывающее на то, что когда-то лирическая героиня уже молилась о нем.

Память или беспамятство выступает отличительной чертой как героини, так и ее возлюбленного. Выше уже упоминалось о возможности лишения памяти как наказания («Из памяти твоей я выну этот день...»). Способность помнить – свидетельство живого чувства: *Вчера еще, влюбленный, // Молил: "Не забудь". // А нынче только ветры // Да крики пастухов ...* («Разлука», 1914). Или: *Что? И ты не хочешь спать, // В год не мог меня забыть...* («Вижу, вижу лунный лук», 1915). Невозможно выбросить из памяти и героиню – носительницу сильного чувства: *А, ты думал - я тоже такая, // Что можно забыть меня* («А, ты думал - я тоже такая...», 1921).

И сама героиня не в силах забыть переживания, связанные с определенным человеком (и это не всегда переживания любовные), – а значит, она не забудет и его самого: *Забуду дни любви и славы, // Забуду молодость мою... Но образ твой, твой подвиг правый // До часа смерти сохраню* («О нет, я не тебя любила...», 1917). И уже в другом стихотворении (и по другому поводу) поэтесса замечает: *О, есть костер, которого не смеет // Коснуться ни забвение, ни страх* («Не будем пить из одного стакана...», 1913).

Следует отметить, что мотив памяти по-разному реализуется в ранней и зрелой лирике А. Ахматовой. И. Гурвич в работе «В споре с традицией классики. Новизна и психологизм. Ахматова» (1997), размышляя об особенностях ахматовской поэзии последнего десятилетия, утверждает: «Прежде "любовная память" переплеталась со сценами свиданий, любовь то вторгалась в текущее, то удалялась во владения воспоминаний. Теперь осталась только память, чувство теперь не переживается, а умозрительно восстанавливается – с тем напряжением, с той остротой, с какой ранее

переживалось» [3, с. 36].

Если в ранних сборниках образы памяти – почти исключительно индивидуальные переживания, то в поздних стихотворениях и поэмах память выступает как поэтическая категория, в рамках которой личное, субъективное если и существует, то лишь как частная реализация общенародного, исторического. С этой точки зрения можно утверждать, что в поздних произведениях категория памяти имеет более глобальный характер, выступая в роли основы, на которой разворачивается лирический сюжет.

Как пишет Л.Г. Кихней, «основой для связи прошлого и настоящего у Ахматовой становится память не только как нечто в человеке, позволяющее соотнести его с историей, но и как глубоко нравственное начало, противопоставленное беспмятству и хаосу. Вот почему в позднем творчестве Ахматовой категория "памяти" становится своего рода призмой, сквозь которую преломляются ключевые идеи и образы ее поэзии» [2, с. 117].

Таким образом, категории памяти отводится важное место в раскрытии психологической составляющей образа лирического субъекта – как героини, так и ее возлюбленного. Через нее раскрываются представления об особом мировидении, свойственном героине – поэтессе. Память – то, что связывает ее с окружающим миром; память властвует над ее душой, избирательно сохраняя представления о людях, предметах, событиях (прежде всего любовного характера). Основным способом реализации категории памяти выступают детали – воспоминания овеществляются. Многие тексты моделируют работу памяти, передавая ее дискретный, ассоциативный характер.

Воспоминание часто становится исходной точкой для развития лирического сюжета; выступает средством возвращения к утраченным ценностям и ориентирам; служит положительной характеристикой лирического субъекта.

Мотив памяти по-разному реализуется в ранней и зрелой лирике А. Ахматовой. Если в ранних сборниках память носит индивидуальный характер, то в поздней лирике героиня уже говорит от имени поколения, и ее воспоминания – часть общей истории.

Литература:

1. Дементьев В.В. Предсказанные дни Анны Ахматовой. – М.: Современник, 2004.
2. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. - М.: Диалог МГУ, 1997.
3. <http://www.akhmatova.org/articles/articles.php?id=174>

УДК 82

УДК 82.31

АКТУАЛЬНЫЙ СЕГОДНЯ ДЛЯ АДЫГОВ СИРИЙСКИЙ РЕПАТРИАНТ С ЕГО ПОНИМАНИЕМ

Ф.Н. Хуако,

Майкопский государственный технологический университет

Аннотация. В статье рассматривается роман «Изгнанники Кавказа» (1995, Париж) пишущего в Сирии адыга А. Нажжара, рисующего картину времен Кавказской войны. Статья анализирует современное художественное произведение адыга, выросшего за пределами собственной исторической родины, но остающегося убежденным потомком и ярким приверженцем своих предков, выселенных в чужие земли и приобретших выделяемые автором статьи характерологические особенности.

Ключевые слова: Сирийский адыг, черкес, Нажжар, Куек, Кавказ, роман

RELEVANT TODAY ADYGEA SYRIAN RETURNEES WITH HIS UNDERSTANDING

F.N. Huako,

Maykop State Technological University

Abstract. The article examines the novel «Exiles of Caucasus» (1995, Paris), writing in Syria adyge A.Nazhzhazhar, drawing a picture of the Caucasian War. The article analyzes contemporary artwork adyge who grew up outside their historical homeland, but remains convinced descendant and an ardent supporter of his ancestors who were evicted in foreign lands and acquired secreted by the author characterological features.

Key words: Syrian Circassian, Circassian, Najjar, Quek, the Caucasus, the novel

Родившийся и выросший в Сирии потомок адыгских изгнанников Александр Нажжар сумел сберечь и пронести сквозь века свою генетическую отнесенность. Оказавшаяся в изгнании на чужих народу землях этническая память черкесов ничуть не трансформировалась, не была урезана либо сокращена. И это отчетливо прослеживается на материале всего романа автора «Изгнанники Кавказа» (1995), вышедшем в Париже. В унисон происходящим в сегодняшнем мире событиям, особенно интенсивным именно в Сирии, становится весьма актуальным обращение к данной, военной, активной тогда и активной сейчас теме. И потому тот или иной читатель, увидев сирийского выходца, протянет руку к произведению, освещающему именно военные перепалки, рисуящему именно военные портреты, – все это, пытаясь представить на такой благодатной почве непосредственно боевые поля и боевые нравы сегодняшней горячей точки, держащей в напряжении весь мир.

Действительно, что может быть сегодня более актуальным, чем ключевые слова «Сирия», «война», «бой», «боец». Но, зная об адыгском происхождении А. Нажжара, предусмотрительный читатель будет подсознательно ждать от него и какой-либо смысловой ветви, принадлежащей ключевому слову «черкес». Так и есть. Уже первые строки («Вначале был Кавказ»), наполняющие начальный абзац, воспевают Родину писателя. То, как он называет его «мостом меж двух миров», продолжается далее, но немного конкретизируется и все-таки сосредоточено уже, – вот и Кубань питает собою множество речушек, вот и ледниковый Эльбрус вознесся своей мощью на заднем плане. Конечно, это же уже адыгские территории, так называемое «царство черкесов». И именно здесь продолжит развиваться вся фабула романиста, сопровождающего собственный народ в его метаниях и страданиях, жертвах и потерях, но не забывающего и об этнических нравах, достоинствах и недостатках, то есть подробно очерчивающего характерологический аспект этноса.

Но война не сдает в фабуле своих позиций. Именно она руководит племенами, пришедшими уже в первой главе (Книга первая) на процедуру примирения. Этот ритуал, помогающий воевавшим родам примириться, описан автором весьма выразительно и многозначно. Возможно, он способен несколько шокировать строгого традиционалиста, не способного сходу понять, зачем женщина обнажает грудь перед строем солдат. Однако, когда выясняется, в каком почитании и обожествлении кающийся воин прикасается губами к этому источнику жизни, любой, даже самый строгий читатель простит адыгам такой ритуал, понимая, насколько боготворима у них женщина, фактически выступающая здесь в роли иконы Божьей матери у славян.

Приближающиеся здесь друг к другу воины начинают ощущать себя единым кланом, а смотрящие на своих бывших неприятелей солдаты приобретают так братьев, – верных и вечных. «Бессмертен род людской, бессмертен нарт, поднимающийся и возрождающийся как птица феникс после любого испытания, вплоть до смерти. Да, смерть всемогуща, испить вино мертвых придется каждому, даже самому Великому Богу, но жизнь, состоящая из Звука и Света, сильнее» [1, с. 209]. Именно к подобной

установке и призывает выступающий здесь же предводитель адыгского воинства, шейх Мансур требует извлечь уроки из прошлого, не направлять оружие на своего брата и разрешает проливать священную кровь черкеса только в общенародном порыве, – во благо Родины.

Причем война остается судьбоносной и в следующей главе. Здесь автор позволяет себе небольшой скачок в историю от своего изложения. Уходя в 80-е гг. XVIII в. он обращается к эпизоду рождения своего героя. Зашедший в адыгский дом чеченский вождь шейх Мансур Ушурма, услышавший радостный выстрел и пожелавший поздравить семейство с прибавлением, слывший среди адыгов отважным «Черным Соколом», своим визитом очень обрадовал и без того счастливого отца. Следуя адыгскому обычаю, хозяин называет сына в честь славного гостя, первым зашедшего в обогатившийся только что дом. И хотя акушерка здесь не слишком знакома с чеченским вождем, однако черкесские мужчины искренне уважают и почитают его. Именно на базе подобной ценностной установки и складывается, и реализуется, и продвигается в дальнейшем судьба центрального персонажа. Война, сопровождаемая отвагой и честью подлинного воина. Та же линия высвечивается неизменно, и в воспоминаниях других героев. К примеру, столь же ощутимо война определяет судьбу приводящего свои дневники Омара: вот он, воин, навещает свою беременную жену, строго попрекающую его за отсутствие, оправдывается перед ней. Он считает себя обязанным защищать Родину, чтобы ожидающий появления на свет их потомок мог жить в мире и согласии. Однако успевшая намучиться и соскучиться жена вполне резонно парирует тем, что ребенок не сможет чувствовать себя достойно при мертвом или искалеченном отце.

И именно поэтому такой кровавой предстает сцена одного из сражений. Здесь атаку русского генерала отбивают совместно чеченские и адыгские воины. Наравне с мужчинами яростно сражаются и их жены, и их сестры, отчаявшиеся и уставшие от агрессии захватчиков. Стремящиеся (не всегда осознанно, порой подсознательно) высказать неприятелю все свою давнюю, скопившуюся ярость женщины гибнут на глазах мужей, но успевают воспроизвести возглас о свободе и взмахнуть шашкой в сторону реального врага. То есть сделать то, ради чего они сочли себя обязанными прийти в бой. К примеру, брат Мансура Калимат успевает увидеть, насколько отважно его жена сражается с врагом, однако видит он и то, как в ее грудь вонзается вражеская пуля, как она, пораженная, падает, как лежит в луже крови, умирая. Подобной мотивацией рассказчик в некоторой степени оправдывает неистовство воющих черкесов, – ярость умножает мощь Мансура, видящего слезы овдовевшего только что брата.

Столь же яростны и так же понимаемы читателем эпизоды многих других подобных сцен в романе. Так, в воспоминаниях Омара так же подробно и экспрессивно описана сцена того, как командный пункт лейтенанта Колле, сопровождаемый черкесами, отбивается от вражеской атаки. Причем явно очевидно, что говорящий симпатизирует славному Колле, находящемуся в Сирии, порой воспроизводит обсуждаемые им с другими военными участниками стратегические планы и даже время от времени воспроизводит его мысли, комментарии и реакции. Даже лишённые в описываемой сцене вражеской атаки оружия и внезапно разбуженные воины защищаются практически врукопашную. И, как понятно объясняет писатель устами Омара, «никогда, наверное, я не видел смерть столь близко» [2, с. 186].

Омар отчаянно и с очевидно подчеркиваемой повествователем грустью (как сказали бы сегодня «безнадегой») следит за собственными земляками, пожизненно и всеми семьями втянутыми в такую несправедливую войну. Аналогичная предыдущему эпизоду мотивация позволяет воинам добиться успеха в бою и чудом отбить целый ряд жестоких атак. Как ярко и убедительно описывает в романе А.Нажжара произошедший бой и его черкесов-участников зарубежный репортер, «Колле командует черкесскими

эскадронами, самими лучшими, вероятно, что Франция имеет на сирийской земле» [2, с. 197].

В числе черкесских боевых и личностных достоинств репортер перечисляет их оптимальную адаптированность к местности, а также присущее им полное пренебрежение к возможной гибели и любовь к боевой самореализации. Здесь сражающиеся отчаянно и полностью забывающие о собственной безопасности воины в полной мере напоминают любому адыгу отважных нартов древнего эпоса. Родившийся в эпосе нарт представлен как пылающий младенец, искрящийся огнем и извергающий пары: он опускается богоподобным кузнецом для закаливания в воду и превращается, тем самым, в булат. Причем и растет эпический герой в подобных обстоятельствах: является ребенком, сидящим у огня и развлекающегося углем, – бросает себе в рот пылающие угли и выплевывает погасшие. Более того, растущие с ним ровесники, предпочитают опасаться такого чудо-мальчика. Они боялись рассердить его, поскольку в гневе он моментально начинал извергать искры, обжигающие и пламенные, настоящие и опасные.

Подобные персонажи присущи и классическим адыгским авторам. К примеру, писатель конца прошлого – начала нового веков Нальбий Куек, очерчивая и изображая одного из своих центральных персонажей (нарта Кунтабеша в его романе «Вино мертвых», 2002), бесспорно воплощающего подлинного черкеса прошлого, подчеркивает: «Одним круговым движением меча он вырубил в стене проем, равный своему огромному телу, потому что его не учили открывать двери» [1, с. 8]. Как объясняет подобную авторскую активность и персонажную бесшабашность один из профессоров Ф.Хуако, «Уж это ли не прямое указание на повторяющуюся из столетия в столетие историческую ошибку адыгского народа – не искать обходных путей, а идти напролом, ошибку, стоившую ему, как показала вековая история, тысяч и миллионов человеческих потерь» [3, с. 211]. Посредством подобных приемов отдельные думы писателя, производимые его персонажами, наделены драматичностью для социума и хроникальной аналитикой для истории. Либо аналогичным по его философской интенсивности можно считать непосредственный упрек, кидаемый одним из нартов – героев Н.Куека – другому, являющийся фактическим описанием сегодняшнего адыга: «Ты скачешь задом наперед, славный витязь. Ты хочешь выскочить из сегодняшнего дня обратно во вчерашний день» [1, с. 10]. Вполне идентично философскими можно считать рассуждения рассказчика у А. Нажжара. Омар в своем дневнике вспоминает, как, он, приблизившись к изголовью умирающего отца и увидев то, насколько тот постарел, почувствовал себя абсолютно бессильным.

И хотя на полях сражений ему, как воину, приходилось спасать не один десяток земляков, в данном случае он бы абсолютно безоружен. Остается юноше только рассуждать философски о том, что старец «похож на свечу, которая истощается», и «В его возрасте время не летит незаметно» [2, с. 191]. И тогда уже вполне объяснимо уже на следующей странице обращение сына к ушедшему безвременно отцу. Заверяющий старца юноша в своем почитании уверен в последующем постоянном присутствии его в своей душе и в том, что добро не способно умереть, а сердце останется наводненным полувековым пристрастием. Рассказчик убежден и не позволяет в своей уверенности усомниться читателю, пусть сначала колеблющемуся, но остающемуся в итоге тоже убежденным: «Смерть властна лишь над видимым. Ей не победить мою веру и мою любовь!» [2, с. 192]. Причем здесь же ведущий изложение говорящий в своей философии отдает должное этническим нормам. Подчеркивая, что тело его отца, прожившего жизнь (славную и во благо нации) будет захоронено без гроба, он знает, почему так принято у адыгов: якобы ничто не может отрывать тело от недр, к которым живший принадлежал и в кои он обязан обязательно вернуться.

И потому тот же Омар, уже сам будучи в роли отца, безнадежно, но философски отвечает встречающей его на пороге с войны дочке на вопрос об окончании войны и

победителе то, что подобное столкновение не способно иметь окончания, в такой войне не может быть победителя. Такой вывод вполне психологически обусловлен и грамотно выведен автором, поскольку в паре предыдущих абзацев он повествует о том, как Омар прибыл в родные места. Прошедшие сквозь боевые события, оказавшиеся в руинах поселения детализировано описывает все последствия, как то: выступающие уже не жильем, а сором развалины; железным ломом боевые орудия, гильзы и каски. Именно в подобном, калечащем, созерцании черкесом родных мест читатель увидит оправдание входящего в родной дом воина, убеждающего дочку в безнадежности происходящего. И это можно расценивать как прямое указание писателя современной геополитической обстановке в мире.

Литература:

1. Кук Н. Вино мертвых: Роман в новеллах. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2002. – 296 с.
2. Нажар А. Изгнанники Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. – 280 с.
3. Хуако Ф.Н. Двадцатый век: эпоха и ее художественное отражение в северокавказской лирической повести. – Майкоп: изд-во МГТИ, 2005. – 270 с.

УДК 882

СТРУКТУРНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ А.БЛОКА

П.Х. Хунарикова,

Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается недостаточно изученная проблема жанрового синтеза в русской философской лирике, разные формы, особенности жанровой структуры, где основным является нравственно-философская проблема, и рассматривается все это на примере лирики А.А. Блока.

Ключевые слова: художественная структура, нравственно-философская проблематика, жанр, лирика, синтез.

STRUCTURAL VARIETIES OF PHILOSOPHICAL POETRY OF A.A. BLOK

P.Kh. Hunarikova,

The Chechen State University

Abstract. This article examines the understudied issue of genre synthesis in the Russian philosophical lyrics, different shapes, peculiarities of genre structure, where the core is a moral – philosophical problem, and all of this is considered on the example of Blok's lyric poetry.

Key words: artistic structure, moral and philosophical issues, genre, lyrics, synthesis

Художественная структура блоковской лирики 1910-х гг. соединила жанровые искания русской философской лирики Баратынского, Тютчева, Лермонтова, Фета и социально-философской лирики Пушкина.

Синтез жанровых структур русской философской лирики принимает в лирике Блока разные формы. С одной стороны, определенный круг стихотворений Блока повторяет одноплановую структуру Баратынского, Тютчева, Фета. Жанровая природа этих стихотворений не вызывает сомнений. Нравственно-философская проблематика здесь выступает как основная, ведущая. Осмысление родовых, глобальных закономерностей человеческого бытия и сознания выражено в тематике. Круг тем традиционен для философской лирики: жизнь и смерть, трагизм индивидуального существования человека, взаимоотношение мечты и реальности. Такие стихотворения есть в циклах «Страшный мир» («Миры летят. Года летят»), «Идут часы и дни и годы»,

«Осенний вечер был», «Голос из хора»), «Возмездие» («Ночь – как ночь», «Когда вступая в мир огромный», «Кольцо существования тесно»), в «Итальянских стихах» («Под зноем флорентийской лени», «Сиенский собор»), в «Разных стихотворениях» («Сусальный ангел», «Ты помнишь, в нашей бухте сонной», «Владимиру Бестужеву», «И вновь – порывы юных лет»), в «Арфах и скрипках» («Похоронят, зарюют глубоко», «Все на земле умрет – и мать, и младость», «Голоса скрипок», «Сегодня ты на тройке звонкой», «Есть времена; есть дни, когда», «Он занесен – сей жезл железный»).

Подобная структура чужда гражданским циклам поэзии Блока – «Ямбам», «Родине», она составляет очень небольшой процент в социальном цикле «Страшный мир», ее нет в психологической лирике «Кармен».

Ставящие вопрос о смысле жизни, эти стихотворения Блока объединяются проблемой соотношения идеала и реальности, мечты и действительности, личного и общего. Проблема эта и составляет предмет размышления лирического героя, предмет художественного изображения. Например, в стихотворении «Кольцо существования тесно» образ переживания подчеркнуто обобщен, лишен социально-исторических примет; лирический герой открыто претендует на выведение некоего вечного закона, он держит слово от имени всего человечества. Так же построена стихотворение «И вновь порывы юных лет».

В отдельности каждое из стихотворений Блока подобной структуры повторяет структуру лирики русского философского романтизма. В контексте же всего тома, раскрывающего психологически, социально и исторически конкретный внутренний мир лирического героя [3, с. 25], образ переживания теряет свою безграничную обобщенность. Сентенция утрачивает характер окончательного вывода и воспринимается лишь как звено в цепи раздумий героя, конкретное душевное состояние, обусловленное и объясненное ситуацией жизни героя и общества. В этом свете становится понятной неоднозначность, а порой противоположность решений одной и той же темы в разных произведениях Блока.

Сравним два названных стихотворения. Их идейно-эмоциональный пафос принципиально различен. И это различие можно понять, только учитывая, что первое входит в цикл «Возмездие», рисующий картину сознания буржуазного интеллигента, замкнутого в кругу представлений «страшного мира», а второе – в цикл «Разные стихи». В этом цикле герой предстает перед нами на новом этапе постижения жизни, обогащенный опытом раздумий «Ямбов» и «Итальянских стихов», приобщенный к ценностям народного сознания и гуманистической культуры.

В лирике Блока за счет контекста всей лирической системы тома метафизическая постановка проблемы сменяется историческим подходом к ее разрешению, что отличает рассматриваемую группу стихотворений от русского философского романтизма XIX в.

Большая же часть стихотворений третьего тома близка по структуре пушкинской философской лирике 30-х гг. [1, с. 13]. Образ переживания в них психологически индивидуализирован, социально определен и соотнесен с определенными тенденциями общественного сознания. Непосредственно в фокусе изображения – душевное состояние героя, его этическая, эстетическая, общественная позиция, характеризующие его восприятие картины нравов, бытового и социального уклада жизни современников. Нравственно-философский план содержания здесь сосуществует с нравственно-психологическим и социальным, из них вырастает и обычно не является ведущим. Порой его трудно выделить, так как его проблематика не закреплена в теме стихотворения и составляет не предмет познания как таковой, а особую систему координат, в которой и рассматривается предмет изображения. Такую систему координат образуют нравственный императив сознания и слепая инерция существования или музыкальное (космическое) состояние мира и Хаос. В сравнении с лирикой Пушкина 30-х гг. у Блока большую роль играет натурфилософский аспект,

свидетельствуя о романтической основе его художественного метода.

В каждом стихотворении этой группы на первый план обычно выступает нравственно-психологическая или социальная проблематика. Лирико-философский уровень содержания обнаруживается лишь при рассмотрении стихотворения в контексте всего тома, дающем возможность неоднозначного, расширительного истолкования сюжетной ситуации каждого стихотворения и выявляющем в ней нравственно-философский план.

Особенности художественной структуры такого типа можно продемонстрировать, например, на широко известном стихотворении Блока «На железной дороге». Оно отличается большой емкостью содержания и дает материал для размышлений о тяжелых судьбах России, драме народной жизни, растленных нравах «страшного мира», о трагическом одиночестве в нем личности и одновременно о любви и мечте, которая часто опережает действительность, становясь для нее недостижимой.

Под пером художника оживает один эпизод из жизни героини стихотворения, длящийся всего несколько минут. Но этот эпизод не случаен. В нем – художественное обобщение ее жизни, обычной, заурядной и трагической в своей «невоплощенности». Сюжетная ситуация стихотворения прямо связана с грустным финалом судьбы героини.

Стихотворение «На железной дороге» сначала было помещено Блоком в цикле «Страшный мир», что показывает связь драмы с «проклятыми вопросами» «буржуазного порядка» царской России. Поэтому оно так легко напоминает Некрасовскую «Тройку» и эпизод из этого романа Л. Толстого «Воскресенье».

В абсолютно всех трех вариантах русская девушка из простого народа («в цветном платке, на косы брошенном») представляется носителем немалого чувства духовного порыва, что регламентированном мире «отменного» социального общества не находит отзыва [2, с. 267]. Социальный аспект картины акцентируется и в изображении поезда. Противопоставление пассажиров третьего класса тем, кто расположился в первом и втором, модифицирует проблему контраста высоконравственного мира девушки и состоятельных верхов сообщества и вводит её ряд основных тем, характеризующих сущность стихотворения.

За зелеными вагонами, деревянным навесом на глухом полустанке, за ожидающим взглядом, девушки встает неоглядная Россия Блока, Россия народная, с ее серыми избами и ветровыми песнями, тоскующая, обманутая, требующая возмездия. Включение художником стихотворения в цикл «Родина» доказывает, что размышления Блока о социальных путях Родины – России занимают в содержании стихотворения видное место. В контексте же всего тома образы этого стихотворения обрастают рядом дополнительных ассоциаций, взаимосвязь которых открывает в стихотворении еще один пласт содержания. Образы поезда, железа, стали можно встретить у Блока в разных сюжетных ситуациях. Но все они имеют нечто общее.

В стихотворении «На железной дороге» в окне вагона встает гусар, «рукой небрежно облокотясь на бархат алый». Алый бархат в данном случае не только знак социального статуса пассажира. Красный цвет – цвет огня, пожарища – встречается в стихотворении Блока много раз, входит в число ключевых образов его лирики, образов символических, и всегда представляет далекую от абсолюта, наполненную страстями и тревогою реальность. В этом стихотворении А. Блоказатрагивание алого бархата подкрепляет ассоциацию образа поезда с образом суеты живой жизни. В той же функции выступают звук и свист поезда. Ассоциация содержится и в виде поезда-жизни. Она усиливается дополнительной ассоциацией поезда с молодостью, постоянно воплощающей у Блока стремление к идеалу («И вновь порывы юных лет, и взрывы сил, и крайность мнений») – так же неотъемлемое от настоящей реальной жизни, как объективно бесперспективное, несбыточное.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...

Движение, полет в лирике Блока всегда имеют оттенок необратимости. Они внутренне связаны с ветром, метелью, бурей – стихией, не контролируемой человеческой волей. Так человеку дают о себе знать законы мирового целого, не знающего единичного, частного, отдельного и потому губительные для личности.

В стихотворении «На железной дороге» пролетающий мимо полустанка поезд вырастает в символ жизни, безжалостно опрокидывающей юношеские иллюзии, не считающейся с индивидуумом и никак не программирующей счастья как свершения его надежд и планов. Трагическое звучание темы жизни усиливается в стихотворении контаминацией образа поезда с образом железной дороги.

Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Тема дороги у Блока встречается очень часто и во всех ее вариациях имеет постоянную смысловую доминанту. Составляющим является идея судьбы, величественной, грозной и безжалостной, как сама жизнь. Поэтому образ дороги у поэта подчас используется в значении жизни, для которой счастье – неисполнимая, зыбкая мечта одинокой души.

В стихотворении «На железной дороге» несовместимость жизни и идеала, реальности и мечты акцентируется эпитетом «железная». Железо, железное, стальное – тоже повторяющийся у Блока образ. В разных контекстах все железное в лирике Блока является знаком непреложной объективности, данности, несовместимой с иллюзиями, знаком надежности или, в зависимости от лирической ситуации, неумолимости реального факта, и всегда – его очевидности.

Образ железной дороги в стихотворении Блока раскрывается и как образ суровой реальной жизни, разминувшейся со своей мечтой, не оправдавшей надежды на счастье. В основе лирической ситуации не причины и обстоятельства не сложившейся судьбы героини, а сама драма изменившей мечты и разбитых надежд, составляющая часть реальной жизни вообще.

Любовью, грязью иль колесами
Они раздавлены – все больно.

Таким образом, драма героини не только любовная и социальная. Это еще и вечная, философски осмысляемая поэтом трагедия неустранимого разрыва между мечтой и действительностью, реальностью и идеалом, единичным и целым, замыслом и возможностями. Социально-психологическая проблема стихотворения А. Блока «На железной дороге» переходит в нравственно-философскую.

Литература:

1. Скобелев В.П. Масса и личность в русской советской прозе 20-х годов (К проблеме народного характера). Воронежский ун-т, 1975, с. 13.
2. Соловьев Б. «Поэт и его подвиг. Творческий путь А. Блока».
3. Тынянов Ю. Блок – В кн.: Проблемы стихотворного языка. М., Сов. писатель, 1965.

УДК 82.08

ФИЛОСОФСКО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ОСНОВА РОМАНА ТОМАСА МАННА «ВОЛШЕБНАЯ ГОРА»

А.М. Хусиханов,
Чеченский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена одному из самых лучших произведений немецкого писателя Томаса Манна - роману «Волшебная гора». В ней подробно рассмотрен символический фон этой книги и ее философская концепция, играющая роль в духовном восхождении главного героя романа.

Ключевые слова: немецкая литература, Томас Манн, «Волшебная гора», реминисценция, философская символика.

PHILOSOPHIC AND SYMBOLIC BASIS OF THE NOVEL “THE MAGIC MOUNTAIN” BY THOMAS MANN

A.M. Khusikhanov,
Chechen State University

Abstract. This article is dedicated to one the best novels written by a German Writer Thomas Mann which is titled “The Magic Mountain”. Here we examined in details the symbolic background of the book and its philosophic conception playing the important role in the spiritual education of the novel’s principal personage.

Key words: German literature, Thomas Mann, “Magic Mountain”, reminiscence, philosophic symbolism.

Особенностью идиостиля немецкого писателя XX столетия Томаса Манна является его стремление к философскому анализу окружающей действительности и к поиску символа. Во многих его произведениях философский диалог выступает в роли главного действия, внутренние монологи героя наполнены, прежде всего, теоретическими рассуждениями, а для построения сюжета используется глубокая символика, наполненная культурным смыслом. Для его романа «Волшебная гора» также характерно выдвижение на первый план разного рода философских тем, одни из которых выступают в качестве подтекста, другие – в качестве единого фона.

«Толчком» к написанию «Волшебной горы» послужило посещение Томасом Манном в 1912 году высокогорного курорта для больных туберкулезом в Давосе, где лечилась его жена от воспаления легких. Писатель навестил жену в начале лета, пробыв здесь четыре недели. «Здесь я составляю компанию жене, уже поправляющейся, но еще далекой от выздоровления, и с трудом привыкаю к 1600 метрам высоты. Несколько дней у меня была температура, так что профессор с улыбкой предвкушал барыш, объявив меня больным туберкулезом и нуждающимся в длительном лечении» [1, с. 129], – так сообщал о своем пребывании в этом горном местечке Томас Манн в одном из своих писем. Во время своего пребывания в санатории Томас Манн «накопил... те причудливые впечатления», из которых в мысли писателя была соткана короткая новелла, задуманная как «сатирическая драма» [5, с. 122]. Т. Манн в «Очерке моей жизни» так пишет о своем первоначальном замысле, который вышел из темы «Смерти в Венеции»: «Завороженность смертью, победу, высшим беспорядком одержанную над жизнью, на порядке жидущейся и порядку посвященной, здесь задумано было умалить и перевести в план комического. Простодушный герой, любопытный конфликт бюргерского долга и мрачных походов – исход пока что еще не был определен, но уж он-то, думалось мне, найдется, и то, что я тут замыслил, несомненно, можно будет выполнить без особого напряжения, радостно, в небольшом объеме» [5, с. 122–123]. Однако, как отмечает далее писатель, «в сокровенных глубинах души» он «не скрывал от себя возможностей расширения этой темы» [5, с. 123].

В июле 1913 года Томас Манн начал писать «Волшебную гору». К началу войны была создана приблизительно треть первого тома. Писался роман вплоть до лета 1915 года, затем работа остановилась. Это был тот единственный период в жизни, когда автор «Волшебной горы» не был способен к какому-либо художественному творчеству. Но в то время, когда Т. Манн не подходил к рукописи, все равно у него шла работа мысли, он продумывал каждый штрих своей мировоззренческой позиции, вылившейся в концепцию будущего эпического произведения. В процессе противоречивых размышлений и созрела «давосская история».

«Для формы «Волшебной горы», – писал позже Т. Манн, – было счастьем, что

война принудила меня к тому общему пересмотру основ моего мировоззрения» [5, с. 123]. Касаясь в своих высказываниях того периода, когда работа над произведением была приостановлена, Манн не раз возвращался к идее воспитания. Так, в 1915 году он писал Паулю Аманну: «Перед войной я начал довольно объемистую повесть... историю с педагогико-политической тенденцией, где некий молодой человек должен совладать с искушающей его силой, со смертью и комически-ужасным способом проходит через духовные противоположности гуманности и романтизма, прогресса и реакции, здоровья и болезни, но больше для ориентации и ради науки, чем для принятия решения. Общий дух – юмористически-нигилистический, тенденция склоняется скорее в сторону влечения к смерти» [1, с. 129]. И в 1917 году «в романе, работу над которым я должен был прервать, главной была педагогически-политическая идея: некий молодой человек оказывался между... красноречивым адвокатом «труда и прогресса» – учеником Кардуччи – и отчаянно остроумным реакционером» [1, с. 129]. В «Размышлениях аполитичного» Т. Манн также отмечает: «Перед войной я начал писать маленький роман, что-то вроде педагогической истории, в которой некий молодой человек, попавший в некое в нравственном отношении опасное местоположение, оказывается поставленным между двумя одинаково забавными воспитателями: между итальянцем-литератором, гуманистом, ритором и прогрессистом и сомнительным мистиком, реакционером и адвокатом антиразума, – он может выбирать, добрый малый, между силами добродетели и искушения, между долгом и службой жизни – и обаянием распада, к которому он неравнодушен...» [1, с. 129–130].

В апреле 1919 года работа над романом возобновилась, а в сентябре 1924 года роман был завершен и к концу года вышел в свет.

В «Волшебной горе» Томас Манн рассказывает историю ничем не примечательного героя. Этот обыкновенный герой, человек среднего класса, бюргер, которого зовут Ганс Касторп, попадает в необычное место. Он предпринимает путешествие в высокогорный санаторий «Берггоф», где лечился от туберкулеза его двоюродный брат Иоганн Цимсен. Эта поездка меняет судьбу главного героя романа и вводит его в странный мир, где он остается на целых семь лет.

В высокогорном районе, где расположен санаторий, смена времен года нарушена: летом выпадает обильный снег, зимой греет жгучее горное солнце; единицами отсчета времени служат не часы, а недели и месяцы. Если раньше смерть мыслилась Гансом как некий важный акт, то на волшебной горе она стала постыдным и прозаическим событием: покойников отправляют в иной мир без какой-либо торжественности, спуская их вниз к кладбищу на спортивных санях.

Но Ганс Касторп в санатории все же остается. Остается потому, что «его поработает атмосфера санатория – сочетание безделья, постоянной занятости и свободы от ответственности. Писатель оставляет своего героя «здесь наверху», потому что он превращает замкнутый мир санатория и его окружения в педагогическую провинцию, где может и учиться, и расти его герой» [1, с. 131].

Попав на вершину волшебной горы случайно, молодой человек впитывает в себя все интеллектуальное богатство, созданное гениями на протяжении столетий. Сам он тоже своего рода гений, вылепленный писателем во всем богатстве своих индивидуальных, профессиональных и чисто биологических особенностей. Сын патриархального бюргерского рода в физиологическом плане он крайне слаб, но в то же время он обладает сильным духом и неповторимой манерой мыслить. В сердце Ганса уже зародилось и начинает прорастать то описанное в Евангелии зерно, которое ведет героя «к предчувствию нового гуманизма», как сам верно заметил Томас Манн.

Весь роман насквозь пропитан символикой. Само имя героя «Волшебной горы» глубоко символично. Оно, в первую очередь, ассоциируется с героем немецких народных сказок – не только наивным, но и мудрым персонажем, способным преодолеть зло и выдержать все испытания, предназначенные судьбой.

Символическое значение поездки Ганса поначалу ненавязчиво и шутивно дано через реплики других героев. К примеру, Сеттембрини ошарашивает новичка, называя врачей Миносом и Радамантом и намекая на сказание следующим образом: *«Вы здоровы и только гостите здесь, подобно Одиссею в царстве теней. Какая смелость – спуститься в бездну, где в бессмысленном ничтожестве обитают мертвые...»* и слегка играя словами:

«Значит, вы явились сюда наверх к нам, опустившимся, вполне добровольно...» [3, с. 82].

Сеттембрини не пытается мифологизировать действительность. Это высказывание служит педагогическим целям, он хочет предостеречь вновь прибывшего от опасностей. Это не мешает тому, брошенные слова помогают конструировать символический план романа. Мы должны воспринимать Давос (Томас Манн не считает нужным придумывать фиктивное название) и санаторий «Берггоф» как реальное место действия и в то же время как царство теней, страну мертвых. Расположенное «здесь наверху» подземное царство – продукт действительного мира, «равнины», и одновременно зеркало его духовных и моральных проблем, которые здесь выступают яснее, абстрактнее и острее.

Писатель стремится каждой детали повествования – от сюжета до пейзажа, от внешности героев до их отдельных реплик – придать сразу несколько значений, несколько функций. В зависимости от угла зрения детали и эпизоды связываются с философским подтекстом романа. При этом они неповторимы, своеобразны и вместе с тем вызывают литературные ассоциации, являются реминисценцией. Так, карнавал в санатории и соблазнительность главной маски – героини романа Клавдии Шоша – это парафраз обольщения Парцифалья волшебницей Кундри из оперы Вагнера «Парцифаль». Ганс, как и Парцифаль, устоял перед соблазном.

Само название «Волшебная гора», как отмечает А.А. Федоров, может вызвать ассоциации «со средневековой легендой о «языческой» богине Венере, заманивающей рыцарей в волшебный грот грез и сладострастия» [6, 87]. Действительно, название романа напоминало о старинной легенде, рассказывавшей о том, как рыцарь Тангейзер попал в грот Венеры, где его душа и тело подвергались соблазну. Используя эту реминисценцию, Томас Манн словно говорит нам, что каждый человек современной эпохи также подвергается соблазнам, щедро рассыпанным на его жизненном пути, и стоит перед выбором, который определит его будущее.

Напевая фразу из гениальной оперы «Кармен» *«Только в горах живет свобода, свобода ждет и нас с тобой»*, он ассоциирует место своего «паломничества» с духовной атмосферой, в которой выкристаллизовываются новые мысли, новые традиции и новые формы жизни, которых нет там, внизу. Можно сказать, что «Волшебная гора» – это волшебство высокой философии.

Томас Манн в «Волшебной горе» не просто продолжает и переосмысливает идеи Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, он является создателем собственной философии, которая находит отражение в его творчестве, философии, соединившей идеи и настроения, господствовавшие в Германии на рубеже веков, а также переосмыслившей философские традиции Германии предшествовавших периодов.

Но философия в «Волшебной горе» порождена случайно – болезнью, беззаботным комфортом санатория. Ганс Каспорн, подобно князю Мышкину из романа Ф.М. Достоевского «Идиот», очень болен. *Пикантные кривые температур, красящая щеки лихорадка, возбуждающие тихие часы, ртутные термометры, кровохарканья* – это и быт туберкулезного санатория, и атмосфера духовной жизни самого Ганса. Интеллект Ганса зависит от болезни его тела. С головой завернувшись в одеяло, в лихорадочной дрожи, в больном сознании, повторяет он мысли Шопенгауэра и Фрейда, рассуждая об ущербности духа, культуры, цивилизации.

На протяжении всего повествования внутренний мир главного героя

раскрывается благодаря пейзажам, мастерски созданным автором. Так, во второй части романа, в которой речь идет об «освобождении» Ганса, большая роль отводится описаниям видений героя во время лыжной прогулки. Перед Гансом возникают яркие, осязаемые образы юга, роскошного сада, затем картины ледяной пустыни, пурги. При этом каждая деталь имеет свою символику. Замерзающему человеку, как правило, снится солнце с его теплыми, согревающими лучами, поэтому и в болезненном сознании Ганса, которого бьет лихорадка, видятся картины знойного лета.

Ганс Касторп оказывается среди южной природы, у моря. С холма ему видны все окрестности. «Люди, дети солнца и моря, были повсюду, они двигались или отдыхали, разумно резвая, красивая молодая поросль человечества. Сердце Ганса Касторпа, глядевшего на них, раскрывалось, до боли широко раскрывалось от любви» [4, с. 209]. «Дети солнца» здоровы, умны и счастливы, среди них царит безмятежная дружба, они относятся друг к другу со вниманием.

Картина этого счастливого человеческого сообщества приводит на память общественные утопии разных времен, разных мыслителей: мы найдем здесь намек на «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гёте, можем вспомнить «Государство Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Утопию» Томаса Мора. В отличие от этого идиллического мира, приснившегося ему, Ганс Касторп чувствует себя «таким грубым нескладным и безобразным» [4, с. 211].

Картина южного сада – это символ духовных блужданий Ганса, являющееся отзвуком вдохновенных фраз итальянца Сеттембрини о счастье, равенстве, благоденствии и красоте.

Цветущий сад, плодородная нива, дары солнца и земли – вот на чем зиждется гуманизм Ганса, его вера в добро и гуманизм. Но рядом с прекрасным садом в видениях Ганса возникают картины раскрывшейся бездны, перед его взором проносится шабаш ведьм, жаждущих крови.

Автор помещает главного героя на ступени старого, массивного храма. Он должен войти вглубь, он идет с замирающим сердцем. То, что он видит, – ужасно: две похожие на ведьм женщины совершают страшный каннибальский ритуал. Он хочет бежать и не может, женщины замечают его и грозят ему окровавленными кулаками, осыпают его ругательствами.

Этот контраст, с одной стороны, обнажает двойственность человеческой души, которая соткана из «темных» и «светлых» начал. Но с другой стороны, появление во сне Ганса враждебных человеку существ говорит о том, что силы зла не дремлют и в любой момент готовы «сожрать» человека, сделав его «рабом греха и порока».

Ганс Касторп на рубеже веков, между гуманизмом и варварством – таким предстает он в своем видении. Он глядит в возможное будущее человечества, но сидит на ступенях храма, где таится варварское настоящее. С точки зрения И. Дирзен, «представшая во сне одновременность прекрасной гармонии и омерзительной жестокости с точки зрения философии истории многозначна: она подразумевает прошлое и настоящее, с одной стороны, будущее – с другой; она подразумевает положение человека вообще, диалектику его существования, невозможность гармонии, лишенной противоречий, опасность потери достигнутого уровня культуры, движения вспять, вырождения. «Солнечные люди» будущего сами повелевают Гансу Касторпу взглянуть на происходящее в храме, чтобы он, погрузившись в их созерцание, не воспринял бы видимое как идиллию, как райскую утопию. Они знают: их состояние свободной человечности связано с отвратительно варварским в основе, с тем, что лежит позади и за ними, и осознание этой связи – существенная, необходимая составная часть их гармонии. Это должен знать Касторп, на это он не должен – как бы ему этого ни хотелось – закрывать глаза» [1, с. 153–154].

Итак, Волшебная гора – это, с одной стороны, Венера гора, куда некогда попал рыцарь Тангейзер. Но с другой стороны, эта гора есть место искушений героя,

что тесно связано с «темой черта», поскольку, согласно средневековому сказанию, искушение чувственными радостями – дело дьявола. Ганс Касторп, правда, не стоит перед такой альтернативой. Противоположности, перед которыми он поставлен, – это смерть и жизнь, болезнь и здоровье. Но с «чертом» ему приходится иметь дело. Глава, в которой появляется Сеттембрини, озаглавлена «Сатана». Намек на дьявольский мир содержится и в главе «Вальпургиева ночь» и в цитатах Сеттембрини из «Фауста».

«Время романа» летит быстро, летят дни, недели, месяцы. Т. Манн в конце концов добивается впечатления, будто мы теряем ориентацию во времени, представление о его длительности (ощущение времени появляется лишь в самом конце романа). Иоахим, друг и кузен Ганса, так говорит о течении времени: *«В сущности оно стоит на месте»* [3, с. 24]. Для обитателей волшебной горы время уже остановилось.

Итак, Томас Манн, виртуозно владея всем разнообразием культурных традиций прошлого и настоящего, новаторски разрабатывает в «Волшебной горе» свою философско-символическую систему, которая основана на новом понимании красоты – красоты не внешней, а внутренней, красоты, которая, по слову А.А. Федорова, вызывает «необычайное обострение нашего, читательского восприятия мира» [6, с. 108].

Лишь «удар грома» освобождает главного героя «Волшебной горы» от власти чар. Вылечившись и став подлинным интеллигентом, он спускается с гор на равнину, уйти на фронт: в конце романа начинается первая мировая война.

Заключительные страницы последней главы «Волшебной горы» можно воспринять как нечто будто бы не принадлежащее этому роману и даже вообще чуждое творчеству Т. Манна:

«Сумерки, дождь и грязь, багровое зарево на хмуром небе, а небо беспрерывно грохочет тяжким громом, им наполнен сырой воздух, разрываемый ноющим свистом, яростным, дьявольски нарастающим воем, который, взметнув осколки, брызги, треск и пламя, завершается стонами, воплями, оглушительным звоном труб и барабанным боем, подгоняющим людей вперед все быстрее, быстрее... Вон лес, из него льются бесцветные толпы солдат, они бегут, падают, прыгают... Цепь холмов на фоне далекого пожарища... волнистая пашня, изрытая, истерзанная» [4, с. 524].

Приведенные строки, действительно, кажутся отрывком из романов Э. Хемингуэя, А. Цвейга или А. Барбюса.

Последняя глава романа оставляет открытым вопрос: уступил ли Ганс Касторп как *«всякий человек»* патриотическим настроениям, охватившим в Германии в первые месяцы войны всех и каждого – за редким исключением, – да и не только в Германии, забыл ли он на время результаты воспитания на Волшебной горе или, помня то, к чему пришел, разделит общую участь? Остается открытым вопрос, переживет ли он войну или станет одной из ее жертв. Писатель и сам ставит многоточие в конце своего повествования: *«Говоря по правде, мы с некоторой беззаботностью оставляем этот вопрос открытым. Приключения твоей плоти и духа, углубившие твою простоту, дали тебе возможность пережить в душе то, что едва ли придется пережить в теле. Бывали минуты, когда из смерти и телесного распутства перед тобою, как «правителем», полная предчувствий будущего возникала греза любви. А из этого всемирного пира смерти, из грозного пожарища войны, родится ли из них когда-нибудь любовь?»* [4, с. 528].

Война, как признавался впоследствии писатель, не только на долгие годы прервала его работу над романом, но и непредвиденно обогатила книгу жизненным опытом, а также подсказала ее конец.

По мысли М. Кургинян, «Волшебная гора» является крупнейшим произведением Томаса Манна, которое непосредственно выходит к центральной проблеме всего его творчества. Оно создает «концепцию нравственно ответственной личности, в оригинальнейшей форме обобщившую национальный и исторический опыт

эпохи» [2, с. 210].

Литература:

1. Дирзен И. Эпическое искусство Томаса Манна. Мировоззрение и жизнь. - М.: Прогресс, 1981. - 303 с.
2. Кургинян М. Романы Томаса Манна (Формы и метод). - М.: Художественная литература, 1975. - 336 с.
3. Манн Т. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. III. - М.: Госиздат, 1959. - 498 с.
4. Манн Т. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. IV. - М.: Госиздат, 1959. - 498 с.
5. Манн Т. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. IX. - М.: Госиздат, 1959. - 543 с.
6. Федоров А.А. Томас Манн. Время шедевров. - М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. - 336 с. Deutsche Literaturgeschichte. - Stuttgart, Metzler, 1989. - 622 S.
7. Deutsche Literaturgeschichte. - Stuttgart, Metzler, 1989. - 622 S.

УДК 398.5

ЗАГОВОРЫ И ЗАКЛИНАНИЯ В НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ КАРАЧАЕВЦЕВ

Ф.Д. Шаманова

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

Аннотация. В данной статье, используя теоретические выводы карачаево-балкарских фольклористов и этнографов, проанализированы некоторые фольклорные жанры, связанные с древнейшими верованиями карачаевцев. Анализ бесписьменной культуры позволяет нам выделить в самостоятельный жанр вербальную магическую поэзию. Рассмотрение одного из видов магической поэзии (заговоров и заклинаний) с целью выявления характерных особенностей жанра послужил основой для данной статьи. Анализ этих вопросов позволил нам определить место и роль заговоров и заклинаний среди других жанров традиционной культуры карачаевского народа.

Ключевые слова: древние верования, вербальная магия, сакрализация слова, заговоры, заклинания.

**SPELLS AND INCANTATIONS IN FOLK LITERATURE OF THE
KARACHAY PEOPLE**

F.D. Shamanova,

Karachaevo-Cherkessky institute humanitarian research

Abstract. In this article, using the theoretical conclusions of the Karachay-Balkar folklorists and ethnographers, analyzed some of the folklore genres related to the ancient beliefs of the Karachais. Analysis of non-literate cultures allows us to distinguish as a separate genre of verbal magic of poetry. The consideration of one of the types of magic of poetry (incantations and spells) with the aim of identifying the characteristics of the genre became the basis for this article. The analysis of these issues allowed us to determine the role of charms and spells among other genres of the traditional culture of the Karachay people.

Key words: ancient beliefs, verbal magic, sacralization of words, incantation, spells.

Устная словесность карачаево-балкарского народа в процессе своей длительной истории развития, начиная с самого момента возникновения образного постижения действительности и до периода становления индивидуально-авторского творчества, сформировалась в единую упорядоченную мифо-фольклорную систему. Эта система, как часть национальной духовной культуры, связана с глубинными пластами традиционного мировоззрения. Она содержит языческие, мифологические и теистические взгляды, свойственные носителям данной словесности. В ней

сосредоточены характерные этноментальные культурные особенности, философское и мировоззренческое освоение картины мира. Она включает в себя ранние воззрения древнего человека об окружающем мире, его убеждения, взгляды, восприятие происходивших в жизни событий, отношение к жизни, к различным предметам и природным явлениям, также представление о сверхъестественном мире и постижение им устройства и сути мироздания.

В ходе исследования фольклорных текстов мы обнаруживаем древние формы первобытного религиозного мировоззрения, религиозный контент, принадлежащий разным историческим эпохам. К наиболее ранним формам словесности, восходящим к глубокой древности, следует отнести вербальную магическую поэзию, связанную с древними верованиями карачаевцев. Это заговоры и заклинания, благопожелания (*алгышдуа*), проклятия (*кьаргьыш*), молитвы (*тилек*), клятвы (*ант*). Эти архаичные фольклорные поэтические тексты могут быть признаны самыми древними жанрами карачаево-балкарской мифо-фольклорной системы. Данные жанры вербальной магии представляют собой большой интерес как начальный этап возникновения художественно-эстетического сознания, который мог появиться еще до мифотворчества.

В данной статье мы рассмотрим один из видов вербальной магии (заговоры и заклинания) и попытаемся выявить их жанровые особенности.

В магической поэзии мы не видим традиционную для мифологии мировоззренческую сферу с всевозможными мифическими персонажами, культовыми образами с пантеоном богов, фантастические сюжеты с верой в особые свойства различных предметов. В вербальной магии нет примет и поверий, связанных с какими-то определенными действиями, предметами (фетишизм, тотемизм), нет сверхъестественной силы, влияющей на жизнь, нет анимистических представлений с верованием в различных духов. Присутствует в вербальной магии, в частности, в заговорах и заклинаниях, непоколебимая вера в себя, а точнее в силу и мощь произнесенного слова. Это подтверждает глубокую древность, к которой восходят рассматриваемые жанры. Они могли быть созданы первобытным человеком, который даже не умел выделить себя из окружающего мира, его сознание еще не способно было строить абстрактные образы и ассоциативные умозаключения. Твердая вера людей в заклинание или заговор говорит о том, что люди верили, что на весь окружающий их мир, как на физические предметы, так и на природные явления можно воздействовать, более того даже подчинить себе, если совершить какое-то обрядовое действие, наговорив при этом определенный, созданный по случаю заговор. Как отмечает М.Д. Каракетов: «Вера в особый (божественный, сакральный) статус слова и сопровождающего его обряда, заложенная в заговорах и заклинаниях, является принципиальным моментом этого статуса» [1, с. 67]. Лежащее в основе содержания заговоров магическое отношение к слову обнаруживает истинный свой смысл, свое значение в составе обрядов.

Заговоры и заклинания можно рассматривать как мыслительный багаж мифотворчества народа, они сопровождали и дополняли обрядовые ритуальные действия. Некоторые обряды носили общинный характер. Например, песню «Чоппа» исполняли всей общиной в период затмения солнца, луны или же при вызывании дождя. Однако есть и такой лексический фонд заговоров и заклинаний, который бытует как в составе обрядов, так и самостоятельно.

Согласно утвердившемуся в науке мнению, магическая поэзия как исходная форма обрядово-культовой фольклорной практики является наиболее архаичной первоначальной формой религии. Примечательно практическое применение магических текстов, как правило, они играли функциональную роль, которая неразрывно была связана с традиционным жизненным укладом древнего общества. К примеру, существенная доля магических заговоров и заклинаний приходится на

лечебную магию (заговоры от кори, оспы, холеры, укуса змеи, отравлений), а также распространены заговоры, призванные защитить человека от нападения диких животных (волка, медведя), от природных явлений (града, мороза, жары) и т.д. Магические мотивы были вызваны мирскими потребностями, с интеллектуальным решением конкретных жизненных задач. Это и определяет содержание и характер магической вербальной поэзии.

Важно отметить, что эти поэтические тексты (заговоры и заклинания) являются одними из наименее сохранившихся фольклорных жанров, чему имеется ряд известных причин. Прежде всего, это объясняется их принадлежностью к глубокой древности, поэтому заговоры и заклинания в количественном отношении незначительны. Кроме того, не менее важным основанием является их сакральная принадлежность. Согласно древним верованиям карачаевцев, заговорно-заклинательный текст следовало держать втайне, не произносить вслух, иначе он мог потерять свою магическую силу. Тем не менее, по традиционной модели устной передачи (от старшего к младшему), народные ритуально-магические тексты заговоров и заклинаний не утрачены. Несмотря на историческую отдаленность, они оказались устойчивой сферой ментальной деятельности архаического этнического сознания.

Тексты карачаевской вербальной магической поэзии трудно поддаются переводу. В них встречается огромное количество архаизмов, некоторым единицам речи приходится искать эквивалент, соответствующий по смыслу словам современного карачаевского языка, не говоря уже об их переводе на другой язык. Более того в них чрезвычайно актуализирована эмоционально-чувственная сфера, вера в материальную силу сказанного, проявление которой граничит с магией, с некими «колдовскими» словами, произносимыми заклинающим, которые порой непонятны даже носителю языка. К примеру, приведем текст заклинания из книги М.Д. Каракетова, записанный им от жительницы аула Морх Айшат Шидаковой (1910 г.р.).

Апу-Джылан, Сапу Джылан, Чоппачакъда Эрк-Джылан Хей-Деринде Эркеу-Джылан	Зверь – Змей, Зрячий Змей В постоянном времени Глаз-Змей В «дере» (на земле) Хаоса Колдун-Змей,
Эринмеде кел Джылан Тешигинге кир Джылан, Ветренная бурка (у тебя),	В дыру свою войди, Змей Ветренная плетка (у тебя),
Тайбуттайда тур Джылан, Эрк-Биджили Упу-Джылан, Аджиманда бол Джылан, Апу-Джылан, Сапу-Джылан, Джетегейли Джети Джылан, Тешигинге кир Джылан, Тешигингден чыкъ Джылан, Уф тоугъарым, къуф шекирим, Уф тоугъарым, къуф шекирим, Уф тюу, тюу, тюу...9 кере (9 раз)	В постоянном мире будь Змей, Глаза колдовского ученый Змей, На небе будь, Змей, Зверь-Змей, Зрячий-Змей, Большой Медведицы Семь-Змей, В дыру (нору) свою войди, Змей, Из норы своей выйди, Змей, Уф девять раз, къуф восемь раз.

Исследователь в примечании к тексту отмечает что, сказительница слышала этот текст от своей матери и считает, что это настоящий карачаевский язык. Заклинающая произносила этот заговор с благожелательными словами при заклинании скрюченной в круг змеи [2, с. 15]. Следует заметить, что в фольклоре карачаевцев заговоры, заклинания и здравицы часто называют одним и тем же словом «алгъыш», что в переводе означает – благопожелание. Это название подтверждается самим содержанием магической поэзии, она построена исключительно на положительном

эмоциональном фоне – это добрые пожелания, которые имеют установку на благоприятный и позитивный исход: исцелить от болезни, предостеречь от возможной опасности, защитить от стихийных, природных и иных бедствий, препятствовать неприятностям, помочь в быту, содействовать благоприятной жизнедеятельности общины. Заметим, что ни в одном фольклорном жанре, так четко не прослеживается связь интеллектуальной идеи носителя древней бесписьменной культуры с его жизненно необходимыми потребностями и практическими нуждами. Данная особенность, характерная всем жанрам магической поэзии, выделяет ее среди других фольклорных жанров, в том числе является отличительной чертой заговоров и заклинаний. «Магическая поэзия в балкаро-карачаевском фольклоре существует как особый песенно-стихотворный жанр, выполняя определенную функциональную роль – сверхъестественно воздействовать на какой-либо объект или окружающий мир» [3, с. 22].

Обращаясь к внутрижанровой классификации магической поэзии, Х.Х. Малкондуев выделяет следующие тематические виды: заговоры от холеры, черной оспы, кори, от града, сорняков, сглаза, от бессонницы, при спасении утопающего, при зимних морозах, при приношении животных в жертву, при новолунии, затмении солнца и луны, при поиске потерянной вещи, перед отправлением в далекий путь, при отправлении на охоту, заговоры дождя, весны, волка, чтобы спасти упавшего с коня, спасти сорвавшегося со скалы и т.д. [4, с. 24].

Следует отметить еще одну особенность заговоров. Наряду с общим определением – «*алгыши*» (благопожелание), обозначающем все виды заговоров и заклинаний в народной словесности карачаевцев и балкарцев, в некоторых случаях употребляются термины – «*тилек*» и «*дуа*» в значении «молитва». В связи с этим мы полагаем, что проникновение в вербальную магическую поэзию различных молитв (*тилек*, *дуа*), призывов с просьбой и поклонением языческим богам по времени своего возникновения относятся к более позднему периоду, приближенному к мифологическому художественно-образному мышлению. Когда древний человек стал осознавать, что природные явления (дождь, гроза, ветер) и стихийные бедствия не подчиняются ему, неподвластны заговорам, заклинаниям (его слову) и происходят независимо от его воли и желаний. Например, если первобытное примитивное мышление, согласно древнейшим верованиям, совершая обряд вызывания дождя, преследует цель оказать влияние на природу, т.е. заговаривает и заклинает какой-то сверхъестественной силой своего слова природное явление, при этом, по его убеждению, подчиняет его себе и действует на него, то мифологическое сознание значительно от него отличается. Создатели мифов, напротив, испытывают некое бессилие перед явлениями природы, они чувствуют свою безучастность в подобных природных процессах.

Мы полагаем, что осознание того, что дождь, гром и другие природные явления существуют независимо от воли человека, но отсутствие понимания каким-образом они происходят вызывает страх и порождают веру в нечто сверхъестественное и невидимое. Мы рассматриваем данную смену образа мышления как начало эволюционного пути художественного сознания. Хотя в древних фольклорных текстах достаточно трудно уловить эту границу, разграничение архаических жанров на магическую, мифологическую и обрядовую поэзию достаточно условное. Это жанры не имеющие четких границ. Тем не менее, при анализе текстов довольно ярко прослеживается прежнее отсутствие идеи божества и появление четкого представления о всемогущих богах и сверхъестественных силах.

Постепенно с возникновением анимистических представлений, с появлением веры в нечто сверхъестественное, а позже и бога, в магическую вербальную (словесную) и обрядовую поэзию стали проникать элементы мифотворчества с верованием в сверхъестественную силу богов (Тейри, Чоппа, Элия и т.д.). Таких

заговоров и заклинаний времен язычества и периода древнетюркской религии тенгрианства в карачаево-балкарской устной традиции по количеству намного больше, чем более древнейших текстов магической поэзии не сакрального характера, в которых нет даже мысли о сверхъестественном.

Мы склонны назвать эту уникальную и малочисленную группу заговоров и заклинаний, как и остальные жанры магической поэзии, первообразцами фольклорных памятников, на наш взгляд, вместе с другими факторами развития, этот своеобразный жанр сыграл немаловажную роль в становлении последующей эволюционной ступени художественной мысли. Таким образом, магическая поэзия послужила основой, давшей плодотворный импульс для развития обрядовой и мифологической поэзии.

Литература:

1. Каракетов М.Д. Из традиционно-обрядовой культовой жизни карачаевцев. М.: Наука, 1995. – 334 с.
2. Там же. С. – 15.
3. Малкандуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1990. – 152 с.

УДК 82. 0. 82.
09 (470. 661 Чеч.)

РЕАЛИЗМ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИБРАГИМОВА И А. АВТОРХАНОВА

Х.Ш. Яндарбиев,
Чеченский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изображению жизни чеченского народа в тоталитарном государстве в произведениях К. Ибрагимова и А. Авторханова.

Ключевые слова: жизнь, чеченский народ, тоталитаризм, произведение, Ибрагимов, Авторханов.

THE REALISM OF THE IMAGE OF LIFE IN THE WORKS K. IBRAGIMOV AND A. AVTORHANOVA

Kh.Sh. Yandarbiyev,
Chechen State University

Annotation. The article is devoted to the image of the Chechen people living in a totalitarian state in the works and K. Ibragimova A. Avtorhanova.

Key words: life, the Chechen people, totalitarianism, work, Ibragimov, Avtorhanov .

Самым счастливым временем в жизни чеченского народа Канта Ибрагимов считает период с 1919 по 1924 годы. Но закончилась гражданская война, в которой чеченцы и ингуши, поверив обещаниям большевиков, активно выступили против белогвардейцев. Они отвлекли на себя треть армии Деникина, не дав, таким образом, ему возможность взять Москву. Сталин в специальном обращении к чеченскому народу обещал никогда не забывать этих заслуг перед советским государством [1, с. 17].

В это «счастливое» время на головы чеченцев не сыпались бомбы, их села не обстреливали из артиллерии. Разоренная гражданской войной Чечня залечивала раны. Снова начали пахать, сеять. Появилась хотя и слабая надежда жить мирно и свободно на своей земле. Так оно и случилось, если бы к власти не пришли большевики и особенно Сталин.

Наивным чеченцам было не понятно, почему большевики вдруг обрушили на них, на своих недавних союзников, весь свой репрессивный аппарат ГПУ, НКВД, регулярную армию. Кошмар советизации начался с разоружения чеченцев и насильственного загона тружеников села в колхозы. Глазами простых чеченцев-тружеников это время нашло реалистическое отражение в романе Канты Ибрагимова «Прошедшие войны».

«Медленно, но верно Советы стали закручивать гайки. Во всем появились ограничения. В торговле, в обмене и даже в проезде из одного населенного пункта в другой. Все сконцентрировалось в руках ревкомов. Без справки местного Совета рискованно было ехать в Шали, а в Грозный или Гудермес и думать было нечего. Все фиксировалось, любая инициатива могла проявляться только под контролем революционного комитета. К людям стали приклеивать ярлыки: кулак, враг, вредитель, бандит, спекулянт» [2, с. 7].

Руководителями стали бездельники, пьяницы, воры, люди аморального поведения. Видя этот беспредел, люди думали, что это временное помрачение умов, но время шло, а положение народа еще больше ухудшалось: тружеников отрывали от земли, от труда, от собственности. Появились новые бездельники, доносчики, аморальные типы во власти. Жить в этом грязном мире не хотелось: жизнь потеряла всякий смысл.

Создание колхозов сопровождалось разрушением частных мельниц, пасек, обобществлением скота, лошадей. Насильственные меры большевиков довели народ до нищеты.

«Должники замучили, – говорит Цанке Арачаеву Кесирт, дочь одинокой старухи, жившей на сожженной мельнице. – Другие годами не отдадут и ничего, а с нашего двора не уходят. Видят – бессильные, и все требуют, жить не дают. Последнюю корову продали. У матери были деньги... на случай смерти, всю жизнь копила – их отдали. Все отдали.... А делать нечего Ты себе представляешь, что это такое. Помочь некому. Взять в долг не у кого. Мать ругается, нервничает, кричит, устраивает истерики. Одна осталась.... Одна со своим горем.... Ты не поверишь, несколько раз хотела покончить с собой, просто в последний момент мать стало жалко. Не могла ее добить окончательно» [3, с. 44].

В центре внимания читателя романа «Прошедшие войны» - судьба жителей села Дуц-Хоте в лице Цанки Арачаева и его влиятельного рода. Арачаевы противились решениям новой власти, как могли. Но силы были неравными. Сначала погибает от рук красных карателей отец Цанки Алдум Арачаев. Затем арестовывают его дядю, муллу Баки-Хаджи. Он умирает в тюрьме от пыток. Застрелили во время задержания Баснака Арачаева, застрелен арестованный последний из братьев отца Косум Арачаев. В тюрьме оказался и сам Цанка. Опустели дома Арачаевых, замерла жизнь в равнинных селах, обезлюдели горные хутора.

Все репрессированные Арачаевы погибли, кроме Цанки. На Колыме он встретил ученого-физика еврея Бушмана. Он помог ему уцелеть и вернуться домой. Ему снова грозит арест, но тут началась война, названная Великой Отечественной. Арачаев встретил ее со вздохом облегчения: война казалась меньшим злом, чем бесконечно-долгая дорога ожидания смерти. Вместе с младшим братом Басилом, вскоре героически погибшим, бросившись под немецкий танк со связкой гранат, он героически сражается с врагом. Он всегда думал об одном: по их делам будут судить о чеченском народе. Честь превыше всего.

– Лихие парни! На таких держится полк, – так характеризовал братьев майор Нефедов. А когда его смертельно ранило, попросил Цанку Арачаева взять на себя командование «отдельным стрелковым подразделением». Его ожидали высокие награды и повышение по службе. Но и здесь старшего лейтенанта Арачаева настигло недремлющее око особистов. Ему задали вопрос:

– А почему старший лейтенант Арачаев во время атаки никогда не кричит: «За Родину, за Сталина!»?

Арачаев дерзко ответил вопросом на вопрос:

– Вы что участвовали в атаке? От расстрела его спасло присутствие не совещании командира дивизии. Но награду за участие в ряде победоносных сражений Арачаев не получил, хотя командир его полка получил звание Героя Советского Союза. «Награду» же Арачаев получил позже. В марте 1944 года всех чеченцев разоружили и депортировали в гулаговские лагеря на Север, в Сибирь и в Казахстан. В благодарность за верную службу.

Наряду с положительными персонажами писатель создает омерзительные, но вполне соответствующие своим реальным прототипам образы предателей чеченского народа – секретаря обкома партии Магомедалиева и местных чекистов Тутушева Харона и Бочкаева Мадара, способных на любое преступление и подлость.

Многое из происходящего Канта Ибрагимов подробно не комментирует. Многие рядовые чеченцы не понимают, как это «добрые», когда им требовалось помощь чеченцев, большевики вдруг превратились в кровожадных извергов. Они бы даже не поверили, если бы им сообщили, что новые хозяева жизни в России планируют уничтожить часть народа, чтобы осталась жить другая часть, чтобы использовать ее в качестве материала в строительстве государства.

Об идеологии омерзительной сталинской системы управления пишет в своих «Мемуарах» Абдурахман Авторханов. Он подробно рассказывает о вероломстве чекистов, которые заманили в ловушку Шейха Али Митаева и уничтожили его, несмотря на его большие заслуги перед советским государством.

После уничтожения духовных лиц Сталин приступил к уничтожению чеченской интеллигенции. Не избежал репрессии ни один чеченский ученый и писатель. Но и этого Сталину показалось мало. Появились для различных областей, краев и республик задания по поиску и расстрелу «врагов народа». На местах эти задания по расстрелу людей часто перевыполнялись. Речь шла о десятках тысяч человек. Дважды был арестован и чудом избежал смерти и сам Авторханов. В Грозном этим ремеслом занимались опытные чекисты Крафт, Павлов, Васильев, Трегубкин, награжденные за «создание и раскрытие Чеченского Национального Центра», по делу которого арестовано около трех тысяч человек. Перед арестом к известным общественным и религиозным деятелям подсылали агентов спецслужб «из Лондона, Парижа, Стамбула, Токио». К ним приходили письма «от Тапы Чермоева»

Позднее создание абреческих отрядов занимались высокопоставленные чиновники из спецслужб. Когда они вырабатывали свой ресурс, их расстреливали.

Комментируя расстрел Ежова, например, Сталин сказал: «Ежов – мерзавец! Погубил наши лучшие кадры» [4, с. 55].

Сам Ежов никогда не расстреливал. Ему эти списки подавали с подписями Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Калинина. Таким образом одни чекисты расстреливали других чекистов. «Тиран на том и держится, что его рабы способны уничтожать друг друга» [5, с. 16].

После долгих раздумий А. Авторханов пришел к выводу: «неиссякаемы криминальные возможности Сталина, бездонно его вероломство, безгранична его подлость даже по отношению к отборнейшим подлецам, на которых строилась его власть» [6, с. 22].

Репрессии в Чечне привели к восстаниям Хасана Исраилова и Майрбека Шерипова, но они были подавлены еще в 1943 году. Подготавливая еще с 1942 года их депортацию в Казахстан и Среднюю Азию, чеченцев обвинили в сотрудничестве с немцами, что было совершенно невозможно, потому что они не оккупировали ни один район Чечни. А вот Сталин снабжал Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему громить английские и французские армии. А бандгруппы, о которых докладывали

Берии нарком внутренних дел ЧИАССР С. Албогачиев и начальник отдела по борьбе с бандитизмом И.И. Алиев, были организованы НКВД. Что же касается заброшенных в горы Чечни шпионско-диверсионных групп полковника Османа Губе (аварца Саида Нурова), Геккерта и обер-лейтенанта Ланге, они были ликвидированы еще в 1943 году с помощью чеченцев [7, с. 65]. За редким исключением они состояли из немцев, аварцев, русских, осетин. Но Сталину было достаточно того, что сказал Председатель правительства ЧИАССР С. Моллаев, что он самостоятельно не справится с бандитизмом в своей республике. Чеченцы и ингуши были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию, хотя Албогачиев и Алиев рассчитывали, что выселение не коснется ингушей.

После долгих размышлений над сталинской политикой народоубийства Авторханов приходит к выводу: «Нет в мире преступления, на которое Сталин не был бы способен» [8, с. 14], а «данная политическая система самая проклятая из всех тиранических систем в истории человечества» [8, с. 19].

В создании образа «Эпохи народоубийства» «Мемуары» Абдурахмана Авторханова дополняют роман Канты Ибрагимова «Прошедшие войны».

Литература:

1. Яндарбиев Х. Кавказ без чеченцев. Ежегодная конференция ППС ЧГУ. – Грозный, 2013. – С. 397-398.
2. Ибрагимов К. Прошедшие войны. – М. 1999. – С. 192.
3. Там же. С. 169.
4. Авторханов А. Мемуары. – Франкфурт-на-Майне, 1983. –С. 519.
5. Там же. – С. 517.
6. Там же. – С. 517.
7. Гакаев Х. Депортация вайнахов. Правда и вымысел. Журнал Ичкерия, 1997, – № 2. – С. 133.
8. Авторханов А. Мемуары. – Франкфурт-на-Майне, 1983, – С. 364.

УДК 81'373; 001. 4(470.661 Чеч)

ДРЕВНЯЯ АНТРОПОНИМИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

З.А. Алдиева,

Чеченский государственный университет

***Аннотация.** Статья посвящена языковым единицам, участвовавшим в ономастической номинации доисламского (языческого) периода. Объекты окружающей действительности (флора, фауна, предметы быта, занятия человека и т.д.), а также субъективные представления об этой действительности нашли отражение в базовом онимиконе чеченцев. Данный факт позволяет рассматривать древнюю антропонию чеченцев как фрагмент языковой картины мира.*

***Ключевые слова:** антропоним, именная, именослов, топоним, лингвокультура, зоонимические названия, фамильекон, онимикон.*

ANCIENT CHECHENS ANTHROPOLOGY AS LANGUAGE FRAGMENT PICTURE OF THE WORLD

Z.A. Aldieva,

Chechen State University

***Annotation.** The article is devoted to the linguistic units, participated in the Onomastic nomination pre-Islamic (pagan) period. Objects of reality (flora, fauna, household items, human occupation, etc.), as well as subjective perception of this reality is reflected in the underlying onimikone of the Chechens. This fact allows us to consider the ancient antroponiū of the Chechens as a fragment of the linguistic picture of the world.*

***Key words:** anthroponymy, nominalia, imenoslov, toponym, Ingush, zoonimičeskie title, famil'ekon, onimikon.*

Языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, которые находят реализацию на всех уровнях языка, при этом максимальным потенциалом в плане языковой концептуализации, на наш взгляд, обладает ономастическая лексика языка. Центральное место в языковой картине мира, в культуре народа занимает образ человека. Имена собственные, которыми человек нарекает себя и предметы окружающей действительности, являются одним из важнейших средств выявления национально-культурных особенностей. Антропонимы и топонимы, как составные единицы ономастики, позволяют смоделировать "портрет" нации, нередко выступают символами лингвокультуры, к которой они принадлежат [6; с.95]. Корпус собственных имен является «хотя и относительно переменным, но достаточно определенным и существенным признаком конкретного этноса, т. е. ономастикон является реализацией национального в языке» [5; с. 47].

В языкознании немало сказано о тесной связи ономастической системы с историей народа. «Возникновение и вся последующая история имен собственных нерасторжимо связаны с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью» [3; с. 42]. Связь с историей проявляется не только в том, что ономастические единицы языка отражают отношения этносов, но и в соотносительности ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни народа [3; с. 44]. Фронтальное сравнение именников различных эпох показывает серьезные расхождения не только в статистической структуре, но и в компонентном составе именников, в словообразовательных и фонетических процессах, антропонимических моделях и т.д.

Не представляется возможным исчерпывающий анализ огромного

многообразного антропонимического материала чеченского языка без учета исторического фактора.

По мнению В.Д. Бондалетова, изучение антропонимии невозможно вне истории народа, поэтому закономерно сопоставление имен определенных исторических периодов, выделяемых в жизни общества. Только переломные моменты в жизни общества позволяют нам наблюдать фундаментальную перестройку именника [3; с.45].

Историческая классификация, предполагающая рассмотрение ономастических фактов через призму реальных социально-исторических событий, помогает разбить языковой материал в соответствии с наиболее значительной перестройкой именника в ту или иную историческую эпоху, способствует более отчетливо увидеть эволюционные процессы внутри антропонимикона. Исходя из этого и опираясь на результаты анализа большого фактического материала, относящегося к различным эпохам истории чеченского народа, мы выделили в историческом членении антропонимии следующие этапы:

1. Языческий: с древнейшей поры до XVI века – начала распространения на территории Чечни мусульманства.
2. Исламский: с XVI века до 1920 года.
3. Постреволюционный: с 1920 года до начала 1950-х гг.
4. Интернациональный: с начала 50-х гг. до 1990 года.
5. Современный: с 1990 года по настоящее время.

Изложенная схема исторической периодизации учитывает конкретный языковой материал и его сопряженность с социально-историческими реалиями, а также те общеонوماстические закономерности, которые регулируют развитие систем собственных имен разных языков. Тем не менее, схема носит предположительный характер, поскольку нет письменных памятников древности или исторических документов, которые хотя бы частично отражали ономастику Чечни, особенно той ее части, которая относится к периоду язычества и исламизации [1; с. 46].

Каждый из выделенных периодов характеризуется определенным антропонимическим составом, доминирующими тенденциями в развитии антропонимической системы, типизированной формулой именования.

Так, в первый период, именуемый нами языческим, в качестве основной антропонимической единицы выступало, по всей вероятности, личное имя. Отсутствие письменных памятников древности принудило нас обратиться к фольклорным материалам, где, как правило, собственно антропонимы (без апеллятивных включений) сопровождаются эксплицитно дескриптивными уточнениями в тексте произведения или имплицитно нулевыми пометами в названиях произведений. Кроме того, для восстановления древнейшего слоя именника нами были использованы так называемые генеалогические антропоперечни, в составе которых иногда можно встретить имена предков до 21 колена. Таким образом, опираясь на фактический языковой материал и универсальные для всех ономастических систем закономерности формирования и развития, нам удалось установить, что первоначальный, языческий, фонд антропонимии чеченцев сформировался за счет отапеллятивной лексики и был «говорящим». Антропонимы языческого периода в большинстве своем обладали довольно прозрачной семантикой, связь слабо редуцированной лексической основы некоторых из них с денотатом легко прослеживается и на синхронном уровне.

В качестве личного имени в древний период чаще всего использовались зоонимические названия. Как справедливо отмечает профессор М.Х. Багаев, «... в самых древних именах чеченцев и ингушей отразились религиозные представления и влияние различных культово-исторических факторов, особенно связанных с определенными тотемами. Поэтому и не удивительно, что в основе многих личных имен чеченцев лежат названия животных, птиц, рыб и даже растений» [2; с. 15]. Так, общее представление о первобытных именах зоонимического происхождения могут

дать такие антропонимы, как: Борзиг, Чаборз, Цицхолг, Пхагал, Леча, Кюра, Хьоза, Хьакха, Масар, Нал, Боргал и другие.

Однако в антропонимии древних отразились и другие факторы, связанные с их жизнью и деятельностью. В частности такие, как географическая среда, биологическая природа человека, род занятий. Так, имена Шовда, Цана, Бацалг, Баци, Берд, Ламберд, Ламсет, Гайра, Генардукъ, Арс, Зезаг, База и т.п. включают лексемы, обозначающие особенности ландшафта. Влияние географической среды на ономастикон – постоянно действующий объективный фактор, и имена каждого народа носят опосредованный отпечаток той географической среды, в которой складывалась его культура [4; с. 39].

Довольно значительную часть первичного антропонимического фонда составляют имена, содержащие в себе различные биологические характеристики человека – Бларгаш, Благги, Бата, Муца, Лага, Клозал, Минга, и др. Сам по себе факт обращения при создании имен к физиологическим особенностям человека – одна из ономастических универсалий.

Часть древнего именослова чеченцев составляют антропонимы, отражающие род занятий человека (Пхъара, Иччархо, Цаьлиг, Уста, Сарсак, Бляьхо и др.), первобытные верования (Села, Селасат, Маьлхаьзни, Мехиг, Елта, Елса, Гела, Дело и др.), имена, содержащие оценочно-экспрессивную характеристику личных качеств и свойств (Клант, Кьона, Маса, Довхо, Сутур, Сема, Чехка, Шишха, Хаза, Дика, Мерза и т.п.). Некоторые из древних имен выступают в качестве словообразовательных основ современных чеченских фамилий (ср.: Баргишев, Борщигов, Гелаев/Гиалаев, Кантаев, Пагалов, Цалигов, Масаев).

Ядерными конститuentами первичного ономикона являются также антропонаименования албанской эпохи: Бура, Вани, Вачага(н), Ила(н), Кала, Кама(н), Сали, Сири/Сира, Сула, Харха, Хеби, Чиги/Чага, Пунчо, Хьасха, Каниш, Декир, Току, Сижа, Гуду, Мани, и др. Этимология этих имен не ясна. На синхронном уровне большинство из них сохранились в виде реликтовых основ чеченского фамилькона: ср. фамилии Бураев, Вачагаев/ Бачагаев, Илаев, Камаев, Салиев/Салуев, и др. В качестве ЛИ все еще используются Сири/Сира, Хеби/ Хеба, Вани, Мани, входящие в группу редких, низкочастотных антропонаименований.

Антропонимы, образованные от названий металлов являются компонентами как мужской, так и женской подсистем антропонимикона: Деши, Дети, Гоьза, Даш, Эшк. С точки зрения структуры большинство первобытных имен были одно- или двусложными. Очень редко встречались имена многосложные, еще реже – сложносоставные, типа *Дари-Ден-Кока* (фольклорное).

Восстановить весь фонд древнего именослова не представляется возможным, как в его конкретном составе, так и в фонетико-морфологическом и словообразовательном облике. Однако, на наш взгляд, не будет антиисторичным предположить: антропонимикон языческого периода не регламентировался какими-либо канонами и поэтому был разнообразным, подвижным и многочисленным. В нем отразился окружающий древнего человека мир во всем его многообразии, а также представления об этом мире [1; с. 52].

Окружающая человека земная поверхность, своеобразие природы, представители растительного и животного мира, предметы быта и культа, драгоценности, полезные ископаемые, варианты моделирования образа пространства, небесные объекты, верования и предрассудки, зависимость от сил природы, а также субъективное объяснение окружающего объективного мира нашли свое отражение в древней антропонимии чеченского народа.

Литература:

1. Алдиева З.А. Антропонимическая лексика чеченского языка: Монография. – Грозный: Изд-во ЧГУ, 2013. –129 с.

2. Багаев М.Х. Тайна имен. Вайнахи, арабы и ислам - Грозный: Изд-во «Книга», 1994.
3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. - М.: Просвещение, 1983.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. - Волгоград: Перемена, 2000. - 172 с.
6. Хайруллина Р.Х. Язык и культура. – Уфа, 1995.

УДК 811.352.3

ГЛАГОЛ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Г.В. РОГАВА

С.Х. Анчек

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

Аннотация. Рассматриваются специфические особенности, морфологические и синтаксические признаки, грамматические функции глагола адыгейского языка, определяется вклад Г.В. Рогавы в разработку глагола адыгейского языка.

Ключевые слова: глагол, полиперсонализм, переходность, псевдопереходный, статичность, динамичность.

THE VERB ADYGHE LANGUAGE IN RESEARCH G.V. ROGAVA

S.H. Anchek

Adygeya Regional Institute of Humanitarian Studies. T.M Kerashev

Review. The article concerns specific features, morphological and syntactic features, grammatical function of the verb Adyghe language, is determined by the contribution of G. V. Rogava in the development of the Adyghe verb.

Key words: verb, prepersonality, transitivity, pseudoperiodic, static, dynamic.

Глагол всегда играл и играет ведущую роль в грамматической структуре кавказских языков, так как именно на глагол падает вся тяжесть морфологических и синтаксических особенностей. Непререкаемым в научном отношении признан известный тезис Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа о том, что «почти каждое слово может превратиться в глагол, если оно употреблено в качестве сказуемого». Именно поэтому глагол адыгейского языка часто становился и становится объектом изучения многих исследователей.

Значительный вклад в разработку глагола адыгейского языка внес Георгий Виссарионович Рогавы. Он посвятил много трудов этой знаменательной части речи. Это такие работы как: «Полиперсонализм в глаголе ниже-адыгейского языка» (1942), «К вопросу о посессивном происхождении глагольных личных префиксов в адыгских языках» (1976), «Псевдопереходные глаголы в адыгских языках» (1977), «Структура статических глаголов в абхазско-адыгских языках» (1980) и т.д. В результате своих исследований Георгий Виссарионович выявил много грамматических категорий в системе глагола, являющейся с его точки зрения самой сложной частью речи в адыгейском языке.

Изучение глагола адыгейского языка до Г.В. Рогавы можно представить всего лишь в двух наименованиях. Адыгейский глагол впервые был представлен в «Словаре русско-черкесского или адыгского, с краткою грамматикою сего последнего языка» Леонтия Люлье [3]. По мнению Л. Люлье, адыгейскому глаголу присуще изменение по

лицам и разграничение на действительные, возвратные, взаимные, средние. В адыгейском глаголе он выделяет сложные и неопределенные глаголы. Сложные глаголы Люлье делит на простые, то есть спрягающиеся глаголы без каких-либо превербов, и предложные, то есть спрягающиеся глаголы с присоединением к ним различных превербов или частиц. К неопределенным глаголам он относит безличные глаголы, употребляемые только в 3-м лице (нэфкьэшъы «светает», кьешхы «дойдет»).

В спрягаемом глаголе Л. Люлье различает категории времени (настоящее, прошедшее несовершенное и совершенное), числа (единственное и множественное), лица (1 л., 2 л., 3 л.), наклонения (изъявительное, повелительное, условное и неокончательное). По мнению Л. Люлье, причастие является частью глагола, представляющей собой прилагательное, также деепричастие происходит от глагола и представляет собой наречие.

Конечно, концепция Л. Люлье на сегодняшний день не имеет «никакого научного и практического значения» [9, с. 11], на что указали в свое время Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф. Но «сам факт изучения Л. Люлье адыгейского глагола представляет определенный интерес для истории этой категории» [1, с. 7].

Второй весомый шаг в изучении и разработке адыгейского глагола и его категорий был сделан в «Краткой грамматике адыгейского (кяхского) языка» Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа. Многие их положения до сих пор сохраняют свою актуальность. Таковы, например, определение первоначальной, исходной формы глагола в адыгейском языке; разработка спряжения и порядка расположения аффиксов в глаголе. Впервые в изучении адыгейского языка авторами отмечается полиперсонализм, т.е. многоличность глагола. Они отмечают, что «порядок расположения личных префиксов впереди глагольной основы в адыгейском языке за редкими исключениями постоянный и зависит от залога глагола» [9, с. 82]. Надо заметить, что под залогом авторы подразумевают переходность/непереходность глагола.

Хотя в данной работе давалось первое более или менее полное описание глагола, было выявлено много специфичного и своеобразного, сохраняющего и до сих пор научную и практическую значимость, тем не менее, нужно указать на крупные недостатки и многие неправильные положения авторов. Таковы, например, смешение категории переходности, побудительности и залога, смешение явлений словообразования и словоизменения, механическое отождествление глагола со сказуемым, признание недифференцированности глагольной и именной основы как пережитка аморфной эпохи развития языка и т.д.

Рассматривая вопрос об аморфности адыгских языков, Г.В. Рогава пишет, что «мнение Н.Ф. Яковлева о наличии аморфных элементов в адыгских языках не подтверждается фактами истории этих языков. Наоборот, то, что в настоящее время в этих языках представлено в простом виде (наличие ряда односложных слов открытого типа) является не остатком аморфной эпохи этих языков, а результатом сложного процесса развития, вызвавшего отпадение ряда основных морфологических категорий и усечения (в результате фонетических изменений) исхода основ, что подтверждается данными сравнительно-исторического изучения этих языков» [4, с. 127].

Все же достоинства данной работы перевешивают всякие ее недостатки или недочеты, поэтому она занимает почетное место в истории изучения адыгейского глагола.

Значительный шаг в дальнейшую разработку адыгейского глагола внес Г.В. Рогава, который гораздо шире показал категории глагола в адыгейском языке. В 1942 году выходит статья исследователя, в которой он доказывает, что полиперсонализм является главной особенностью глагола адыгейского языка, как и в других абхазско-адыгских языках [5, с. 109 – 116]. Он отмечает, что основными средствами образования многоличных, то есть полиперсональных глаголов в адыгейском языке являются

префиксы каузатива, версии и совместного действия.

Взгляды Г.В. Рогава на глагол наиболее полно изложены в совместном труде с З.И. Керашевой «Грамматике адыгейского языка» [7], являющемся итогом его многолетней деятельности в исследовании адыгейского языка. Исследователь считает, что «морфология адыгейского глагола исключительно сложна» [7, с. 95], в частности, благодаря тому, что она располагает множеством грамматических категорий. К ним он относит понятия лица, числа, времени, наклонения, переходности/непереходности, финитности/инфинитности, побудительности, версии, союзности, взаимности, совместности, потенциалиса, произвольности, динамичности и статичности.

Анализируя вышеназванный труд, У.С. Зекох пишет, что Г.В. Рогава, «характеризуя адыгейский глагол со стороны категории лица, обращает основное внимание на его многоличность, изменяемость по лицам субъекта (одноличные глаголы) и по лицам субъекта и объекта (многоличные глаголы). Выразителями личных форм первого, второго и третьего лица, образующих грамматическую категорию лица, являются префиксы» [2, с. 72].

По мнению Рогава переходность/непереходность глагола – категория морфологическая и синтаксическая. Морфологическими признаками этой категории являются различия в способах употребления личных аффиксов субъекта: а) отсутствие показателя третьего лица субъекта у непереходных глаголов (исключение составляют одноличные глаголы с простыми основами в форме настоящего времени) и наличие его у переходных; б) при двухличных переходных глаголах на первом месте стоит префикс ближайшего («прямого») объекта, а затем префикс субъекта, а при двухличных непереходных глаголах, наоборот, на первом месте стоит префикс субъекта, а после него префикс косвенного объекта [7, с. 97].

Синтаксическими признаками переходных/непереходных глаголов являются то, что переходные глаголы имеют эргативную конструкцию, а непереходные глаголы – номинативную [7, с. 96].

В 1977 году Г.В. Рогава публикует статью «Псевдопереходные глаголы в адыгских языках», в которой он показывает различие переходных и непереходных глаголов в синтаксическом и морфологическом аспектах. «В синтаксическом отношении, – пишет он, – непереходные глаголы имеют номинативную конструкцию, переходные глаголы – эргативную, а в морфологическом отношении переходные и непереходные глаголы показывают расхождения в выражении классных и личных показателей» [6, с. 109]. Рогава подчеркивает, что оба признака переходности глаголов наблюдаются в большинстве иберийско-кавказских языков (нахских, аварско-андийско-дидойских, картвельских и адыгских языках). Но, например, в абхазском и абазинском переходность глагола выражена только морфологическим признаком, в лезгинском же – только синтаксическим признаком.

Рогава в указанных языках еще выделяет глаголы лабильной конструкции – это глаголы с одной и той же основой, выступающие в предложениях как в номинативной, так и эргативной конструкции. По этому вопросу А.С. Чикобава высказал следующее предположение: «исторически лабильная конструкция предшествовала стабильной: стабильная эргативная конструкция возникает из лабильной» [8, с. 243].

Финитность и инфинитность, динамичность и статичность, побудительность, версия, союзность, взаимность, совместность, потенциалис, произвольность Г.В. Рогава определяет как собственно грамматические категории глагола.

Но некоторые ученые не разделяют мнение Г.В. Рогава относительно грамматических категорий глагола. Например, Гишев Н.Т. в своем монографическом исследовании «Глагол адыгейского языка» грамматические категории адыгейского глагола делит на основные и промежуточные [1, с. 103–175]. К основным категориям адыгейского глагола он относит категории переходности-непереходности, динамичности-статичности, финитности-инфинитности. К ним примыкают еще

глагольные формы аориста и масдара. К промежуточным категориям адыгейского глагола он относит категории лица, числа, времени, наклонения. С ними рассматриваются и вопросы залога и вида. К промежуточным формо- и словообразовательным категориям адыгейского глагола он относит категории отрицания, каузатива, версии, союзности, взаимности, совместности, потенциалиса, произвольности. Наряду с этим, Н.Т. Гишев считает ошибочным мнение Г.В. Рогава относительно категории глагола, что любое слово в позиции сказуемого превращается в глагол.

Но, несмотря на это, концепция Г.В. Рогава до сегодняшнего дня остается традиционной. Разработанная им совместно с З.И. Керашевой «Грамматика адыгейского языка» является незаменимым вкладом в разработку не только глагола адыгейского языка, но и всего адыгейского языкознания. Самые трудные разделы адыгейской грамматики «фонетика», «имена», «общая характеристика глагола», категории глагола – «переходные и непереходные», «финитные и инфинитные образования», «динамические и статистические», «лица и числа», «побудительности», «версии», «союзности», «взаимности», «понтенциалиса», «произвольности», «причастия», «масдарная форма глагола», «отглагольные существительные и прилагательные» и «наречие» разработаны Г.В. Рогава. Все эти разделы, выполненные Г.В. Рогава, продвинули адыгейское языкознание далеко вперед и принесли большую пользу филологам и студентам, имеющим отношение к адыгским языкам. Многие из них и до сих пор не потерпели особых изменений и используются в адыгейском языкознании.

Литература:

1. Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка / Н.Т. Гишев. – М.: Прометей, 1989. – С. 7.
2. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. – 512 с.
3. Люлье Л. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка. – Одесса, 1846.
4. Рогава Г.И. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси: изд-во Академии Наук Грузинской ССР, 1956. – С. 127.
5. Рогава Г.И. Полиперсонализм в глаголе ниже-адыгейского языка. // Известия ИЯИМК, т. XII. – Тбилиси, 1942. – С. 109 – 116
6. Рогава Г.И. Псевдопереходные глаголы в адыгских языках. // Вопросы языкознания. – М: Изд-во «Наука», 1977. – С. 109 – 116.
7. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. – Краснодар – Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1966. – 464 с.
8. Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции. // Изв. ИЯИМК», XII, 1942. – С. 243.
9. Яковлев Н., Ашхамаф Д. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка. – Краснодар, 1930. – С. 11.

УДК 39+811. 35

О КОРПУСЕ ТЕКСТОВ «МАЛЫХ» ФОЛЬКЛОРНЫХ ФОРМ В СТАТЬЕ П.К. УСЛАРА

Е.Б. Бесолова,

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-Алания

Аннотация. Статья посвящена этнолингвистическому анализу формул приветствий, благопожеланий и проклятий, собранных акад. П.К. Усларом.

Ключевые слова: формула, объекты дарообмена, речевой этикет, ритуализованный

характер, статус.

ABOUT THE TEXTS OF «SMALL» FOLKLORE FORMS IN PETER USLAR'S ARTICLE

E.B. Besolova,

V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies
of VSC and the Government of North Ossetia-Alania

Annotation. The article deals with ethnolinguistic analysis of etiquette formulae of greetings, blessings and maledictions gathered by academician Peter Karlovich Uslar.

Key words: formula, objects of mutual donation, speech etiquette, ritual character, status.

Имена Ю.Д. Дешериева и П.К. Услара связывают служение Науке, Отечеству и любовь к Кавказу. Академика П.К. Услара, крупнейшего лингвиста второй половины XIX века, привлекало изучение кавказских языков, проблемы их языковых контактов. Не обойдены вниманием в его трудах постановка и решение общелингвистических вопросов (понятие фонемы; вопросы классификации языков; грамматические концепции и др.); известны лингвопедагогические теории П.К. Услара, программа по созданию горской школы и её устав; концепции о распространении грамотности среди горцев и мн. др. [3].

Проблемы языковых контактов ставятся также и во всех трудах проф. Ю.Д. Дешериева [7, с. 3–9]. История языка, утверждается в его работах, является историей его контактных связей, и периодизация её невозможна без учёта этих связей. Изучение процесса языковых контактов требует не только детального анализа соответствующих фактов, определяющих принцип развития языка, но и учёта того значения, которое имеет их изучение для научной истории языка. Внеязыковые факторы и составляют престижный потенциал языка [5; 6].

Статическое и сравнительно-историческое исследование иберийско-кавказских языков давало, по мнению П.К. Услара и Ю.Д. Дешериева, материал для выяснения исторических взаимоотношений между народами Кавказа, а параллели – основание говорить если не о генеалогическом родстве их, то об их сродстве, приобретённом в результате давних и длительных контактов. Исследование взаимодействия больших и малых письменных и бесписьменных родственных и неродственных языков Кавказа позволяет, считают оба учёных, внести ценный вклад в разработку общелингвистической, комплексной для языкознания, истории, этнографии, археологии, антропологии, проблемы смешивания и скрещивания языков, народов, культур и их взаимовлияния.

Но П.К. Услар вёл также плодотворную работу по собиранию, изучению и систематизации фольклорного материала, которому учёный придавал важное теоретическое и историческое значение; он знакомился с живым бытованием произведений устного народного творчества, осмысливал их роль в самой жизни, в обрядовой практике. Записанный бароном П.К. Усларом фольклорный материал даёт ясное представление о языке горцев, знакомят с их бытом, мировоззрением и мировосприятием, с этно- и топонимикой, с их дореволюционным прошлым.

Этот неоценимый вклад в фольклористику народов Кавказа выполнен настолько тщательно и с такой любовью, что способствовал приобщению к собиранию фольклора помощников-горцев, которые записали и издали на родных языках брошюры для чтения с образцами фольклора. Учёный привлек их также к работе в разделе «Народные сказания», который был открыт в «Сборнике сведений о кавказских горцах» по его инициативе.

Сам П.К. Услар определил себе во всём этом «скромная» роль «совестливого

переводчика с горских языков прямо на русский» словесности, имеющей «многозначительное значение» [8, с. 3].

Формулы приветствий, благопожеланий и проклятий, приведённые П.К. Усларом в работе «Кое-что о словесных произведениях горцев» [8, с. 3–7], свидетельствуют о содержательно-эмоциональной стороне общения горцев, о живом и образном слове. Речевой этикет северокавказских народов повествует о том, что конкретные условия жизни каждого народа, его история диктуют ему свои законы рационального поведения и сохранения его традиций во времени и в пространстве. Формулы-приветствия у горцев разнообразны; эти языковые формулы-стандарты имеют различные функции и «привязаны» к социальным ситуациям [4, с. 81–87].

Ритуализованные формулы речевого поведения горцев разнообразны;

ср. *формулы-приветствия*:

чечен. *Приход твой да будет к счастью. – Утро твоё да будет хорошо; авар. Бог да обрадует тебя. – Голова да будет здрава. – Светлый день да не минует тебя; акуш. Благословение да достанется твоему дому. – Да умножатся твои бараны. – Да расцветёшь ты, как сад.*

По жанровой принадлежности формулы приветствий входят в тематическую группу формул «обмена». Л.Н. Виноградова пишет, что объектами дарообмена могут быть не только «компоненты материального благополучия, но и факторы социальной жизни»; выделяет четыре типовых ситуаций: посещение чужого дома (пространства), встреча, застолье (совместная трапеза) и угощение // одаривание [1, с. 171]. Но расплывчатость жанровых границ между приветствиями и благопожеланиями является причиной их перехода из одного жанра в другой. В обрядовой практике, предусматривающей парное участие лиц, формулы этих типов становятся часто благопожеланиями и обнаруживают особое ролевое соотношение исполнителей между собой; ср.:

авар. *Бог да выпрямит для тебя дорогу (так желают путнику); лак. Да даст тебе Бог, чего не ждешь. – Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь. – Да продлится жизнь. – Сыновья да будут невредимы (женщинам). – С отдыхом здоровье да дастся (возвратившемуся из дороги). – Да родится сын, как отец, и дочь, как мать (новобрачным). – До чего он не дожил, то тебе да дастся (родственнику умершего).*

Используемые в повседневном речевом общении в строго закреплённых ситуациях различные формулы: приветствия, прощания, благопожелания, сочувствия, утешения и др., выражают эмоционально-оценочное отношение адресата к какому-либо известию и дают представление о нравственных качествах, культуре, мировоззрении народов.

Корпус текстов «малых» фольклорных форм в статье П.К. Услара представлен не только краткими формулами приветствий и прощаний, но также пожеланиями и проклятиями, которые могут рассматриваться как традиционно воспроизводимые факты речевого поведения и не считаться в прямом смысле фольклорными текстами. Но, как показала практика, часть сопутствующих текстов, сопровождавших ритуальные действия, настолько прочно срослась с обрядом, что простое извлечение вербального компонента из всего этнографического контекста представляется достаточно сложным. К примеру, в формуле проклятия аварцев *Тень филина да накроет твой дом!* не случайно названа эта птица: в народе *филин* считается колдовской птицей, символом ночи и вещуном смерти. Злые колдуны, по представлению горцев, превращались в филина; к формуле проклятия аварцев, адресованного женщине – *Да наденешь ты чоху!* – П. К. Услар сам даёт краткий комментарий: употребляется в знач. *Да умрёт муж твой!* Обосновывается обрядовым ритуалом: *в случае смерти мужа жена, оплакивая кормильца, надевает на себя его чоху.* Ещё пример. *Тень филина да накроет твой дом!*

Формулу с пожеланием смерти родному человеку – *Умри твоя мать!* – П.К.

Услар сопровождает также кратким комментарием: «Последнее в большей части случаев не есть проклятие <...> *Значение то, что лучше бы матери твоей умереть, чем видеть тебя в том или другом жалком положении.*

Это выражение употребляется безразлично, жива или умерла мать; оно может относиться не только к людям, но и к животным, и даже к неодушевлённым предметам» [8, с. 6–7].

Известно, что индивидуальные особенности этноса складываются под влиянием социально-экономических условий, природно-географической среды, общественно-политического строя, морально-нравственных устоев, религиозных факторов, этических и правовых норм и пр. Наличие в горских языках большого числа формул, выражающих различные проклятия, в литературе объясняется тяжёлыми условиями жизни, а также ущербами, наносимыми хозяйству горца и приводящими его в отчаяние. Но, по мнению П.К. Услара, их множество вызвано чертой характера горца: «большую частью люди весьма *вспыльчивые*» [8, с.6].

Статус формул-проклятий таков, что само их произнесение представляет собой определённый ритуал или же имеет ритуализованный характер, что позволяет формулы проклятий рассмотреть и как ритуал, и как текст [2, с. 168].

П.К. Услар пишет, что «в грамматическом отношении формулы проклятий представляют весьма оригинальные и поучительные обороты; потому и набралось их столько при расследовании горских языков» [8, с. 6]; ср.:

авар. *Провались ты в ад!- Семя да иссякнет твоё! – Да растерзает тебя орёл! –Пожрись ты тотчас же! –Да положишься ты на лестницу, т.е. умри ты, потому что тело умершего относится на лестнице. – Чёрный день да наступит в твоём доме! – Твоего отца дом да сгорит! – Да сожжётся грудь твоя! – Да остынет грудь твоя! – Сдерись твоё лицо!- Вернись убитым! – Да сожрёт ржавчина твоё ружьё! – Тень филина да покроет твой дом!- Да вылезут твои косы! (ругательство между женщинами). - Да вылезут твои усы! (женщины мужчинам);*

лак. *Утони ты в крови! – Да распорется твой живот! – Да выпьет ворон твои глаза! – Да засохнет род твой! – Да напишется имя твоё на камне, т.е. Да накроет тебя надгробный камень! – Земля да возьмёт тебя! –Ноги твои да обратятся в воск! – Да погасится очаг твой! - Да вырастет колючка в твоём камине! – Да умрёт твой хозяин! (Говорится обыкновенно домашней скотине и всего чаще самим же хозяином);*

акуш. *Да очутишься ты среди чёрного дня! – Да поглотит тебя земля! – Горячая пуля да попадёт в тебя!*

Текстам проклятий и клятв тоже свойствен переход из одного жанра в другой из-за нечёткости жанровых границ между ними, этот объединяются некоторыми исследователями, в том числе и П.К. Усларом, в «клятвенные» формулы; ср. акуш. *Молоко матери да обратится в позор!*

Формулы-проклятия строятся по форме:

- 1) Частица *да* (в знач. *пусть*) + глагол 3-го лица наст. и буд. вр. (*распорется, засохнет, накроет, погасится, умрёт, растерзает, наступит, сгорит, сожжётся, вылезут, остынет* и др.) + местоимение (твоё, тебя, ты, твоём, твоя, твой и др. Ср.: *Да растерзает тебя орёл! Да сожжётся грудь твоя! Да остынет грудь твоя! Да распорется твой живот! Да накроет тебя надгробный камень!*
- 2) Глагол (*провались, пожрись, умри, утони* и др.) + местоимение (твоё, тебя, ты, твоём, твоя, твой и др.). Ср.: *Провались ты в ад! Пожрись ты тотчас же! Утони ты в крови! Сдерись твоё лицо! Вернись убитым!*
- 3) Определение + существительное + *да* (в знач. *пусть*) + глагол + местоимение. Ср.: *Горячая пуля да попадёт в тебя! – Чёрный день да наступит в твоём доме!*
- 4) Существительное + местоимение + *да* (в знач. *пусть*) + глагол +

существительное. Ср.: *Ноги твои да обратятся в воск!*

Специфика проклятий налицо: краткость, образность, идейно-смысловая значимость, яркость, поэтичность языка и образов. Проклятия, как видим, оформлены в восклицательные предложения, глагол в них стоит в повелительном наклонении. Формулы-проклятия в повелительном наклонении представлены глаголом совершенного вида с семантикой «настоятельная желательность действия»; они более категоричны, экспрессивны и обладают повышенной динамичностью.

Среди формул-проклятий наиболее распространены такие, которые являются односоставными определённо-личными предложениями, в которых сказуемое имеет форму 2-го лица единственного числа. При переводе проклятий на русский язык определённо-личное предложение передаётся императивным.

Благопожелания, в которых проявляется специфика народа, его обычаев, традиций, верований, по жанровой принадлежности также входят в тематическую группу формул «обмена».

Типовые ситуации, провоцирующие высказывание благопожеланий, возникают как в сфере традиционного быта, так и в традиционной обрядово-праздничной. Благопожелательные формулы, используемые в бытовой повседневной практике, в основном функционируют в значении приветствий, прощаний, приговоров-оберегов, выражений благодарности. В бытовых ситуациях произнесение благопожеланий составляет «нормативный акт, отвечающий определённым этикетным требованиям и имеющий более или менее ритуализованный характер» [1, с. 171]. Этот сейчас обмен благопожеланиями-приветствиями носит в основном этикетное значение, а в традиционном обществе его семантика была шире и сводилась к благопожелательной.

В тематическом отношении благопожелания в кавказских традициях имеют один и тот же набор традиционных для горцев благ: приумножения скота, обильного урожая, богатства, здоровья, благополучия в семье, божьего благословения и пр.

Весь основной состав благ, известный в репертуаре благопожеланий, позволяет составить представление о системе традиционных ценностей у горцев. Но приходится говорить и о существовании этнического и локального своеобразия. Бывает ситуация, когда благопожелание, выполняющие в данном случае функцию приветствия, является одновременно и поздравлением: *Да родится сын, как отец, и дочь, как мать!* – так приветствуют и поздравляют новобрачных лакцы. Дифференциация и специализация приветствий-благопожеланий особенно заметна, когда один из встречающихся занят выполнением хозяйственных или домашних работ; в такой ситуации обычно используются приветствия-благопожелания, отвечающие занятиям и намерениям человека: у акуш. *Да умножатся твои бараны!* Авар. *Да будет прибыль обильной и урожаем богатым!* Лак. *С отдыхом здоровье да дастся!* – приветствуют лакцы отсутствовавшего человека и т.п.

В переводах П.К. Услара встречаются приветствия-благопожелания и со словом *Бог*: авар. *Бог да обрадует тебя! Бог да выпрямит для тебя дорогу!* (путнику); лак. *Да даст тебе Бог, чего не ждёшь!* и пр.

Известно, что тексты «малых» речевых жанров отражают архаические верования и древние мифологические представления народа; что особенности национального мышления и мировидения человека определяют понятия о Боге. В языческом мировоззрении присутствует зависимость людей от общественной среды и окружающих их условий, от действия неких сил, которые человеку неизвестны. Они обуславливают протекание жизненных событий, ход которых непредсказуем, и они ниспосланы некой сверхъестественной сущностью, обладающей свойствами высшего разума. Бог (Аллах), являясь творцом мира, и определяет удел этого мира и всех его обитателей. В сознании горца образ Творца ассоциировался с носителем доброго и положительного начала; его именем клянутся, проклинают, и его же призывают в свидетели и пр.; этим и можно объяснить присутствие Бог (Аллаха) и в приветствиях,

проклятиях и благопожеланиях.

Мы не могли обойти вниманием следующие слова П.К. Услара: «Теперь всего чаще слышится: *саялм алейкюм*, и в ответ: *алейкюммяссаялм*. Тут и удовольствие произнести арабскую фразу и дешёвый способ показать себя человеком образованным и благочестивым. *Но горские языки изобилуют своими собственными приветствиями*» (выделено нами. –Бесолова) [8, с. 6]. Эта цитата свидетельствует о том, какое значение придавал учёный родному языку, его дидактико-ценностному потенциалу; призывал на своём примере служения кавказским языкам дорожить и владеть им. П.К. Услар видел в устном народном творчестве духовное богатство народа, рассматривая его как часть национальной культуры. Акад. П.К. Услар считал, что «собрание всего, изустно живущего в народе, должно составить первый письменный памятник после создания азбуки»[9, с. 103].

Зафиксированный и переведённый на русский язык учёным материал имеет безусловное воспитательное значение: пробуждает более глубокий интерес к истории северокавказских народов, их культуре, быту, оказывает определённое воздействие на эстетические вкусы молодёжи, даёт почувствовать всю прелесть народного творчества, учит понимать и ценить произведения фольклора.

Литература

1. *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.* Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. – М.: Наука, 1994.
2. *Бесолова Е. Б.* Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
3. *Габуниа З.М.* Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков. Серия «Кавказоведение». – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 518 с.
4. *Габуниа З., Башиева С.* Риторика как часть традиционной культуры. Учеб. пособие. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993.
5. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. – Грозный, 1963.
6. *Дешериев Ю.Д.* Бацбийский язык.– М., 1953. *Его же.* Изучение иберийско-кавказских языков в советскую эпоху. – Грозный, 1959.
7. *Тимаев А.Д., Халидов А.И., Овхадов М.Р.* Юнус Дешериевич Дешериев – выдающийся кавказовед и основоположник социальной лингвистики //Язык, литература, фольклор. Книга в честь Юнуса Дешериевича Дешериева / Ред. А.И. Халидов.– Грозный: Изд-во ЧГУ, 2014.
8. *Услар П. К.* Кое-что о словесных произведениях горцев //Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Вып. I. – Тифлис, 1868/М.:МНТПО «Адир», 1992.
9. *Услар П.К.* Письма к Л П Берже // Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888.

УДК 811.51

НОХЧИЙН МЕТТАН ПАЛИНДРОМАШ /ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАЛИНДРОМЫ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ/ НОХЧИЙН МЕТТАН ПАЛИНДРОМАШ

А.Д. Вагапов, Т.Х. Абдулазимова,
Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются чеченские палиндромы – слова одинаково звучащие при чтении в прямом и обратном направлениях. Это совершенно новое направление исследования в чеченской лексикологии.

Ключевые слова: чеченская лексикология, чеченские палиндромы, лексические палиндромы, морфологические палиндромы.

PALINDROME NOKHCHI METTAN
/ LEXICAL PALINDROMES IN THE CHECHEN LANGUAGE /
PALINDROME NOKHCHI METTAN.

A.D. Vagapov, T.H. Abdulazimova,
 Chechen State University

Annotation. In article the Chechen palindromes – the words which are equally sounding when reading in the direct and return directions are considered. This absolutely new direction of research in the Chechen lexicology.

Key words: Chechen lexicology, Chechen palindromes, lexical palindromes, morphological palindromes.

Палиндром олу хьалхара дIадешча а, юханехьа дешча а цхьатера декачу дашах, масала, оьрсийн маттахь иштта палиндромаш билгалйахало: *боб, дед, еле, еше, заказ, кабак, как, казак, кок, мадам, наган, око, поп, потом, радар, ротор, тат* ‘лам-жуьгти’, *топот, тот, тут* ‘здесь’, *тут* ‘тутовник’, *шабаи, шалаи*. Г.А. Гюльмагамедовс [2] лаьзгийн маттахь йолу палиндромех лаьцна яздина, цо дийцарехь лаьзгийн мотт къаьсттана палиндромаш дукха йолуш бу. И бакь хила там бу, хIунда аьлча оцу маттахь абруптиваш дашна хьалха хилла а ца Iаш, цунна тIехьа а хуьлу, ткьа нохчийн маттахь, вайна ма-хаьара, дешан чаккхенгахь шинхьа-лелха мукъаза аьзнаш (абруптиваш) ца хуьлу. Лаьзгийн *кIакI* ‘жима урам’, *цIуцI* ‘цIоз’, *цIуцI* ‘цIузам’, *чIичI* ‘чич’ палиндромаш ю, ткьа нохчийн маттахь изза орам болуш долу *кIажса* (< **кIаг*), *цIоз, цIузам* дешнаш палиндромаш яц, цхьа *чич* доцург. Гуш ду лаьзгийн дешнийн чаккхенгахь хьалхIа йоллу *кI, цI, чI* абруптиваш хилар, ткьа нохчийн маттахь *г, з, ч* хилар. Кхин а хIокху тайпана палиндромаш ялайо Г.А. Гюльмагамедовс [2: 118] шайн маттахь: *ака* ‘куьрк’, *гиг* ‘сема’, *кек* ‘мIара’, *мум* ‘балоз’, *сас* ‘церг’, *сес* ‘аз’, *хех* ‘морзагI’.

Палиндромаш лингвистикехь хIинц-хIинций бен талла долийна дешнаш дац. Цундела хIумма а тамашийна дац нохчийн маттахь уьш янне а йийцина цахилар. Тхуна хетарехь, хIара къамел дуюхьхьара ду. Талламо гойту, нохчийн маттахь а палиндромаш башха кIезга цахилар, уьш карайо коьртачу къамелан дакъошкахь: цIердешнашкахь а, хIандешнашкахь а.

1. Нохчийн меттан цIердешнийн палиндромаш

ага¹ ‘гаьнгали’
 а̀на ‘полусфера, стигал’
 а̀са ‘юткъа кийсак’
 а̀ча ‘е чу лацабелла тIулг’
 а̀ша ‘овкъарш’
 вов ‘Iарбийн элпан цIе’
 гIагI ‘тIеман духар’
 гIигI ‘экхан гIовгIа’, ‘жIалин кхерамтасаран кеп’
 гIюгI ‘варе’
 гIугI ‘къора гIовгIа’
 заз ‘диттан зезаг’
 зез ‘кIохцал-дитт’
 зуз ‘дегIан чкъор дегор’
 илли ‘мукъамехь къамел’
 йай ‘пхьегIа’
 йий ‘малар’
 лол ‘боккха маха баккха’
 магам ‘пропуск’ [1: 86]
 мим ‘Iарбийн м элп’

нун '1. Iарбийн н элп; 2. подоплёка, подвох' (и нун догIу-уш хIума ду)
 ото 'жима цIа'
 поп 'бук-дитт'
 сос 'кIа'
 у 'шера дечиг'
 хох 'кIо хасстом'
 чич 'коьртан хIур'
 шиш 'азалея-орамат' [4]
 тезет 'велларг дIаверзор'

2. *Нохчийн меттан хандешнийн палиндромаш*

āга² 'хьакха'
 айа 'лакхаяккха'
 āкха² 'декха, чIир эца'
 āла 'вистхила, багах даккха'
 āра 'ялта цIандан'
 āта 'кегIан'
 āха 'нох даккха, кха ахка'
 ахьа 'дама дан, кIа ата'

3. *Кхидолчу къамелан дакъойн палиндромаш*

а хуттург, āкха¹ 'кхераме', амма 'делахь а', āра 'уьйтIа', атта 'халадоцу', и 'гайтарап цIерметдош'.

Талламо гойту палиндромаш дуккха а алсам ялар, нагахь санна юьхьенцара форманел сов, лач форманаш а чоьте эцахь. ТIаккха юьхьенцарчу форманехь нислучу палиндромех *лексически палиндромаш* ала, ткъа юьхьенцара йоцчу лач форманехь нислучех *морфологически палиндромаш* ала мегар ду, масала:

цIердешнаш – хих (< хи), шаш (< ша);

цIерметдешнаш – аса 'ас', ахьа 'ахь', аша 'аш', оцо 'цо';

хандешнаш – лазал, лаллал, лāсал, латал, лахал, лашал, лаIал; лаззал, лаккхал [laqqal], лассал, латтал, лаххал, лашшал, лаIал (тIедожоран саттамехь долу хандешнаш-палиндромаш);

хьаахь, хьаббахь, хьāвахь, хьагахь, хьадахь¹, хьāдахь², хьажахь, хьаккахь, хьаахь, хьашахь (бехкаман саттамехь долу хандешнаш-палиндромаш).

Палиндромийн тема толлуш, кхин цхьана проблема тIеIоттало, масала, хьалхаула дешча, цхьа дош хуьлуш, юханехьа дешча, кхин дош хуьлуш хьал нисло, масала: ла 'ухо' – ал 'альй', са 'дух, душа' – ас 'я', ха 'охрана' – ах 'половина'. ХIун ала деза ишттачу дешнех? Юьззанийоцу палиндромаш? Палиндромаш-омонимаш? Я фонетически антонимаш? Далор вай кхин а оцу тайпана дешнаш:

аш 'вы' – ша 'шаг; большая пядь'

гIад 'хен, дегI' – дагI 'муш-дитт'

даI 'чов' – Iад 'герз'

дол 'бустам' – лод 'лоьдгаш'

йал 'са' – лай 'долахь стаг, йийсар'

йис 'кIац' – сий 'юьхькIам'

йукь 'чим' – кьуй 'жобьлгаш'

кад 'пхьегIа' – дак 'ива-дитт'

кхин 'марвешин зуда' – никх 'соты'

къахь 'кIурз' [3: 250] – хьакь 'догIург'

нал 'хьакха' – лан 'кIажин эчиг'

некъ 'когийн тача' – къен 'миска'

оькх ‘шерстяные валенки’ – кхбь ‘буьртиган хасстом, фасоль’
 оьс ‘кладка из трех снопов’ – сбь ‘соьга’
 пухI ‘мас’ – хIуп ‘дуновение, продувка’
 сек ‘сет, хьаж тIера кIайдарг, чIама’ – кес ‘хьаькхна аса’
 хан ‘йиш, зама’ – нах ‘адмаш’
 хен ‘дитт, гад’ – нех ‘хьардаш’
 шад ‘кнут; узел’ – даш ‘свинец; графит (в карандаше)’
 шат ‘туй’ – таш ‘ен чу лацабелла тIулг, накипь’ // шет ‘плевок’ – теш ‘гинтаг’.
 Iов ‘кегий буьртиг-ялта, пшено’ – воI ‘кIант’

адам ‘стаг’ – дама ‘аьхьна ялта’
 алам ‘дешнашца дIааьлла ойла’ – мала ‘хих кьурд бан’
 аьзат ‘маьршавалар’ – тIаза ‘цIена’ (ср. могуш-таза)
 загIа ‘совгIат’ – агIаз ‘жима гезга’
 отта ‘адьютант’ – атто ‘полегче’
 таба ‘затайтсья’ – абат ‘букварь’
 лазам – мазал ‘хьаьжкIийн барам, ши гирда’
 маслIа ‘масална, например’ – алсам ‘шорта’
 ананас – са нана
 белхало – ола хлеб

Гуш ма-хиллара, и санна долу дешнаш палиндромел дукха ду. Ша-тайпана палиндромаш ю *шинаметта палиндромаш*: цаI нохчийн меттан дош, важа оьрсийн меттан дош, масала:

аз ‘декар’ – за *предлог*
 ан ‘лазар’ – на *предлог*
 бо ‘да-нана доцу бер’ – об *предлог*
 боз ‘кIади’ – зоб ‘дестар’
 бол ‘кIа ахьаран мах’ – лоб
 гам ‘цел’ – маг ‘бозбунча’
 гул ‘богIам’ – луг
 диг – гид
 дог – год
 дор ‘кагйар’ – род
 зов ‘аз’ – воз
 кор – рок
 куп ‘дакьа’ – пук
 мас ‘чо’ – сам
 мах ‘дотькxаран хIоз’ – хам
 мo ‘таммагIа’ – ом (*физикин барам*)
 муш 1. ‘тIийриг’; 2. ‘IандагI-дитт’ – шум
 нах ‘адмаш’ – хан ‘эла’
 ног ‘голатухийла’ – гон ‘экханна тIеталлар’
 раж ‘низам’ – жар
 сир ‘басар’ – рис
 там ‘урдо’ – мат (*шахматехь*)
 тап ‘тIулган букьболу агIо’ – пат (*шахматехь*)
 тo [бу; тайн, мн. тоьрчий, ду] ‘шо кхьачна уьстагI’ – от *предлог*
 тов ‘йовхо, бурко’ – вот
 той ‘доккха ловзар’ – йот ‘грекийн элп’
 топ ‘дoлу герз’ – пот ‘хьацар’
 туш ‘бен бу, меттамотт’ – шут ‘жухарг’
 ун ‘цамгар’ – ну *дакьалг*

хич ‘б’аьца, батсеттор’ – чих ‘хьоршам’
 ху ‘обгазло, резавацар’ [З:] – ух айдардош
 шок – кош ‘г’алг’азкийн кошт, туп’

Деа элпех лаьтта «палиндромаш»:

керт – трек
 малх – хлам
 марс – срам
 марш ‘й’оьхь’ – шрам
 милк ‘втулка’ – Клим
 нарк ‘бот. облепиха’ – кран ‘подъемник’
 сурт – трус

Полиндромаш Iаморо г’ю до дешархошна а, ешархошна а цадойзу дешнаш довзийта, масала, тхуна хетарехь, дукхахболчу нохчашна дойзаш хир дац аьлла хета, кхузахь оха далийна боз ‘к’лади’, бол ‘к’ла ахьаран мах’, гам ‘чан’, гул ‘бог’Iам, хен’, дагI ‘муш-дитт, карагач’, загIа ‘совгIат’, аьгIаз ‘жима гезга’, отта ‘адьютант’, мазал ‘хьаьжк’ийн барам, ши гирда’, оькх ‘й’овха мачаш, шерстяные валенки’, оьс ‘кладка из трех снопов’, сек ‘сет, хьаж т’ера к’Iайдарг, ч’Iама’, кес ‘хьаькхна аьса’, нарк-аш ‘облепиха’, милк ‘втулка’, ху ‘обг’азло’, мах ‘добхкаран х’Iоз’, муш ‘Iандаг’I-дитт’, нуог ‘голатухийла’, раж ‘низам, кьепе’, сир ‘басар’, тап ‘г’Iулган букьболу аг’ю’, т’о [бу; тайн, тоьрчий ду] ‘шо кхаьчна уьстаг’I’, туш ‘бен, меттамот’ дешнаш, и. д.кх.а. Цундела лексика Iамочу урокахь палиндромех шуьйра пайдаэца мегар ду, цара дешархой мелла а меттахбоху, даша т’Iехь ойла йойту, матте чам кхуллу. Цуьнца доьзна лексикологин тема Iамочу муьрехь х’Iокху кепара хеттарш дан а, т’Iедахкарш дан а йиш ю.

Методикин коьчал

Стенах олу палиндром? Муьлха тайпана хуьлу палиндромаш?

Стенах олу лексически палиндром?

Стенах олу морфологически палиндром?

Стенах олу меттаюкьара палиндромаш?

Муьлха кьамелан дакьошкахь хила йиш ю палиндромаш?

Масс элпех (огах) латта йиш ю палиндромаш? Масс огах лаьтташ хуьлу дукхахйолу палиндромаш?

Т’едиллар 1. Нохчийн меттан иттех палиндром ялае.

Масл’аьдолу жоп: а, ага, акха, ала, ата, атта, заз, зез, зуз, лол, поп, сос, хох, илли, тезет, у, чич.

Т’едиллар 2. Оьрсийн маттара итт-пхийтта палиндром ялае.

Масл’аьдолу жоп: Алла, Анна, боб, дед, еле, еше, заказ, кабак, как, казак, кок, мадам, наган, око, поп, потоп, радар, ротор, тат, Тит, топот, тот, тут¹, тут² ‘тутовник’, шабаш, шалаш.

Т’едиллар 3. Орамехь мукьа а долу палиндромаш ялае.

Масл’аьдолу жоп: а хуттург, аьга, аькха¹ ‘кхераме’, амма ‘делахь а’, аьра ‘уьйт’Iа’, аьса, атта ‘халадоцу’, заз, йай ‘пхьег’Iа’, магам ‘пропуск’.

Т’едиллар 4. Орамехь мукьа е (ие) долу палиндром ялае.

Масл’аьдолу жоп: зез, тезет.

Т’едиллар 5. Орамехь мукьа и долу палиндромаш ялае.

Масл’аьдолу жоп: г’Iиг’I ‘ж’Iалин кхерамтасаран г’ювг’Iа’, илли, йий ‘малар, пиво’, мим ‘Iарбийн м элп’, чич, шиш ‘азалея-орамат’.

Т’едиллар 6. Орамехь мукьа о (о) долу палиндромаш ялае.

Масл’аьдолу жоп: г’Iог’I, лол, ото ‘жима ц’Iа’, поп ‘бук’, сос ‘к’Iан тайпа, рожь’, хох.

Т’едиллар 7. Орамехь мукьа у долу палиндромаш ялае.

Масл’аьдолу жоп: у, зуз, г’Iуг’I, нун ‘подопл’ека, подвох’, уг’Iу «тийжа, й’оьлху,

воет» (яздарехъ йолу палиндром).

Тедиллар 8. Масех морфологически палиндром ялае.

Жоп: аса, ахъа, аша, оцо, иди (*ведда лийли*), ихь (*лийли*), угIу (борз).

Тедиллар 9. Иттех хандешан палиндром ялае.

Маслӕдолу жоп: ага (тIулг хъакха), айа, а́кха ‘декха’, ала, ара, ата, а́ха, а́хъа, угIу (борз).

Тедиллар 10. Масех коьртаза къамелан дакъойн палиндром ялае.

Жоп: аса, ахъа, аша, а́ла, ара, ата, а́ха, а́хъа, угIу (борз).

Тедиллар 11. Кхаа элпех лаьтта палиндромаш язйе.

Тедиллар 12. Деа элпех лаьтта палиндромаш язйе.

Тедиллар 13. Пхеа элпех лаьтта палиндромаш язйе.

Иштта палиндромех шуьйрра пайдаэца йиш ю кхин а меттан олимпиадашкахь, телегайтামашкахь (масала, «Хаарийн бIов» чохь), тайп-тайпанчу кыйсадаларшкахь, конкурсахь, и.д.кх.а.

Литература:

1. Вагапов А.Д. Словарь неологизмов чеченского языка. Грозный, 2007.
2. Гюльмагомедов Г.А. Палиндромы (на материале русского и лезгинского языков). Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков. Махачкала, 2010. – С.117-120.
3. Мацнев А.Г. Нохчийн-оьрсийн дошам. М., 1961.
4. Рыбин В.В. О чем говорят японские палиндромы? // Проблемы типологии и общей лингвистики. С.-П., 2006.

УДК 81

ВОПРОС ОБ АБСТРАКТНОМ И КОНКРЕТНОМ ВЫРАЖЕНИИ ПОНЯТИЙ

Н.Т. Гишеев,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева

Аннотация. *Возможность выражения одного и того же понятия конкретными или абстрактными словами в различных языках дала отдельным исследователям повод считать языки с конкретным выражением – не развитыми («примитивными»), а с абстрактным – развитыми («прогрессивными»). Здесь доказывается абсурдность такого подхода к определению достоинств или недостатков языков. Вывод: все языки равны при их одинаковой социально-исторической обусловленности.*

Ключевые слова: *понятие, абстрактное, конкретное выражение, прогрессивные и примитивные языки; изолирующие, агглютинирующие, флектирующие языки.*

QUESTION ABOUT ABSTRACT AND CONCRETE EXPRESSION CONCEPTS

N.T. Gishaev

The Adygeya Republican Institute of humanitarian studies. T. M. Karaseva

Annotation. *The ability to express the same concepts concrete or abstract words in the different languages gave individual researchers reason to consider languages with a particular expression - is not developed («primitive») and abstract - developed («progressive»). Here we prove the absurdity of such an approach to the determination of the merits or drawbacks of languages. Conclusion: all languages are equal at their identical social and historical conditions.*

Key words: *concept, abstract, concrete expression, progressive and primitive*

В языках различных типов или внутри одной группы языков встречаются слова, выражающие одно и то же понятие разными способами. В одних языках одно слово может передавать несколько действий, выражающихся в другом языке несколькими словами, т.е. абстрактное выражение одним словом несколькими конкретными словами. Так, адыгейский часто оказывается более абстрагированным, чем русский язык в выражениях одних и тех же понятий или действий. Другими словами, в адыгейском языке употребляется одно слово для выражения частного значения, а в русском языке то же самое понятие выражается несколькими автономными словами (глаголами – сказуемыми). Например, в адыгейском языке отсутствует слово «ехать». Русское его значение в адыгейском передается словом «к1он» со значением «идти», «ехать», «лететь», «плыть» – Лъэсэу **къэ-к1уа-гъ**. «Пешком *пришел*»; Машинэк1э **къэ-к1уа-гъ**. «На машине *приехал*»; Кушъхъэльатэк1э **къэ-к1уа-гъ**. «Самолетом *прилетел*»; Къухъэк1э **къэ-к1уа-гъ**. «Пароходом *приплыл*»; Шым тесэу **къэ-к1уа-гъ**. «На коне *приехал*». Как показывают приведенные примеры, адыгейский язык все эти действия выражает **одним абстрактным словом «къэ-к1уа-гъ»**, в русском – **множеством конкретных слов – пешком пришел; на машине, на коне приехал; самолетом прилетел; пароходом приплыл.**

Исследуя европейские языки, отдельные лингвисты делали абсурдные выводы. Так, А.В. Суперанская в своей монографии отмечает, что «утверждение о том, что в языках «примитивных» народов якобы много специальных и мало общих слов, строились нередко на данных первых миссионеров и были развенчаны лишь недавно» [1:37]. Разумеется, мы поддерживаем автора этих строк, ибо абстрактные и конкретные выражения одного и того же понятия встречаются не только в различных языках, но почти в одном и том же языке, типологически релевантных языках, или диалектах одного и того же языка.

На таких явлениях в адыгейском и кабардино-черкесском литературных языках мы обратили невольное внимание более абстрактного выражения одного и того же понятия в словах адыгейского языка, чем в кабардино-черкесском, где конкретизируется значение однословного адыгейского рядом частных составляющих слов. А ведь адыгейский и кабардино-черкесский языки близкородственные, если не сказать, что один язык. В заключительной части своей монографии, написанной более десяти лет назад, мы писали: «В этом разделе [лексика] отмечается также возможность более абстрактного выражения того или иного понятия в адыгейском языке, чем в кабардино-черкесском, например: *зыштэн – фэр ф1ы хъун (пшэр хъун)* «поправляться»; *зэндэрыкъ – зэф1этын* «стоять смиренно»; *зэпагъо – мащ1эу 1ухын* «приоткрыть», «приоткрытая (дверь)»; *зэтекъэн – ип1эм ижыхъын* «остолбенеть» и т. д.» [2 : 200, 277].

Те лингвисты, которые считали языки с абстрактным выражением действия «прогрессивными», достигшими высокого развития, а языки, выражающие действие конкретными словами, иногда состоящими из нескольких слов «примитивными», глубоко ошибались, и такой подход к оценке языка и умственное развитие его носителей нельзя было принимать наукой. Вообще к оценке любого языка и народов не следует подходить с точки зрения формы слов или типологического строя языка. Любой язык – создание того или иного народа в определенных социально-исторических условиях и природно-климатическом окружении. Язык любого народа способен обслуживать то общество, в котором он создан. Здесь споры о достоинствах того или иного языка излишни.

Этот случай, т.е. рассуждения о «примитивности» или «прогрессивности» народов в зависимости от конкретного или абстрактного выражения своих мыслей, напоминает тот период в языкознании, когда умственное развитие целых народов

определялось от принадлежности этого народа к носителям изолирующих, агглютирующих и флектирующих языков. Представители этого мировоззренческого направления рассуждали так: «изолирующие языки» даны природой тому отделу человеческого рода, который скупо снабдила она умом; «агглютирующие языки» несравненно выше изолирующих – слова в них связаны приставками и поэтому они выше по уму; носители «флектирующих языков» наделены сильным умом [3: 836–837]. Подобное схоластическое рассуждение имело близкое родство с немецкой трансцендентальной философией Канта.

По этим вопросам Н.Г. Чернышевский делал следующее заключение: «Классификация языков на первой ступени подразделения, распределяющей их на три разряда по грамматическому строению, имеет только техническое, специальное значение. Для истории народов эта группировка не представляет никакой действительной важности ...» [3 : 848]. Человек мыслит представлениями посредством слов. При этом человек делает это по удобству заменять многосложное простым.

Все изложенное выше свидетельствует тому, что в человеческой природе мы имеем мышление и язык (способность говорить), теснейшим образом взаимодействующие между собой. Мысль вырабатывает понятие, а язык оформляет его в слова и в конечном счете речь формирует готовую продукцию и передает понятия, представления членам окружающего его общества. В какой грамматической форме или в каком звучании передавать выработанные мысли не имеет решающего значения. Значение имеет обеспечение общения с себе подобными в данном коллективе, обществе. Это все создано самой природой, и поэтому действующие в человеческом языке законы почти не меняются. Члены общества автоматически усваивают эти законы, для них главное произносить свои мысли в данном конкретном обществе, не искажая и не изменяя действующие языковые законы. На самом деле какое значение имеет абстрактное или конкретное выражение своих высказываний для общества, если твои мысли понятны окружающим. Разве развитие общества, социального строя, науки, техники, экономики зависит от языка изолирующего, агглютинирующего или флектирующего?! Мы не можем практически доказать, что страны или государства лишь из-за преобладания изолирующего, агглютинирующего и флектирующего языков, только по причине языковой принадлежности, опережали или отставали в своем развитии от других стран или государств.

Все изложенное лишний раз доказывает значение языка как орудия общения в любом человеческом обществе. Нет ни богатых, ни бедных языков по причине его принадлежности к определенному типу. Есть, разумеется, развитые (распространенные) языки, обусловленные экстралингвистическими причинами – историческими, техническими, экономическими, литературными, культурными и даже военными. Ведь латинский язык когда-то являлся самым развитым, а в наши дни он считается уже мертвым. Так, что все языки, каким бы способом они ни выражались, равны, если условия их развития (распространения) одинаково обусловлены соответствующими социально-историческими причинами.

Литература:

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М.: Изд. «Наука», 1973. – С. 36.
2. *Гишев Н.Т.* Сравнительный анализ адыгских языков. – Майкоп: АРИГИ, 2003. – С. 200 и 277.
3. С м .: *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений, том X, статьи и рецензии 1862 – 1889. – М., 1951. – С. 836 – 837.
4. Там же, с. 848.

ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА АБХАЗСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

О.П. Дзидзария (Дзари-ипа)

Абхазский государственный университет, г. Сухум, Республика Абхазия

Аннотация. В работе освещаются основные процессы развития литературно-письменного языка абхазов. Особое место отводится вопросам норм литературного языка и его диалектной базы. Статья рассчитана на специалистов – лингвистов, писателей и студентов.

Ключевые слова: новые методы, новые направления, диалектная база абхазского литературного языка, грамматика, лексика, фонетика, словарный состав, свистящий – шипящие фонемы, двуязычие, абжуйский, бзыпский.

DIALECT BASE ABKHAZIAN LITERARY LANGUAGE

O.P. Dzidzarya

Annotation. The work reflects the main processes of the development of literary-written language of the Abkhaz. The main part is devoted to the question of norms and dialectical basis of the language. The article is meant for linguists, writers and students.

Key words: new methods, directions, dialectical basis of the Abkhaz literary language, grammar, phonetics, vocabulary, hissing and whistling phonemes, bilingualism, abzhuaa and bzipaa dialects.

Какого бы высокого уровня развития ни достигла филологическая наука или ее отдельная отрасль, каждая эпоха ставит перед учеными свои проблемы, требующие решения. Если говорить о современном абхазском языке, то ее актуальные вопросы обусловлены в основном следующими причинами.

Во-первых, современный абхазский язык, как и всякий живой язык, не стоит на месте, а постепенно развивается как по своим внутренним законам, так и в силу влияния на него разнообразных экстралингвистических факторов: развития и мышления форм общения, новые социальные функции, инноваций и т.д.

Во-вторых, в самой языковой системе абхазского языка существуют такие категории, исследование которых никогда не потеряют своей актуальности, например, были или появятся падежи существительных, некоторые вопросы глагола, о статусе местоимений и т.д.

В-третьих, развивается не только сам язык, но и наука о нем. Методы исследования, казавшиеся совершенными еще в недавнем прошлом, устаревают, на смену им приходят новые методы и новые направления. В связи с этим тот же самый материал исследования может представить в ином свете. Под современным абхазским языком следует понимать язык, на котором мы сейчас говорим и пишем со всеми теми изменениями, которые произошли и происходят в абхазском литературном языке в силу воздействия различных социальных факторов. Однако нельзя их игнорировать. Настоящая работа посвящена диалектной базе абхазского литературного языка, которая актуальна для науки и практики.

Как мы знаем, исследование горских языков П.К. Услар начал с абхазского языка. Еще «в июле 1861 г. в продолжение целых семи дней» он занимался абхазским языком в Сухуме, а затем и в других местах. Результат этой работы - монография «Абхазский язык», которая литографическим способом была отпечатана в 1862г. Абхазская грамматика составляет первый лингвистический труд П.К. Услара, получивший высокую оценку, и не утративший своего значения до настоящего времени.

Абхазская азбука, составленная Усларом, была приложена к его монографии и

состояла из 55 знаков. В усларовской фонетической системе абхазского языка вошли фонемы, отсутствующие сегодня в литературном языке Z^0 , S' , X , C' , ζ' , S^0 . Из них три согласных, а именно S' , ζ' , X , он считал существующим лишь в одном бзыпском наречии. Согласные Z^0 , C' , S^0 П.К. Услар рассматривал как общеабхазские фонемы.

Кавказовед А. Дирр в 1911 году ознакомился с бытом и языком абхазов в окрестностях Сухума и Гудаута, главным образом, с целью изучения произношения звуков абхазского языка, но из бзыпских звуков ему удалось дать описание лишь свистяще-шипящему спирату Z^0 , а остальные исключительно принадлежавшие бзыпскому диалекту он не смог увидеть.

Н.Я. Марр в общих чертах касается свистящих согласных, их он включил в абхазско-русский словарь [8].

Об абхазских диалектах пишет языковед В.Х. Конджария: «Абхазский письменный язык со дня своего появления начал выполнять свои общественные функции, опираясь на живую народную разговорную речь. Из всех его наречий (диалектов), которые легли в основу абхазского разговорного языка, как известно, наиболее удобный для создания азбуки составителем был выбран бзыбский диалект» [5, 14]. Далее она же отмечает, что из-за обилия звуков П.К. Услар характеризовал его как «самый чистый и самый правильный», к тому же информаторами, отдельными составителями и переводчиками разных изданий были выходцы из Бзыпской Абхазии.

В дальнейшем, с выходом букварей, учебников, христианской литературы и первыми художественными книгами литературный язык начал ориентироваться как на бзыпский так и на абжуйский диалект. Но он всегда держал курс на максимальное истолкование богатств народного языка, оставляя в сторону, наличие специфических свистящих-шипящих бзыпских и гортанных абжуйских звуков; наличие в окончании глаголов абжуйского варианта; наличие редукции в абжуйском и усечение внутри основы в бзыпском; наличие полногласных и т. д.

В период создания литературного языка для младописьменных народов необходимо было решать вопрос о диалектной базе языка.

В период создания письменности для младописьменных народов необходимо было решать вопрос о диалектной базе языка.

Как мы знаем, диалекты одного и того же языка могут настолько отличаться, что говорящие на них с большим трудом понимают друг друга.

Примером этого служат индийские, армянский, аварский и многие другие языки. В таких случаях бывают возникшие на базе двух разных диалектов два варианта литературных языков, как в армянском.

Даже язык такого малочисленного народа как аварский, имеет многочисленные диалекты, значительно расходящиеся между собой в фактическом, грамматическом и лексическом отношении.

Интересен и русский язык. До революции огромное большинство русского населения говорило на территориальных диалектах, которые были не только территориальными, но и социальными, поскольку основная масса их носителей принадлежала к классу крестьян. Территориальный диалект для неграмотных и полуграмотных крестьян был главным средством общения с населением других местностей, с горожанами и интеллигенцией, в быту, на работе, во всех случаях жизни. Правда, диалектологи часто отмечали воздействие на говоры городской речи, однако архаические основы говоров, в общем, держались стойко. В наше время сфера употребления территориальных диалектов чрезвычайно сузилась. Более или менее выдержанная система архаических говоров сохраняются лишь у небольшой части населения. Прежнего состояния диалектной речи теперь не существует. Большинство современного сельского населения говорит или на литературном языке, или на своеобразных «койне», переходных от прежних диалектных систем к литературному

языку [2, 150.]

При определении диалектной базы таких языков учитывают три наиболее важных момента. Об этом писал Ю.Д. Дешериев в работе «Развитие младописьменных языков народов СССР». Это – а) представляют ли говорящие на данном диалекте большинство народа для которого создается письменность; б) занимают ли представители данного диалекта передовое место в экономической, политической, культурной жизни народа; в) каковы специфические особенности фонетической системы, грамматического строя и словарного состава этого языка.

Диалектная база абхазского литературного языка складывалась отчасти стихийно. Постепенно формировались нормы литературного языка, которые вытесняли небольшие диалектные особенности из речи образованных людей. Так как, в абхазском языке между двумя диалектами (если они диалекты – О.Дз) бзыпским и абжуйским мешающий нормализации литературного языка явлений не встречаем.

Наоборот, нормы литературного языка опирались на массовое и регулярное словоупотребление и одобрение данного словоупотребления со стороны образованной части общества. В этом смысле, в абхазском языке литературная норма является общенародным языком. Считается, что фонемный состав абжуйского диалекта лег в основу литературного языка, хотя от фонемного бзыпского диалекта отличается пятью свистящий-шипящими фонемами.

Вообще в грамматическом строе в двух диалектах абхазского языка не обнаруживаются особенности, характерных для диалектов.

В словарном составе абжуйского диалекта несколько десятков лексических единиц, в отличие от бзыпского, заимствованных из мегрельского языка. Безусловно, почти все они не вошли (за исключением нескольких слов – О.Дз.) в литературный язык. В определенный период, восточная часть абжуйского диалекта, сохраняла двуязычие (абхазского и мегрельского). Сегодня эта проблема под влиянием школ и государственных учреждений не существует. Хотя, у соседей абжуйцев на востоке, у самурзаканских абхазов установилось одноязычие в результате отмирания исконного абхазского языка. В этом регионе должна быть проведена спокойная и большая работа по вытеснению побеждающего языка. Это укрепление и распространение абхазского языка должно являться предметом особой заботы общества, в этом велика роль школы.

Сегодня не имеем концентрации местных абхазских диалектов, так как созданы благоприятные условия для развития и распространения литературного языка, фактически они исчезли из сельского населения, благодаря школе, радио, прессы, телевидения и других средств общения.

Таким образом, в абхазском литературном языке произошел процесс нивелировки диалектов, сопровождавшийся не только постепенной утратой небольших диалектных особенностей, но и обогащением литературного языка за счет диалектов.

На сегодня, в основу литературного языка лежит абхазский язык, где за фонетическую основу взята абжуйский диалект, а за лексическую основу – бзыпский диалект.

Литература:

1. Арстаа Ш.К., Чкадуа Л.П., «Грамматика абхазского литературного языка», Сухум, 2002
2. Березин Ф.И. История советского языкознания. М., 1988. С. 150.
3. Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 16.
4. Дешериев Ю.Д., «Развитие младописьменных языков народов СССР», М. 1958
5. Конджария В.Х. Из истории развития абхазского литературного языка. Сухум, 1984. С.14.
6. Услар П.К., Абхазский язык. Этнография Кавказа. Языкознание. 1. Тифлис, 1887 с. 13.14.
7. Услар П.К. Нечто об азбуках кавказских горцев. Газ. «Кавказ», № 20, 1863 г.
8. Марр Н. Абхазско – русский словарь, Л., 1926.
9. Шакрыл К.С., «Словарь бзыпского диалекта абхазского языка», Сухум, 2014.

УДК 81.39

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛАКУНЫ ДЛЯ РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Л.М. Довлеткиреева,
Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье на материале чеченско-русского словаря рассматриваются лакуны русской лексики на фоне чеченского языка, проводится их классификация, типовая градация и характеристика тематических групп.

Ключевые слова: концепт, лакуна, безэквивалентная лексическая единица, языковая картина мира, ментальность, лексическое значение.

NON-EQUIVALENT UNITS OF THE CHECHEN LANGUAGE AS THE LACUNAE FOR THE RUSSIAN LEXICAL SYSTEM

L.M. Dovletkireeva,
Chechen State University

Annotation. In the article by the material of the Chechen-Russian dictionary, discusses the lacunae of the Russian language on the background of the Chechen language, gives their classification, and the model gradation characteristics of the thematic groups.

Key words: concept, lacuna, non-equivalent lexical units, the linguistic picture of the world, mentality, lexical meaning.

О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. Их обнаружение возможно в рамках контрастивной лингвистики. Безэквивалентная единица, или эндемичная единица (биол. эндемичный – «произрастающий, имеющий распространение в одной местности») – это единица, имеющаяся в одном языке и отсутствующая в другом. Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом [7, с.156].

Однако лакуна не всегда свидетельствует об отсутствии концепта, так как концепт, по данным современных экспериментальных исследований [5], может выступать как в вербализованном виде, так и присутствовать в национальном сознании народа без языковой репрезентации. Лингвистические средства необходимы для выражения концепта, чтобы придать ему большую стабильность и понятность. Кроме того, наличие лексемы для выражения того или иного концепта свидетельствует, на наш взгляд, об особом акценте, который делает тот или иной народ на заложенных в него коннотациях.

Таким образом, когнитивная картина мира того или иного народа получает более осязаемые очертания при выявлении эндемичных единиц и лакун в сравниваемых языках, причем наибольшее отличие будет проявляться, если лексемы одного языка не только не имеют аналогов в сравниваемом языке, но и мотивируются отсутствием подобных предметов и понятий в языковом сознании другого народа.

По мнению исследователей [7, с. 166, 167], возможны следующие соотношения:

1. Есть концепт, есть семема, есть лексема.
Это привычные для всех словарные единицы. Например, хлеб (русск.) – бепиг (чеч.), мать (русск.) – нана (чеч.), нарезать (русск.) – хадо (чеч.).
2. Есть концепт, есть семема, нет лексемы. Например, «ягненок, оставшийся без матери» – барни (чеч.). Или «на четвертый день после сегодняшнего» – цака

(чеч.).

3. Есть концепт, нет семемы (не делается мыслительный акцент на предмете или понятии), нет лексемы. Например, «боковая выпуклость на лбу»–б1аьштиг (чеч.). Или «старинная чеченская мера сыпучих тел, равная приблизительно 12 кг»– гирда (чеч.).
4. Нет концепта, нет семемы, нет лексемы. В этом соотношении, которое является самым редким, наиболее выпукло проявляется национальная специфика. Например, «позорная куча» (древний обычай предания позору)– k1арлаг1а (чеч.).

Данное исследование проведено на материале «Чеченско-русского словаря», составленного А.Г. Мациевым и включающего около 20 000 слов [6]. Использован метод сплошной выборки. В результате было выявлено 279 безэквивалентных единиц чеченского языка на фоне русского. Из них – 174 предметных лакун для русского языка, 189– немотивированных, 91– мотивированная, 72 – видовых, 1 родовая, 3 родовых и видовых одновременно, 4 абстрактных.

Предметные лакуны передают отсутствие материального, воспринимаемого органами чувств предмета или явления либо лексемы для номинации имеющегося, но невербализованного концепта. Абстрактные лакуны, соответственно, свидетельствуют об отсутствии какого-либо понятия, ментофакта. Причем само понятие вполне может и наличествовать в мыслительном пространстве этого народа, но не номинируется словесно. К примеру, чеч. «г1икдаккха» – оттолкнуть кого-либо, внушить кому-либо неприязнь к себе – абстрактная, немотивированная лакуна для русского языка, отражающая чувства и эмоции, характерные для представителей любой национальности – не только чеченской. Или чеч. «мехаладала» – поднять свой авторитет; нанас хастийна йо1 мехала ца ялла (пословица) – букв.: дочь, хваленная матерью, не поднялась в цене.

Родовые лакуны означают отсутствие общего наименования для группы предметов (явлений, понятий). Видовые, напротив, говорят о том, что класс предметов не дифференцирован в данном языке. В ходе нашего исследования выявлено 79 видовых и всего 1 родовая эндемичная единица чеченского языка на фоне русского. Это в некоторой степени – показатель склонности не к обобщающему национально-языковому мышлению чеченцев (индуктивному), а к аналитическому (дедуктивному). Например, «заг1а» – подарок, приношение из съестных припасов (разновидность подарка); «з1аразукъ» - талый снег, прилипающий к копытам – видовая по отношению к лексеме «снег»; «ч1ег1аг» – кукурузный стебель, очищенный от листьев – видовая для слова «стебель»; «курх» – мелкая кража – гипоним к гиперониму «преступление» и т.д. Обнаруженная нами родовая лакуна русского языка на фоне чеченского – «кирша» – рогатое животное.

Кроме того, некоторые лексеммы мы обозначили как родовые и видовые одновременно. Дуализм таких словарных единиц чеченского языка вовсе не является оксюмороном. Скажем, к таковым мы можем отнести антонимы «дехой» (все родственники со стороны отца) и «ненахой» (все родственники со стороны матери). Для гиперонима «родственник» они являются гипонимами, т.е. видовыми понятиями. В то же время для слов «деда» (дедушка, отец отца), «денана» (бабушка, мать отца), «дейиша» (тетя, сестра отца), «деваша» (дядя, брат отца), «дешича» (двоюродный брат или сестра отца), «демаьхча» (троюродный брат или сестра отца) и др. слово «дехо» является родовым. И, соответственно, «ненахой» выступает как гипероним для слов «ненада» (дедушка, отец матери), «ненанана» (бабушка, мать матери), «ненайиша» (тетя, сестра матери), «ненаваша» (дядя, брат матери), «ненашича» (двоюродный брат или сестра матери), «ненамаьхча» (троюродный брат или сестра матери) и др. видовых обозначений родственников по материнской линии, но гипонимом по отношению к слову «родственник».

Такая дифференциация не случайна для чеченского национального сознания. Именно родственники по отцовской линии – «дехой» – несут бремя ответственности за поступки сына, внука, брата, дочери, сестры, внучки. Они же должны выступить защитниками в любых жизненных ситуациях. Ребенок принадлежит «дехой» – родне по отцу. При разводе отца с матерью он, по чеченским адатам, должен остаться с отцом. Тот случай, когда адатное право чеченцев противоречит мусульманским нормам – шариату.

Это получило отражение и в пословицах. Ненахой – дуьненан марзо, дехой – дуьненан б1ог1ам. – Материнская родня – сладость жизни, отцовская родня – столб жизни. Дейиша – дера ча, ненайиша – мезан 1айг. – Сестра отца – злая медведица, сестра матери – ложка меда. Здесь имеется в виду, что дехой выполняют по отношению к ребенку воспитательную функцию, а ненахой выступают в качестве отдушины, у них всегда можно найти приют и утешение. Ненахо не бранят ребенка – «товш дац» – не к лицу.

Большинство лакун русского языка при сопоставлении с чеченским являются немотивированными, то есть соответствующие предметы, явления или понятия в русской культуре есть, но они номинативно не выражены. Например, настриг шерсти с одного барана–ср. «тхонка» (чеч.); определенная часть выполненной работы – чеч. лексема «мур» во втором своем значении; зерновые хлопья–ср. «чуьпалг» (чеч.); радостная весть–чеч. слово «кхаъ» в первичном лексическом значении.

Мотивированных лакун не так много, но именно они наиболее ярко высвечивают своеобразие русской языковой картины мира, так как объясняются отсутствием соответствующего предмета, явления, представления в русской национальной культуре и, наоборот, выявляют специфику чеченской культуры, в которой занимают значимую идентифицирующую позицию. К примеру, духовный судья у мусульман – «къеда»; краска для окрашивания бурок– «Г1ореш»; погребальные носилки– «барам» и др.

Классифицируя безэквивалентные единицы чеченского языка на фоне русского, мы также выявили такую их разновидность, которую можно обозначить терминами «неоднокорневая» «разнокорневая», «морфолого-словообразовательная». Так, слова «рука» – «ручонка» являются однокорневыми в русском языке, но для детской руки отсутствует обозначение с другим корнем. Или от слова «арбуз» суффиксацией образуется «арбузик», маленький арбуз, от слова «топор» – «топорик» и т.д. В чеченском, наоборот, отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов приводит к появлению разнокорневых слов для обозначения меньших по размеру предметов: «куьг» – рука, «биши» – ручонка; «хорбаз» – арбуз, «бургат» – арбузик; «диг» – топор, «жамбалт» – топорик.

Дадим краткую характеристику ряду тематических групп, в которых обнаружены русско-чеченские лакуны, то есть лакуны в русской лексической системе на фоне чеченского языка.

1. Природа, ландшафт, география.

В этой группе выявлено 18 лакун. Большинство из них являются немотивированными, то есть у носителей русского языка имеются соответствующие концепты, но лексических единиц для их обозначения нет.

Многие лакуны этой группы объясняются ландшафтным своеобразием. Россия – страна широких просторов (взгляд устремлен по неохватной горизонтали), в Чечне (как и на Кавказе в целом) ведущим географическим концептом является гора. Отсюда такие лакуны русского языка, как, например:

1. снеговая гора; снежная вершина горы – башлам (предметная, немотивированная);
2. низменная, нижняя часть села в горной местности – пхьадухе (предметная, мотивированная);

3. возвышенная, верхняя часть села в горной местности – пхъакоче (предметная, мотивированная);

4. теневой склон горы (противоп. бaсе) – хъаавхе (предметная, немотивированная);

6. горный поток – Iовраш (предметная, немотивированная).

II. В тематической группе «Орудия труда, механизмы» выявлено 16 лакун. В рамках данной группы отчетливо выделяются орудия труда, связанные с ведением сельского хозяйства, земледелием. К примеру:

1. каток для молотьбы – балба (уст.) (предметная, немотивированная). Как нам стало известно, в отдельных районах российского Черноземья использовались каменные катки, но они не имели специального наименования;

2. деревянная лопата – баъхъа (предметная, немотивированная, видовая);

3. железная лопата – бел (предметная, немотивированная, видовая);

4. мельничное колесо – бера (предметная, немотивированная).

Есть в этой группе и эндемичные единицы чеченского языка, связанные с прядением, кожевенным, ткацким, токарным и другими ремеслами и отражающие особенности чеченского трудового опыта.

III группа – «Военное дело, оружие, война» – одна из самых малочисленных. Включает всего три лакуны и, таким образом, в некоторой степени развенчивает стереотип, сложившийся в русском сознании, о воинственности как определяющей черте чеченского национального характера. Большинство лексических единиц этой тематики переводятся с чеченского языка на русский, следовательно, присутствуют в концептосферах обоих народов. И лишь три передаются описательно и являются лакунами в русском языке:

1. скрепительное кольцо винтовки – балл (предметная, видовая, немотивированная);

2. скрепляющее кольцо ложа винтовки – чучал (предметная, видовая, немотивированная);

3. отрубленная правая рука, ухо или голова убитого врага, взятые в качестве трофея – цIетта (уст.)(предметная, мотивированная).

IV группа «Традиции, обряды, обычаи» представлена 22 лакунами, 18 из них мотивированы отсутствием сходных традиций в культуре русского народа.

Например, стать кровником, стать преследуемым– лурдола (уст.); место поминок во дворе, куда приходят родственники и знакомые умершего для выражения соболезнования – тезет; свадебная занавеска– кирхъа; приношение в виде съестных подарков, которое делает сторона жениха стороне невесты после свадьбы– заIа.

В V группе «Домашние животные» 11 лакун, в основном видовых, связанных с животноводством. Домашние животные подразделяются на виды в зависимости от возраста, особенностей ухода за ними в разное время года, пользы продуктов животноводства и т.д. К примеру, баран в возрасте от двух до трех лет – кхокха; баран в возрасте более одного года– то; ягненок до первой стрижки – чуха и др. В русском языке такое подробное деление не встречается. Разве что для слова «овца» выделяется вид «ярка» – молодая, еще не ягнившаяся овца.

В VI группе «Быт, утварь, дом» – 23 лакуны, которые характеризуют своеобразие чеченского быта. Например, декоративная тыква, употребляемая для изготовления домашней утвари, а также применяемая при плавании–туъта (предметная, мотивированная).

VII группа «Кулинария» представлена 17 лакунами, большинство из которых мотивировано, так как передают специфику национальной кухни, пищи, блюд. К примеру, вареная или жареная черемша – жаIар. Просто «черемша» номинируется словом «хьонка»; печеный хлеб из кукурузной муки – сискал; пирог с тыквенной начинкой (на самом деле не пирог, а тонкая лепешка в форме полукруга с тыквенной

начинкой) – хингал и др.

В VIII группе «Строение, строительство» выявлено 3 видовых лакуны: 1. глиняная крыша, навес – беда (предметная, немотивированная, видовая); 2. навес над забором – цхар (предметная, видовая, немотивированная); 3. сторожевая вышка – чардакх (предметная, видовая, немотивированная).

IX группа «Медицина, анатомия» включает 11 лакун. К примеру, часть шеи ниже затылка – ворта (предметная, немотивированная, видовая); инструмент для кровопускания – пхъатуха (мед. уст.) (предметная, мотивированная мусульманским обрядом лечебного кровопускания).

X группа «Труд» – самая многочисленная, состоит из 35 безэквивалентных единиц чеченского языка, что позволяет сделать вывод об особой значимости трудовой деятельности для чеченцев. Большинство лексем этой группы связано с особенностями сельскохозяйственной деятельности – земледелия и животноводства. Например, отходы (потери при перевозке и уборке сена, кукурузных стеблей, табачных листьев) – ловраш (предметная, немотивированная); просяная солома – магар (предметная, немотивированная); 1) плуг с упряжью; 2) участок земли, вспаханный одним плугом за один рабочий день – гота (предметная, видовая, немотивированная). Здесь встречаются и эндемичные единицы, мотивированные определенными традициями, бытовавшими среди чеченцев. Например, вотгала (ист.) – отдача на процентных началах в приплод крупного рогатого скота. Подробный комментарий к этой лексеме дан в словаре «Дош» его составителем Абу Исмаиловым. Он, в частности, пишет: «В прежние времена зажиточные и богатые люди отдавали малоимущим на откорм и содержание крупный рогатый скот, овец, лошадей, коз. Устно оговаривались условия, при которых пастухи имели часть приплода, удою, настрига» [3, с. 53].

В XI тематической группе «Человек (внешность, пол, качества, физическое состояние, его действия, характеристика)» 29 лакун. В этой группе наибольший интерес, с точки зрения своеобразия языковой картины мира, на наш взгляд, представляют собой такие безэквивалентные единицы чеченского языка, какорцахдаккха – поднять по сигналу тревоги; тѐлацар – принятие на себя обязательства; эвхъаздовла – вести себя непринужденно, развязно, фамильярно; яхъ; къонах. Причем к слову «къонах» составителем словаря А.Г. Мациевым приводится лишьодно значение – молодец. Однако это слово мотивированно лакунарно для русского и любого другого языка именно во втором, не приводимом в этой словарной статье значении. Не любого мужчину можно назвать къонахом. Только того, кто соблюдает определенный свод правил поведения – неписанный кодекс къонаха – къонахалла. Интересно, что самого слова «къонахалла», важного для понимания чеченской ментальности, в словаре А.Г. Мациева нет. Хотя этот концепт является безэквивалентной лексической единицей чеченского языка, соответственно, лакуной для русского и других языков, так как отражает специфически чеченское мировидение. В словаре А. Исмаилова «Дош» дается более развернутое пояснение лексеме «къонах» [3, с. 155], приводится и слово «къонахалла», но разъяснение – молодечество, достоинство [3, с. 155] – на наш взгляд, является лишь приближенным. Правильнее было бы выразить сему этого слова следующим образом: кодекс чести къонаха (достойного мужчины), нравственно-этический свод его качеств и правил поведения. Точно, но в то же время емко передает значение слова «къонах» писатель Муса Ахмадов: «Слово «къонах» состоит из двух частей: «къо» + «нах» – и означает буквально «молодец, принадлежащий народу». Къонах – это созданный народом идеал человека, наделенного всем необходимым, отвечающий всем требованиям, предъявляемым к мужчине» [1, с. 39]. Основные качества къонаха: уважение к старшим, сдержанность, скромность, стойкость, мужество (список далеко не полный). «Он не станет лебезить и раболепствовать ни перед кем. Къонах также не позволит унижаться перед собой никому. Он не нуждается вчем-либо подобострастии. Он

самодостаточен и знает себе цену. Он знает цену и этому миру, и мирской суете», – комментирует Абу Исмаилов [3, с. 155].

Концепт «яхь» имеет непосредственное отношение к къонаху. Это одно из важнейших его качеств, которое также не имеет точного перевода ни на один язык мира. В словаре А.Г. Мациева даются следующие его аналоги – 1) соревнование; 2) гордость. Безусловно, это в корне неверно, так как соревнование может быть каким угодно: можно соревноваться в прыжках в длину; в том, кто больше съест торта за пять минут; в модной одежде и т.д. Для всего этого в чеченском языке существует лексема «къыйсам», одним из значений которой является «состязание, соревнование». «Гордость, чувство собственного достоинства» – так определяет «яхь» А. Исмаилов [3, с. 437]. Смысловая наполненность этого важного для чеченского мировидения концепта гораздо шире и не может уместиться в рамках статьи чеченского-русского словаря. Об этой морально-этической категории можно составить целый научный трактат. Яхь – это гордость, но не любая, а «вызывающая стремление превзойти других в добрых делах и дающая силы восхищаться теми, кто превзошел тебя самого, признать это и поздравить его» [1, с. 30]. То есть лакунарным для русского языка на фоне чеченского будет следующее определение лексемы «яхь», более адаптированное к реально заложенной в этот концепт семе: «соревнование в достойных, благородных делах, одно из ведущих качеств къонаха».

XII группа «Религия» также многочисленна, включает 31лакуну, которые в основном мотивированы отсутствием исламских традиций в русской культуре. К примеру, предрассветная пора, когда мусульмане встают, чтобы поесть перед началом уразы– 1уыйкъе.

XIII тематическая подборка «Единицы измерения» состоит всего из шести лакун, они представляют собой старинные меры веса или длины. Например, старинная чеченская мера сыпучих тел, равная приблизительно 12 кг –гирда(мотивированная); торговая мера зерна, равная 8 пригоршням – сахь; сахь даккхар (рел.) – пожертвование зерном (мотивированная).

Группа XIV «Национальная одежда» представляет по большей части мотивированные лакуны, так как безэквивалентные чеченские единицы, обозначающие и характеризующие национальный костюм, являются этнографизмами: национальное платье горянок – гIабали; украшение на кавказском поясе в виде буквы «г»– сетал и др. – всего 13 лакун.

4 видовые лакуны образуют XV тематическую группу «Время»: например, ранним вечером – жерахь.

XVI тематическая подборка «Родство» в основном дифференцирует родственников по линии отца и матери, о чем было сказано выше, и включает 23 единицы. Но также включает мотивированную лакуну «каждая из жен по отношению друг к другу при двоеженстве или многоженстве» – эмгар.

В XVII группе «Музыка» обнаружено всего две эндемичные единицы: 1. дечиг-пондар. По словарю Мациева, это балалайка. На самом деле – это не совсем балалайка, но тоже струнный национальный музыкальный инструмент, несколько отличающийся от балалайки и по форме, и по звучанию. О том, что балалайка не является эквивалентом дечиг-пондару, свидетельствует и тот факт, что ни один переводчик не заменяет слово «дечиг-пондар» на «балалайку» именно в силу того, что это разные музыкальные инструменты, имеющие национальную специфику;

2. илли – эпическая песня, то есть национально обусловленный жанр музыки.

Обе лакуны являются мотивированными.

Илли – это народные песни чеченцев, родники их истории и культуры. В них воспеваются мирный труд и боевая доблесть.

Орлы родятся в горах –

В полете неутомимы!

Родина храбрых – в Черных горах –
Всадники наши неутомимы!

Тучи на кручах лежат, черны,
Выше их белый снег!..
Девушки наши, как день, нежны,
Белы, как белый снег!..

Просторен неба свод голубой
Над зеленой долиной гор!..
И с солнцем равняется головой
Каждый всадник гор!

Пасет баранту на лугах в горах:
Зеленых, мирных, цветущих –
Пашет кремнистое поле в горах,
Затерянное в тучах...

Нянчит пчел на зеленых лугах
И собирает мед,
Мирным трудом звенит в горах,
Пашет, сеет, поет...

Но если враги ястребами из туч
Упадут на луга этих гор,
На встречу орлами с гранитных туч
Ринутся дети гор.

Приведенный илли состоит из 6 строф, первые 5 воспевают мирный труд вайнахов, красоту родного края: гор, неба, зеленых пастбищ, белолицых красавиц... И лишь последняя строфа передает воинский дух горцев. В фольклоре наиболее правдиво изображается народный характер. И мы видим из этой народной песни, что чеченцы – народ трудолюбивый, мирный, который берется за оружие лишь тогда, когда это необходимо, чтобы защитить свою землю.

Это же подтверждает проведенная нами тематическая градация русских лакун на фоне чеченского языка. Она наглядно демонстрирует, что одна из самых малочисленных тематических групп связана с военным делом, а наиболее многочисленные – с трудом, орудиями труда, человеком, бытом, домом, национальной одеждой, обычаями, религией, национальной кулинарией, то есть мирной, созидательной, одухотворенной трудом и верой жизнью, которая и есть идеальная экзистенция в сознании чеченца.

XVIII группа «Преступление» также состоит из двух лакун – мелкая кража – курх и занятие мелкими кражами – курхалла.

В XIX группе «Игра» 11 лакун, большинство связано с детской игрой в альчик и обозначением различных положений альчика в ходе игры: положение альчика хребтиком вверх – х1ур; положение альчика хребтиком вниз – чийк и др.

В XX группе «Филология» выявлено 2 лакуны: немотивированная – отглагольное существительное – масдар и мотивированная –1) диакритический знак в арабском письме–хъаьрк.

Выявленные нами лакуны русского языка на фоне чеченского не являют собой законченный список. В чеченском языке можно обнаружить и другие безэквивалентные единицы. Мы провели исследование на материале самого популярного переводческого чеченско-русского словаря, составленного А.Г. Мациевым. Однако даже беглый взгляд на словарные статьи другого лексического источника – «Дош» А. Исмаилова – позволяет сделать вывод о неполном перечне лакун. Например, у А. Исмаилова встречаются такие концепты, как «вайнах»– наши

люди, народы, говорящие на нахских языках; «жюьпада» – самый мудрый, эрудированный богослов, имевший право отвечать на вопросы верующих; «зудайоссор» – умыкание девушки и препровождение ее на время в дом к каким-либо родственникам жениха, пока не будут уложены формальности; «кхохко» – вызвать краску на лице, заставить покраснеть; «невцалгIавахар» – первое посещение зятем дома жены; «цайошана» – компенсация за пренебрежение и развод без существенной причины; «чоингIап» – патронташ черкески; «эмгаралла» – соперничество и неприязнь жен единого мужа по отношению друг к другу и др., лакунарные для русского языка и весьма значимые для понимания чеченской ментальности, но отсутствующие в словаре А.Г. Мациева.

В некоторых случаях трудность в выявлении лакун на материале данного словаря была обусловлена тем, что его составитель не всегда использовал русские эквиваленты, а приводил толкование слов. Однако проведенная нами проверка по толковым словарям русского языка В. Даля, С. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой и др. показала наличие эквивалентных лексем к ряду слов чеченского языка, значение которых дано А.Г. Мациевым описательно. Это позволило исключить их из разряда лакун. Например, чеченскому «улх» (пучок расчесанной шерсти для прядения) соответствует русское «кудель»; чеченскому «баьлча» (рукоятка плуга) – русское «обжа»; «варшдети» (сплав меди с никелем) по-русски называется «мельхиором»; «гиба» (глиняный кувшин с широким горлышком) на русский язык должно быть переведено как «крынка (кринка)» и т.д.

Кроме того, в словаре порой отсутствуют конкретные ботанические наименования (видимо, в силу того, что составитель их не знал) для ряда растений, что затрудняет сделать вывод об их лакунарности: йилгIа – разновидность дерева (идет на выделывание кнутовищ); йиппар – род душистой травы; йоша – род сорной травы с сильным запахом; цIарз – особая порода дерева; шовхалди – род сорной травы и др. Как видим, названия пород деревьев или сортов трав не приведены.

Безусловно, в рамках данной статьи невозможно дать развернутый анализ безэквивалентных единиц чеченского языка, являющихся лакунами для языка русского. Однако выявление мотивированных и немотивированных лакун и в целом аналитическое заполнение чеченской концептосферы позволяет более полно, детально и объективно на данных сравниваемых языков сформировать представление о своеобразии чеченского макро- и микрокосма. По мнению Г. Гачева, «каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык... – ибо они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли» [2, с. 32]. «Тенденция к единой стилистике быта, коммуникативного поведения, мировосприятия, культурных артефактов все больше стирает различия между этносами. Но тем не менее следует признать наличие в этнической субстанции каждого народа «стабильного ядра», «нерастворяющейся гранулы», которая обеспечивает жизнеспособность каждой этнической группе», – развивает эту мысль д.ф.н. З. Кучукова [4, с. 5]. Таким образом, определение специфики национальной концептосферы позволяет выйти за рамки сугубо лингвистического исследования и во многом служит средством культурологической идентификации того или иного этноса.

Литература:

1. Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. – Грозный: ГУП «Грозненский рабочий» - 206 с.
2. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М., 2003.
3. Исмаилов А.Т. Слово (Размышления о чеченском языке). – Элиста: АПП «Джангар», 2005. – 928 с.
4. Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик, 2005. – 312 с.
5. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону, 1998.
6. Чеченско-русский словарь. Составитель А.Г. Мациев. – Грозный, 2010. – 655 с.

7. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 314 с.

УДК: 81.373.422

НОХЧИЙН МЕТТАН АНТОНИМАШ. АНТОНИМАШ-ПРИЧАСТЕШ

А.Д. Вагапов, Р.С. Ильясова

Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются пути образования антонимов в чеченском литературном языке. Наряду с другими частями речи, особое внимание уделяется образованию антонимов-причастий, так как до сих пор этот вопрос не рассматривался.

Ключевые слова: антонимы чеченского языка, антонимические противопоставления, лексика, словообразование частей речи, причастия, чеченский язык.

THE ANTONYMS AND ANTONYMS-PARTICIPLES OF CHECHEN LANGUAGE

A.Zh. Vagapov, R.S. Ilyasova

Chechen State University, Grozny

Annotation. In this article are considered the ways of forming antonyms in Chechen literature language. The special attention is given to the forming of antonyms- participles so as the Chechen linguists haven't taken them for investigation up to these days.

Key words: antonyms of Chechen languages, antonyms-oppositions, lexica, word-building of speech parts, participles, Chechen language.

Тийначохъ топ чIогIа йблu, буйса Iаьржа мел хили а, седарчий кьегана хуьлу, Гулливер буйдолашна юккьехъ онда нарт-аьрстхо хета, ткъа шел баккхийчарна юккье нисвелча, и ша а карликаx тарло. Духь-дуьхьал хIиттийна хIумнаш я хиламаш кхетамо дика дIалоцу, дагахъ дика а лаятта. И хьал дойза яздархошна, музыканташна, кхиболчу авторшна а, цара пайда а оьцу цунах шайн говзаршкахъ. Иштта хилар хууш хилла шира заманахъ дуьйна халкъана а. Цунна тоьшалла ду къоман кицанаш, масала,

борз елахъ катоха, борз яцахъ сатоха,

дешар серло, цадешар – бода,

хьалха хьажий бен ког ма баккха, тIехьа хьажий бен дош ма ала,

аьхка Иллинарг, Iай идда, аьхка – мало, Iай – хало,

муш беха дика бу, дош доца дика ду,

доттагI шираниг тоьлу, кетар керланиг тоьлу,

воьдуш йинарг чот яц, вогIуш йинарг бен,

Iуьйрана даьккхана лерг суьйрана тIедер долу вир,

Iуьйре цIийелча, кхоллар кечье, суьйре цIийелча, кхоллар кечде (Iуьйре цIийялар – догIа догIург хиларан билгало ю, суьйре цIийялар – кханалера де хаза хиларан билгало ю, цундела кха тIе я урд аха вагIа кечвала веза бохург ду и) [7], [8], [9], [10].

Оцу кицанашкахъ духь-дуьхьал хIитадо дешнаш елахъ – яцахъ, дешар – цадешар, серло – бода, хьалхā – тIехьā, аьхка – Iай, деха – доца, шираниг – керланиг, воьдуш – вогIуш, Iуьйре – суьйре. Цундела царах дешнаш антонимаш хуьлу, цара къамелана ойла тIекIирйарал сов, цуьнан куц хаздо. Къамелан дакъойн агIор вай ладоьгIча, вайна го кхузахъ цIердешнаш-антонимаш (дешар – цадешар, серло – бода,

Луьйре – суьйре), билгалдешнаш-антонимаш (*деха – доца, шираниг – керланиг*), хандешнаш-антонимаш (*елахь – яцахь*), куцдешнаш-антонимаш (*хьалхӕ – тӕхьӕ, аьхка – Iай, Луьйрана – суьйрана*), деепричастеш-антонимаш (*воьдуш – воьлуш*) хилар. Кху меттехь вайна дагадан тарло хаттарш, ваннах, муьлха къамелан дакъошкахь хуьлу теша антонимаш, муьлхачу къамелан дакъошкахь ца хуьлу теша? Я муьлха къамелан дакъошкахь алсам хуьлу антонимаш, муьлха къамелан дакъошкахь кӕзга хуьлу? Муха кхоллало антонимаш дошкхолларан гӕирсе дилча? Оцу хаттаршна, тхуна хетарехь, нохчийн меттаИлманехь кхоччуш жопделла дац [5], [11].

Антонимаш, хууш ма-хиллара, хийцалушйолу билгало шайца йолчу дешнашкахь хуьлу. Ткъа билгало гойту къамелан дакъа **билгалдешнаш** ду, делахь хӕта антонимаш уггар хьалха **билгадешнаш** юккӕехь нислуш ю, масала: *жима – воккха, лекха – лоха, шуьйра – готта, деха – доца, тиша – цӕена, боьха – цӕена, шира – керла, къона – къена, хьарам – хьанал*. Ткъа антонимаш йоцуш билгалдешнаш хуьлу я ца хуьлу? Хуьлу. Масала, коьрта беснаш гойтучу билгалдешнийн антонимаш ца хуьлу, *цӕен, можа, баьццара, сийна (синий), боьмаша, Iбжа* бохучу дешнашна дуюьхьал маьIна долу дешнаш дац. Бакъду царах антонимаш кхоллалур ю, нагахь санна *сирла – таьIана* боху антонимашца царах чолхе дешнаш дахь: *сирла-цӕен – таьIана-цӕен, сирла-можа – таьIана-можа, сирла-баьццара – таьIана-баьццара, сирла-сийна – таьIана-сийна, сирла-боьмаша – таьIана-боьмаша, сирла-Iбжа – таьIана-Iбжа*.

Цердешнийн антонимаш

Билгалдешнаш дӕадаьлча, кхидолчу къамелан дакъошкахь антонимаш хила йиш ю, цаьргяхь билгало йолчулла барамехь. Ишта *стигал – латта* ши дош антонимаш лору, хӕунда аьлча цаьрца локхаллин билгало йолу дела. Бараман, хенан, физически, хьолан иштга дӕа кхин а билгало цердешнашца яцахь, цара антонимаш ца кхуллу, масала, *гант, урс, цӕа, кема, хи, буц, поппар* бохучу дешнийн антонимаш ца хуьлу.

Цердешнийн антонимаш дукха хьолахь билгалдешнех хиллачу цердешнашлахь кхоллало, масала:

шуьйра – готта > шоралла – готталла
хаза – ирча > хазалла – эрчалла // эрчо
дика – вон > дикалла – волла
мерза – къаьхьа > марзо – къахьо
къиза – къинхетаме > къизалла – къинхетам

Я ца- дешхьалхенца кхоллало:

дешар – цадешар, дезар – цадезар, эшар – цаэшар, безам – цабезам, там – цатам.

Хандешнийн антонимаш

Дукхахйолу хандешнийн антонимаш дуюьхь-дуюьхьайолчу дешхьалхенийн гӕонца кхоллало, масала:

дӕа – сьха > дӕаверза – сьхаверза, дӕахьажа – сьхажьаж
дехьа – сехьа > дехьавала – сехьавала, дехьаэккха – сехьаэккха

Цьхаорамбоцчу хандешнашлахь антонимаш кӕзга хуьлу:

Вижа – гӕатта, набкхета – самавала, вагӕа – ван, вала – виса.

Куцдешнаш-антонимаш кхоллаялар

1. *лакха – лаха > лакхахь – лахахь > лакхахьа – лахахьа > лакхахьахула – лахахьахула;*

2. *лакха – лаха > лакхе – лахе > лакхенехь – лахенехь, лакхенца – лахенца;*

3. *лакхе – лахе > лакхенашка – лахенашка > лакхенашкара – лахенашкара, лакхенашкахь – лахенашкахь > лакхенашкахьа – лахенашкахьа > лакхенашкахула – лахенашкахула, лакхенашкахьара – лахенашкахьара*.

ДештГаьхьенаш-антонимаш кхоллаялар

mle – *кIел* > *mIepa* – *кIелара*, *mIexь* – *кIелахь*, *mIexула* – *кIелахула*
чу – *ара* > *чохь* – *арахь*, *чохьха* – *арахьха*, *чухула* – *арахула*, *чуьра* – *арара*
 (цIенна) *хьалха* – *mIexьа* > *хьалхара* – *mIexьара*, *хьалхахула* – *mIexьахула*,
хьалхахь – *mIexьахь*

Ардамдешнаш-антонимаш (причастеш-антонимаш) кхоллаялар

Ардамдешнаш-антонимаш кхоллаялар къаьстгана даьржана ду нохчийн маттахь [3], амма дукха хьолахь Илманхоша шайн белхашкахь уьш хьахош а яц [5], [11], Алироев Ибрахиман, Овхадов Мусан болх ца лерича [3]. Цундела царна тIе тидам кхузахь алссам бохуйтур бу вай. «Ала» хандош схьа а эчна, цунах хила тарлуш йолу массо а причастеш кхолла хьовсур ду вай.

олу дош – *цаолу дош* «слово, которое произносят – слово, которое не произносят»

аьлла дош – *цааьлла дош* «произнесенное слово – произнесенное слово»

аьндолу дош – *цааьндолу дош* «слово, которое скажут или произнесут – слово, которое не скажут или не произнесут»

Лааме причастеш:

олург – *цаолург* «слово, которое произносят – слово, которое не произносят»

аьларг – *цааьларг* «произнесенное слово – произнесенное слово»

аьндерг – *цааьндерг* «то, что скажут – то, что не скажут»

догу дечиг – *цадогу дечиг* «горящие дрова – негорящие дрова // негорящие дрова»
даьгна дечиг – *цадаьгна дечиг* «горящие дрова – негорящие дрова // негорящие дрова»

догундолу дечиг – *цадогундолу дечиг* «дрова, которые будут гореть – дрова, которые не будут гореть» = *догурдоцу дечиг*

Орам шалхабаларца кхоллалу ардамдешнаш

дог-догу дечиг – *цадог-догу дечиг*,

даьг-даьгна дечиг – *цадаьг-даьгна дечиг*

догун дол-долу дечиг – *догун доц-доцу дечиг* // *догур доц-доцу*

дог-догург – *цадог-догург*,

даьг-даьгнарг – *цадаьг-даьгнарг*

догун ден-дерг // *догур дер-дерг* – *цадогун ден-дерг* // *догур доц-доцург*

Ган «видеть» дашах кхоллалун ардамдешнаш

гуо – *цагуо сурт*

гина – *цагина сурт*

гундолу – *цагундолу сурт* // *гундоцу* // *гурдоцу сурт*

-долу суф.

гушдолу – *цагушдолу сурт*

гинадолу – *цагинадолу сурт*

гундолу – *цагундолу сурт*

Лааме ардамдешнийн -рг суффиксца кхолладалар

гург – *цагург*

гинарг – *цагинарг*

гундерг – *цагундерг*

лааме ардамдешних *ца-* префиксца антонимаш кхоллаялар

гушдерг – *цагушдерг*

гинадерг – *цагинадерг*

гундерг – *цагундерг*,

Лааме ардамдешнех -дерг – -доцург суффиксоидца антонимаш кхоллаялар
 гушдерг – гушдоцург
 гинадерг – гиндоцург
 гундерг – гундоцург // гурдоцург,

Ардамдешнийн редупликаци хиларца
 го-гуо стаг – цаго-гуо стаг,
 гин-гина стаг – цагин-гина стаг
 гун вол-волу стаг – цагун вол-волу стаг // гун воц-воцу стаг // гур воц-воцу

гур-гург – цагур-гург,
 гин-гинарг – цагин-гинарг
 гун дер-дерг // гур дер-дерг – цагун дер-дерг // гур доц-доцург

дешдолу – динадолу – дендолу дезар)
 ца- ... -долу
 цадешдолу – цадинадолу – цадендолу дезар)

дешдерг – дешдоцург
 динадерг – динадоцург
 дендерг – дендоцург

дешдерг – цадешдерг
 динадерг – цадинадерг
 дендерг – цадендерг

Цердешнех -долу – -доцу суффиксоидийн гЮьнца:

дедолу – дедоцу
 садолу – садоцу
 бакъойолу – бакъойоцу
 имандолу – имандоцу
 хьекъалдолу – хьекъалдоцу

Билгалдешнех -долу – -доцу суффиксоидийн гЮьнца:

аттадолу – аттадоцу
 дикадолу – дикадоцу
 гIехъадолу – гIехъадоцу

Деепричастех -долу – -доцу суффиксоидийн гЮьнца:

гушдолу – гушдоцу
 лушдолу – лушдоцу
 вехаиволу – вехаивоцу
 дозушдолу – дозушдоцу
 кхеташдолу – кхеташдоцу

Оцу кеппара вайна го, нохчийн маттахь причастеш кхоллаяларан кепаш Iаламат дукха хилар а, дацаран ца- префиксаца а, долу – доцу, дерг – доцург бохучу суффиксоидашца а нохчийн литератури маттахь бIеннашкахь антонимаш кхоллаялар а.

Литература:

1. *Абдулазимова Т.Х.* Семантико-стилистические отношения в системе синонимов чеченского языка // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки.* № 2-2010. – С. 51-54.
2. *Алироев И.Ю., Овхадов М.Р.* Кхечу метганашкара тIеэчна дешнаш. Грозный, 1978.
3. *Вагапов А.Д.* Миллион слов чеченского литературного языка. – Вестник АН ЧР, № 1.

- Грозный, 2007. – С. 224-232.
4. Грамматика чеченского языка / Халидов А.И. (Автор проекта и научн. редактор). Т. I. – Грозный, 2013.
 5. Джамалханов З., Мачигов Б.Д. Нохчийн мотт. Грозный, 1972.
 6. Зубайраева М.У. Интенсивность выражения качественного признака в английском и чеченском языках. – Монография, Грозный, 2013. – 141 с.
 7. Ильясова Р.С. Лексико-семантические функции антонимов в чеченском и русском языках. // Материалы V ежегодной итоговой конференции профессорско-преподавательского состава ЧГУ. – Грозный, 25 февраля 2016.
 8. Ильясова Р.С. Однокорневые (или словообразовательные) антонимы в чеченском и русском языках. Рефлексия, №3, – Назрань, 2015. – С.60
 9. Ильясова Р.С. Антонимические отношения знаменательных частей речи в чеченском и русском языках. Вестник Чеченского государственного университета, №4 (20), – Грозный, 2015. – С.156
 10. Ильясова Р.С. Антонимические отношения в чеченском и русском языках. Учебное пособие. Грозный, 2015. – 102 с.
 11. Тимаев А.Д. Хинцалера нохчийн мотт. Грозный, 2007.

УДК 81' 34: 811. 35

ОСОБЕННОСТИ ЛАБИАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В ЧЕЧЕНСКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

С-Х.С.-Э. Ирезиев,

Чеченский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лабиализации гласных $V_{1-го}$ под влиянием гласных $V_{2-го}$ при образовании временных форм в чеченском, ингушском языках опираясь на работы известных исследователей фонетического строя нахских языков и диалектов чеченского языка – Ю.Д. Дешериева, Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаева, А.Г. Магомедова и др.

Ключевые слова: чеченский язык, ингушский язык, дифтонг, краткий гласный, долгий гласный, глагол.

FEATURES LABIALIZATION VOWELS IN THE FORMATION OF TENSES IN THE CHECHEN AND INGUSH LANGUAGES

S-X.S-E. Ireziev

Chechen State University in Grozny

Annotation. The article discusses the features of the V_1 labialization vowel - vowel under the influence of V_2 -th in the formation of tenses in the Chechen, Ingush languages based on the work of well-known researchers phonetic system Nakh languages mand dialects of the Chechen language - YD Desherie Islands, DS Imnayshvili, AD Timaeva, AG Magomedov et al.

Key words: language Chechen, Ingush language diphthong, short vowel, long vowel, a verb.

Процесс лабиализации (наряду с палатализацией) является одним из наиболее распространенных видов регрессивно-дистанционной ассимиляции в нахских языках и диалектах чеченского языка. В чеченском и ингушском языках лабиализация гласных в структуре глагольных основ представлена только при образовании первой группы времен. Очевидно, что, в отличие от лабиализации, процесс палатализации гласных имеет место при образовании, как первой, так и второй группы времен. Данное положение связано с тем, что гласные $V_{1-го}$ подвергаются лабиализации только под влиянием -у последующего слога ($V_{2-го}$), т.е. при образовании второй группы времен в $V_{2-ом}$ -у или -о не выступают ни в чеченском, ни в ингушском языках, а также диалектах чеченского языка. Лабиализация первичных гласных при образовании первой группы

времен в чеченском языке, в отличие от ингушского языка и диалектов чеченского языка, получила широкое развитие.

В плоскостном диалекте чеченского языка при образовании временных форм из первичных гласных предшествующего слога ($V_{1-го}$) *a, â, ā, u, ū, y, ŷ, ue, uē, yo, yō* под действием гласных последующего слога ($V_{2-го}$) лабиализации подвергаются *a, â, ā, u, ū, ue, uē*. В результате лабиализации при образовании первой группы времен указанные гласные $V_{1-го}$ изменяются следующим образом: *a→o, â→oa, ā→ō, u→uь, ū→ŷь, ue→uоь, uē→uōь*. [4, 10, 11].

Ингушский язык в этом отношении, в отличие от плоскостного диалекта чеченского языка, является непродуктивным, так как при образовании первой группы времен из первичных гласных первого слога под влиянием гласных последующего слога лабиализации подвергаются только лишь *a→o, ā→oa*. Более того, первичные дифтонги *ue, uē* не подвергаются процессу лабиализации.

Лабиализация краткого гласного а

В чеченском, ингушском языках при образовании первой группы времен краткий *a* ($V_{1-го}$) лабиализуется, если в последующем слоге (в $V_{2-ом}$) выступает *-y* и закономерно дает краткий *o* (*a→o*), как и в остальных случаях, в ингушском языке в форме настоящего времени выпадает конечный аффиксальный гласный:

чеч. яз.	ИНГ.ЯЗ.
инф. <i>дада^h</i> «побежать»	<i>дада</i>
наст. вр. <i>доду←дад-у</i>	<i>дод←дод-а←дад-у</i>
прош. нес. вр. <i>додура←дад-у-ра</i>	<i>додар←дад-у-р</i>
прич. н. вр. <i>доду^h←дад-у^h</i>	<i>дода←дад-у</i>
деепр. н. вр. <i>додуш←дад-у-ш</i>	<i>додаш←дад-у-ш</i>
инф. <i>датта^h</i> «спечь, печь»	<i>датта</i>
н. вр. <i>дотту←датт-у</i>	<i>дотт←дотт-а←датт-у</i>
прош. несов. <i>доттура←датт-у-ра</i>	<i>доттар←датт-у-р</i>
прич. н.вр. <i>дотту^h←датт-у^h</i>	<i>дотта←датт-у</i>
деепр. н.вр. <i>доттуш←датт-у-ш</i>	<i>дотташ←датт-у-ш</i>

В чеберлойском диалекте сохранились исходные формы:

инф. <i>дада^h</i> «побежать»	<i>мала^h</i> «пить» <i>датта^h</i> «спечь, печь»
н. вр. <i>даду←дад-у</i>	<i>малу←мал-у датту←датт-у</i>

Срав. в бацбийском языке: наст. вр. *малъо, лахо, тасо, хъачIо*.

Лабиализация полудолгого гласного â

При образовании первой группы времен полудолгий первичный *â* первого слога ($V_{1-го}$) лабиализуется и переходит в дифтонг *oa*, если в последующем слоге (в $V_{2-ом}$) выступает *-y* как в чеченском, так и в ингушском языках.

чеч. яз	ИНГ. ЯЗ
инф. <i>даста^h</i> «развязать»	<i>даста</i>
наст. вр. <i>доасту←даст-у</i>	<i>доаст←доаст-а←даст-у</i>
прош. несов. <i>доастура←даст-у-ра</i>	<i>доастар←даст-у-р</i>
прич. н. вр. <i>доасту^h←даст-у^h</i>	<i>доаста←даст-у</i>
деепр. н. вр. <i>доастуш←даст-у-ш</i>	<i>доасташ←даст-у-ш</i>

инф. <i>хахка^h</i> «скакать»	<i>хахка</i>
наст. вр. <i>хоахку←хахк-у</i>	<i>хоахк←хоахк-а←хахк-у</i>
прош. несов. вр. <i>хоахкура←хахка^h</i>	<i>хоахкар←хахк-у-р</i>
прич. н. вр. <i>хоахку^h←хахк-у^h</i>	<i>хоахка←хахк-у</i>
деепр. н. вр. <i>хоахкуш←хахк-у-ш</i>	<i>хоахкаш←хахк-у-ш</i>

Более детально следует рассмотреть дифтонг *oa* в связи с тем, что некоторые исследователи нахских языков не признают наличие дифтонга *oa* в плоскостном

диалекте чеченского языка.

Профессор Ю.Д. Дешериев пишет: «Дифтонг *oa* имеется только в ингушском» [3].

А.Г. Магомедов в своей работе «Система гласных чечено-ингушского языка» пишет: «В ингушском языке представлен дифтонг *oa*, отсутствующий в чеченском языке» [5]. Того же мнения придерживается А.Г. Магомедов и в своей последней работе по фонетике чеченского языка «Очерки фонетики чеченского языка», при этом отмечая, что «в ингушском и в ряде горных диалектов представлен дифтонг *oa*, которому в чеченском плоскостном диалекте и чеченском литературном языке регулярно соответствует долгий *ō*» [6].

Наличие дифтонга *oa* в системе вторичных гласных в чеченском языке, по нашим наблюдениям, не вызывает сомнения.

А.Д. Тимаев справедливо отмечает, что дифтонг *oa* в чеченском языке встречается только в положении закрытого слога и фонетически противопоставляется краткому *o*, срав.: *доккха* «большой», *доаккха* «отнимаю» ← *дāккх-у* [11].

Во всех случаях, когда полудолгий *ā* в положении закрытого слога в результате лабиализации переходит в дифтонг *oa*, при палатализации полудолгий *ā* дает *av*. Срав.:

инф. <i>xārcu^h</i> «повернуть»	<i>lālla^h</i> «погнать»
наст. вр. <i>хоарц-у←xārcu-у</i>	<i>лоалл-у←lāll-у</i>
т. ч. прош. вр. <i>хаьрц-и^h←xārcu-и^h</i>	<i>лаьлл-и^h←lāll-и^h</i>

Таким образом, рассматриваемый дифтонг результат лабиализации первичного полудолгого *ā* V_{1-го} под влиянием гласного последующего слога у V_{2-го}.

Лабиализация долгого гласного *ā*

В чеченском языке первичный долгий *ā* первого слога (V_{1-го}) лабиализуется и закономерно переходит в долгий *ō* при образовании первой группы времен, когда в V_{2-ом} выступает *y*, а в ингушском языке, в отличие от чеченского языка, первичный долгий *ā* первого слога (V_{1-го}) в результате лабиализации закономерно переходит в дифтонг *oa*. Более того, конечный аффиксальный гласный в форме настоящего времени выпадает, и слог закрывается, в результате чего дифтонг *oa* частично теряет долготу:

чеч. яз	инг. яз
инф. <i>кxāча^h</i> «прибыть, прибывать»	<i>кxāча</i>
наст. вр. <i>кxōчу←кxāч-у</i>	<i>кxоач←кxоач-а←кxāч-у</i>
прош. несом. вр. <i>кxōчу-ра←кxāч-у-ра</i>	<i>кxоачар←кxāч-у-р</i>
прич. н. вр. <i>кxōчу^h←кxāч-у^h</i>	<i>кxоача←кxāч-у^h</i>
деепр. н. вр. <i>кxōчуш←кxāч-у-ш</i>	<i>кxоачаш←кxāч-у-ш</i>
инф. <i>ъāха^h</i> «пахать»	<i>ъāха</i>
наст. вр. <i>ъōху←ъāх-у</i>	<i>ъоах←ъоаха←ъāх-у</i>
прош. несом. вр. <i>ъōхура←ъāх-у-ра</i>	<i>ъоахар←ъāх-у-р</i>
прич. н. вр. <i>ъōху^h←ъāх-у^h</i>	<i>ъоаха←ъāх-у</i>
деепр. н. вр. <i>ъōхуш←ъāх-у-ш</i>	<i>ъоахаш←ъāх-у-ш</i>
инф. <i>дāла^h</i> «кончить»	<i>дāла</i>
наст. вр. <i>дōлу←дāл-у</i>	<i>доал←доала←дāл-у</i>
прош. несом. вр. <i>дōлура←дāл-у-ра</i>	<i>доалар←дāл-у-р</i>
прич. н. вр. <i>дōлу^h←дāл-у^h</i>	<i>доала←дāл-у</i>
деепр. н.вр. <i>дōлуш←дāл-у-ш</i>	<i>доалаш←дāл-у-ш</i>

В шатойском говоре горского диалекта чеченского языка, как отмечает профессор А.Д. Тимаев [Тимаев 2009:36-37], первичные *a*, *ā* V_{1-го} лабиализуются при образовании причастия и деепричастия настоящего времени, это свидетельствует о том, что гласный у V_{2-го} в закрытом слоге более устойчив:

инф. <i>такха^h</i> «возместить»	<i>ъāха^h</i>
наст. вр. <i>такх-а←такх-у</i>	<i>ъāх-а←ъāх-у</i>

прич. н. вр. *токx-a^h←такx-y^h* *ъōx-a^h←ъāx-y^h*
 деепр. н. вр. *токx-a-ш←такx-y-ш* *ъōx-a-ш←ъāx-y-ш*

Лабиялизация краткого гласного и

При образовании первой группы времен от глаголов с корневым **и** между чеченским и ингушским языками наблюдаются существенные различия. Если в последующем слогe (в V_{2-ом}) при образовании первой группы времен выступает **-y**, то в плосконом диалекте чеченского языка **и** предшествующего слога (V_{1-го}) лабиализуется и закономерно переходит в **уь**. В соответствующих формах в ингушском языке, при образовании первой группы времен **и** V_{1-го} переходит в **y**, т. е. сначала имела место лабиализация гласного **и**, как и в чеченском языке, а затем произошла депалатализация лабиализованного гласного **уь**, отсутствующего в ингушском языке. Примеры:

чеч. яз	инг. яз
и→уь	и→уь→y
инф. <i>дита^h</i> «оставить»	<i>дэта←дита</i>
наст. вр. <i>дутьту←дит-у</i>	<i>дут←дутьта←дит-у</i>
прош. нес. <i>дутьтура←дит-у-ра</i>	<i>дутар←дутьтар←дит-у-р</i>
прич. н. вр. <i>дутьту^h←дит-у^h</i>	<i>дута←дутьта←дит-у</i>
деепр. н. вр. <i>дутьтуш←дит-у-ш</i>	<i>дутаиш←дутьтаиш←дит-у-ш</i>
инф. <i>листа^h</i> «мотать»	<i>листа</i>
наст. вр. <i>лусту←лист-у</i>	<i>луст←луста←лист-у</i>
прош. нес. вр. <i>лустура←лист-у-ра</i>	<i>лустар←лустар←лист-у-р</i>
прич. н. вр. <i>лусту^h←лист-у^h</i>	<i>луста←луста←лист-у</i>
деепр. н. вр. <i>лустуш←лист-у-ш</i>	<i>лустаиш←лустаиш←лист-у-ш</i>
инф. <i>дига^h</i> «вести»	<i>дэга←дига</i>
наст. вр. <i>дугу←диг-у</i>	<i>дуг←дуга←диг-у</i>
прош. нес. вр. <i>дугура←диг-у-ра</i>	<i>дугар←дугар←диг-у-р</i>
прич. н. вр. <i>дугу^h←диг-у^h</i>	<i>дуга←дуга←диг-у</i>
деепр. н. вр. <i>дугуш←диг-у-ш</i>	<i>дугаиш←дугаиш←диг-у-ш</i>

Лабиялизация долгого гласного ӣ

В чеченском языке при образовании первой группы времен долгий **ӣ** первого слога V_{1-го} испытывает процесс лабиализации, в результате чего переходит в долгий **ӣь**, когда в последующем слогe (в V_{2-ом}) выступает **-y**. В ингушском языке чеченскому долговому **ӣ** в основе инфинитива соответствует **yw**, который остается неизменным при образовании первой группы времен:

чеч. яз	инг. яз
ӣ→ӣь	yw - yw
инф. <i>к̄ӣса^h</i> «спорить»	<i>к̄ьюwса</i>
наст. вр. <i>к̄ӣьсу←к̄ӣс-у</i>	<i>к̄ьюwс</i>
прош. нес. вр. <i>к̄ӣьсура←к̄ӣс-у-ра</i>	<i>к̄ьюwсар</i>
прич. н. вр. <i>к̄ӣьсу^h←к̄ӣс-у^h</i>	<i>к̄ьюwса</i>
деепр. н. вр. <i>к̄ӣьсуш←к̄ӣс-у-ш</i>	<i>к̄ьюwсаиш</i>
инф. <i>х̄ӣца^h</i> «менять»	<i>хуwца</i>
наст. вр. <i>х̄ӣьцу←х̄ӣц-у</i>	<i>хуwц</i>
прош. нес. вр. <i>х̄ӣьцура←х̄ӣц-у-ра</i>	<i>хуwцар</i>
прич. н. вр. <i>х̄ӣьцу^h←х̄ӣц-у^h</i>	<i>хуwца</i>
деепр. н. вр. <i>х̄ӣьцуш←х̄ӣц-у-ш</i>	<i>хуwцаиш</i>
инф. <i>д̄ӣца^h</i> «рассказать»	<i>дуwца</i>

наст. вр. <i>дўьцу←дйца^н</i>	<i>дуьц</i>
прош. несов. вр. <i>дўьцура←дйц-у-ра</i>	<i>дуьцар</i>
прич. н. вр. <i>дўьцу^н←дйц-у^н</i>	<i>дуьца</i>
деепр. н. вр. <i>дўьцуш←дйц-у-ш</i>	<i>дуьцаш</i>

В шатойском говоре, отмечает А.Д. Тимаев [12], первичные гласные **и, ъ** V_{1-го} лабиализуются под влиянием **-у** V_{2-го} только при образовании причастия и деепричастия настоящего времени:

инф. <i>дига^н</i> «вести»	<i>дйца^н</i> «рассказать»
наст. вр. <i>диг-а←диг-у</i>	<i>дйц-а←дйца^н</i>
прич. н. вр. <i>дуйга^н←диг-у^н</i>	<i>дўьц-а^н←дйц-у^н</i>
деепр. н. вр. <i>дуйг-а-ш←диг-у-ш</i>	<i>дўьц-а-ш←дйц-у-ш</i>

В чеберлойском диалекте чеченского языка сохранились исходные формы:

инф. <i>дига^н</i> «вести»	<i>дйца^н</i> «рассказать»
наст. вр. <i>диг-у←диг-у</i>	<i>дйц-у←дйц-у</i>
прич. н. вр. <i>диг-у^н←диг-у^н</i>	<i>дйц-у^н←дйц-у^н</i>
деепр. н. вр. <i>диг-у-ш←диг-у-ш</i>	<i>дйц-у-ш←дйц-у-ш</i>

Лабиализация дифтонгов **ие, иѐ**

В чеченском языке при образовании первой группы времен краткий дифтонг **ие** первого слога (V_{1-го}) лабиализуется и закономерно переходит в **уоь**, если в V_{2-ом} выступает **у**, а в ингушском языке в аналогичных случаях дифтонг **ие** V_{1-го} не подвергается лабиализации и, как обычно, в форме настоящего времени конечный аффиксальный гласный выпадает:

чеч. яз	ИНГ. ЯЗ
<i>ие→уоь</i>	<i>ие-ие</i>
инф. <i>лиехка^н</i> «гнать»	<i>лиехка</i>
наст. вр. <i>луоьхку←лиехк-у</i>	<i>лиехк←лиехк-у</i>
прош. несом. <i>луоьхкура←лиехк-у-ра</i>	<i>лиехкар←лиехк-у-р</i>
прич. н. вр. <i>луоьхку^н←лиехк-у^н</i>	<i>лиехка←лиехк-у</i>
деепр. н. вр. <i>луоьхкуш←лиехк-у-ш</i>	<i>лиехкаш←лиехк-у-ш</i>

инф. <i>тиетта^н</i> «толкать»	<i>тиетта</i>
наст. вр. <i>туоьтту←тиетт-у</i>	<i>тиетт←тиетт-у</i>
прош. несом. <i>туоьттура←тиетт-у-ра</i>	<i>тиеттар←тиетт-у-ра</i>
прич. н. вр. <i>туоьтту^н←тиетт-у^н</i>	<i>тиетта←тиетт-у</i>
деепр. н. вр. <i>туоьттуш←тиетт-у-ш</i>	<i>тиетташ←тиетт-у-ш</i>

В чеченском языке аналогичный процесс имеет место, когда в V_{1-ом} выступает долгий дифтонг **иѐ**. Надо отметить, что в ингушском языке в форме настоящего времени в результате выпадения конечного аффиксального гласного долгий дифтонг **иѐ**, попадая в положение закрытого слога, частично теряет свою долготу:

чеч. яз.	ИНГ. ЯЗ.
инф. <i>хьиѐжа^н</i> «смотреть»	<i>хьиѐжа</i>
наст. вр. <i>хьюбьжу←хьиѐж-у</i>	<i>хьиѐж←хьиѐж-у</i>
прош. несом. <i>хьюбьжура←хьиѐж-у-ра</i>	<i>хьиѐжар←хьиѐж-у-р</i>
прич. н.вр. <i>хьюбьжу^н←хьиѐж-у^н</i>	<i>хьиѐжа←хьиѐж-у</i>
деепр. н.вр. <i>хьюбьжуш←хьиѐж-у-ш</i>	<i>хьиѐжаш←хьиѐж-у-ш</i>
инф. <i>ьиѐца^н</i> «купить, взять»	<i>ьиѐца</i>
наст. вр. <i>ьюбьцу←ьиѐц-у</i>	<i>ьиѐц←ьиѐц-у</i>
прош. несом. <i>ьюоьцура←ьиѐц-у-ра</i>	<i>ьиѐцар←ьиѐц-у-р</i>
прич. н.вр. <i>ьюбьцу^н←ьиѐц-у^н</i>	<i>ьиѐца←ьиѐц-у</i>
деепр. н. вр. <i>ьюбьцуш←ьиѐц-у-ш</i>	<i>ьиѐцаш←ьиѐц-у-ш</i>

Интересно отметить, что в аналогичной позиции дифтонги *ие, иѐ* (гласные первого слога (V_{1-го})) в аккинском диалекте чеченского языка под влиянием аффиксального *у* V_{2-го} подвергаются процессу лабиализации с сужением:

инф. *диерза*^н «вылечиться, вернуться» *хьиѐха*^н «учить, обучать»
 н. вр. *дуьрза←дирз-у←диерз-у* *хьуььха←хьйх-у←хьиѐх-у*

В шатойском говоре горского диалекта чеченского языка дифтонги *ие, иѐ* V_{1-го} лабиализуются при образовании причастия и деепричастия настоящего времени:

инф. *диерза*^н «вылечиться, вернуться» *хьиѐха*^н «учить, обучать»
 н. вр. *диерз-а←диерз-у* *хьиѐх-а←хьиѐх-у*
 прич. н.вр. *дуоьрз-а^н←диерз-у^н* *хьубььх-а^н←хьиѐх-у^н*
 дееп. н.вр. *дуоьрз-а-ш←диерз-у-ш* *хьубььх-а-ш←хьиѐх-у-ш*

Как отмечено выше, в положении закрытого слога аффиксальный гласный *у* (V_{2-го}) устойчивее.

В чеберлойском и итумкалинском диалектах, по мнению Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаева, при гласных *о, у* V_{2-го} *ие, иѐ* V_{1-го} не подвергаются изменению [4, 12].

инф. *диерза*^н «вылечиться, вернуться» *хьиѐха*^н «учить, обучать»
 наст. вр. *диерз-у←диерз-у* *хьиѐх-у←хьиѐх-у*
 прич. н.вр. *диерз-у^н←диерз-у^н* *хьиѐх-у^н←хьиѐх-у^н*
 деепр. н.вр. *диерз-у-ш←диерз-у-ш* *хьиѐх-у-ш←хьиѐх-у-ш*

Анализ практического материала позволяет отметить, что в чеченском и ингушском языках существенные расхождения встречаются при лабиализации гласных *а, â, â, и, ѝ, ие, иѐ* V_{1-го} под действием гласного *у* V_{2-го} в глаголах первой группы времен.

Литература:

1. Ахриева Р.И. и др. ХІанзара гІалГай мотт / Р.И. Ахриева, Ф.Г. Оздоева, Л.Д. Мальсагова, П.Х. Бекова. - Грозный, 1972. - 265 с.
2. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Часть I. Фонетика. Грозный, 1960. – 121 с.
3. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. – 555 с.
4. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
5. Магомедов А.Г. Система гласных чечено-ингушского языка. Грозный, 1974.
6. Магомедов А.Г. Очерки фонетики чеченского языка. Махачкала, 2005.
7. Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941. – 110 с.
8. Мадиев А.Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка. – Известия ЧИНИИЯЛ. Том VI. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1965. – С. 3-95.
9. Саламова Р.А. Нохчийн меттан фонетика. Грозный, 1992. – 315 с.
10. Тимаев А.Д. ХІинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. Грозный, 2007. – 416 с.
11. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика. Грозный, 2011. – 207 с.
12. Тимаев А.Д. Шатойский говор горского диалекта чеченского языка в сравнении с плоскостным диалектом и итумкалинским говором. Нальчик, 2009. – 257 с.

УДК 811.351.12

РАЗРЯДЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АНДАЛАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТНОШЕНИЕ К КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

М.Г. Меджидов,

Дагестанский государственный педагогический университет

***Аннотация.** В статье речь идет о категории числа имен существительных андалальского диалекта аварского языка: о том, что только конкретные имена существительные, которые подвергаются счету, имеют обе формы числа. Неисчисляемые имена существительные имеют только одну форму числа. В данном диалекте представлены также имена существительные, которые поддаются только измерению, но не счету. Это названия жидкостей, газов, металлов, разного рода материалов. Все эти формы возможны в определенных контекстуально-ситуативных условиях.*

***Ключевые слова:** Аварский язык, андалальский диалект, категория числа.*

DIGITS OF NOUNS OF THE ANDALAL, S DIALECT OF THE AVAR LANGUAGE AND THEIR ATTITUDE TOWARD THE CATEGORY OF NUMBER

M.G. Majidov,

Dagestan State Pedagogical University

***Abstract.** In the article we are talking about the category of number of nouns andalal, dialect of the Avar language: the fact that only concrete nouns, which are subject account, are both forms of a number. Uncountable nouns have only one form number. In this dialect also presents nouns that can be only measured, but not the account. These are the names of liquids, gases, metals, different kinds of materials. All these forms are possible in certain contextual and situational conditions.*

***Key words:** the Avar language, Andalal, s dialect, the category of number.*

Абсолютное большинство имён существительных андалальского диалекта аварского языка, в зависимости от их отношения к категории числа, распределяются на следующие группы: 1) нарицательные имена существительные: а) конкретные б) абсолютные), 2) вещественные, 3) собирательные. 4) имена собственные.

Обе формы числа (единственное и множественное число) образуют только конкретные имена существительные, которые подвергаются счету: *дару-дараби* «лекарство-лекарства», *рукъ-рукъзал* «дом-дома», *гамачI-ганчIал* «камень-камни», *меэр-муЪрул* «гора-горы», *шагъар-шагъарал* «город-города». Например: *АхIун йоэйтохтирвасаседарукъеде*. «Пригласили этого врача мальчику **лекарство** дать». *Гьималазедараби кьуралъаса, жендергомашина ялъаги рекIун, ад юссунйо эй рокъое*. (Имамат, 67). «После того, как дала детям **лекарства**, сев на свою машину, она вернулась домой».

В том случае, когда единственное и множественное числа имеют одно и то же лексическое значение, они образуют соотносительные формы одного и того же слова. В таком случае имеет место проявление грамматического значения числа в наиболее чистом виде. Например: *бо* «общество, толпа, отряд» - *боял* «отряды», *гьотI* «дерево» - *гьутIби* «деревья», *хIур* «пашня» - *хIурзал* «пашни», *чу* «конь» - *чуял* «кони» и т.д. Например: *Тушман аде кланцIараб кьояль кьватIебе бахъана гIандалазул бо*. «В то время, когда напал враг, на бой вышел андалальский **отряд**». *Гьезанахъго аде цванана марулазул цойгидал боялги*. «Тут как тут после них прибыли и другие аварские **отряды**».

Неисчисляемые имена существительные имеют только одну форму числа и

делятся на следующие группы: вещественные, абстрактные и существительные, обозначающие предметы, состоящие из парных частей.

Вещественные неисчисляемые имена существительные обозначают такие вещества, как: *xIан* «сыр», *нагь* «масло», *чед* «хлеб», *рахь* «молоко», *лгым* «вода», *гьоцIо* «мед», *гIеч* «яблоко», *микьир* «персик», *сали* «песок», *риди* «сыворотка», *xIур* «пыль», *xIамI* «глина», *цIоросароль* «кукуруза», *роль* «пшеница», *гьоло* «горох», *пиринчI* «рис», *нарт* «солярка», *гьава* «воздух» и т.д.

Например: *ГьоцIо адамаса цIакь даруяб нигIмат ккена*. «Мед является очень полезным продуктом для человека». *Сагьли цIунде бокьани, бацIцIадаб гьавагигьоэнаблгьимги букIде ккена*. «Чтобы сохранить здоровье, должны быть чистый **воздух** и вкусная **вода**».

Неисчисляемые абстрактные существительные, которые поддаются только воображению, в андалальском диалекте представлены такими словами, как: *гIакьло* «ум, разум», *лгьикIли* «доброта», *гIассили* «жестокость», *гIантли* «глупость», зарал «вред», *цIали* «чтение», *хьвадари* «писание», *ахIи* «зов», *ракIчIей* «уверенность», *векери* «бег», и т.д. Например: *Чижу хIваральгаса нахьэвцогьитIиндун, гIакьло мукьсанлунцинкканеланабинаан*. «Говорят, после смерти жены он стал каким-то маленьким, даже скудоумным». *ГьезамакьоцIойнарокошлигьабичIони, льебугонигзаралгьабичIого эл гIадориччайнаро*. «К ним сон не идет, если подлость не делать, они не успокаиваются, пока не нанесут кому-либо **вреда**».

В андалальском диалекте некоторое количество существительных обозначают предметы, состоящие из парных частей, например: *цIороберал* «очки», *ажу* «брюки», *щатаби* «чулки, носки», *цIадираби* «весы», *хунжал* «чересседельные парные сумки, черезплечевые парные мешочки, хурджины», *гьалдиберал* «вьючное седло для осла, мула, лошади с четырьмя прутиками по бокам, в каждом углу» и т.д. Например: *Диргоберал радегIан чIаелан нежедагиабун, ас жендергоцIороберал магIадукьалазаад рекьедаруна*. «Подождите пока я одену свои глаза мол нам сказав, он поправил свои **очки** на носу». *Хунжал гигьажалерехун, эменгьабихехунвалагьунЪвана*. «Закинув **хурджины** через плечо, отец ушел в сторону мельницы». *Гьалдибералги хIамила къан, вац, жендерговасгивачун, рохьоре цIул гьабидеЪвана*. «Навьючив осла **седлом для дров**, брат, забрав своего сына, ушли в лес подготовить дрова».

В семантике собирательных имен существительных категория числа проявляется несколько иначе, чем в именах, обозначающих единичные предметы. Лексические единицы, обозначающие имена существительные собирательного плана, могут обозначать неопределенное количество единиц как нечто целое, например: *цевехан* «передовик», *рагьухан* «воин», *хIалтIухан* «работник», *цIалдохан* «ученик», *векьарухан* «землепашец», *базарган* «работник рынка», и т.д., или может выражать целиком понятие, например: *руккел* «толпа», *бо* «отряд, войско», *гьималазул тIел* «детвора», *амагь* «листва», *гIолоханаб гIел* «молодёжь», *халкь* «народ» и т.д. Правда, в последнем случае в андалальском диалекте для обозначения целиком понятия *халкь* «народ» предпочтительнее использовать слово *халкьулгIалам* «весь народ целиком, человечество, очень большое количество людей». Собирательные имена существительные, в зависимости от выражаемой ими семантики, можно разделить на две большие группы: единицы разделительности и единицы объединительности.

У существительных первой группы преобладает семантика разделительной собирательности, когда слово распадается на отдельные единицы, составляющие данное целое. Например: «*Низамальа*» *рокьон, бобикьунбоананцIго, кликьояльаанцIго, нусго, шунусго, азарго рагьухан гьоркьовезнел тIелазе*. *Гьинжеармиялгулроцалаборцани, эл ккена: отделение, взвод, рота, батальон, полк*. «Согласно «порядку», **войско** было разделено на десять, пятьдесят, сто, пятьсот, тысячу **воинов**. Согласно подразделениям нынешней армии это соответствует: отделению, взводу, роте, батальону, полку».

Во второй группесуществительных преобладает семантика объединительности составляющих единиц в одно целое, которое мыслится как единое целое, состоящее из одинакового количества. Например: *бо*, *аскар* «общество, войско, армия, отряд», *илхьи* «табун», *рехьен* «отара», *рехьед* «стадо» и т.д. *Нильхарбиларо имам, имансизазул аскар аде щойнебо*. «Мы здесь разговоры ведем, имам, а **войско** негодяев уже наступает». *Чуязул илхьиги цебе кьотлун, циганазулгьабгоявбакьбаккулехунвалагьунЪвана*. «Прогоняя впереди себя **табун** лошадей, трое цыган направились на Восток (в сторону Востока)».

К собирательным лексическим единицам относится также слово *адамал* «люди». О том, что слово *адамал* «люди» имеет собирательное значение, свидетельствует его ограниченная сочетаемость. Данное имя существительное не сочетается с количественными числительными. В сочетании с количественными числительными употребляется только слово *чи* «человек». Например: *гьабгочи* «три человека», *гьабкьолягьабгочи* «шестьдесят три человека». Нельзя сказать *кIуго адамал* «двое людей», *гьабкьогоадамал* «шестьдесят людей», в таких случаях необходимо, как выше сказано, числительное сочетать с единицей *чи* «человек». Например: *Диргьалмагьасулбодуль гьабкьогочи воан*. «В отряде моего приятеля было **шестьдесят человек**». *Гьеберавгочиги вакларун, капитанасцо взвод гIедабуна*. «Собрав **все тридцать человек**, капитан сформировал один взвод».

Еще одной характерной особенностью собирательных имен существительных является то, что они сочетаются с собирательными именами числительными. Например: *анцIила гьабабгогIеч* «все тринадцать яблок», *гьеберальгьабабгоамагь* «все тридцать три листа», *щуябгогIуцI* «все пять камней», *анцIабгогени* «все десять груш» и т.д. Однако, единица *адамал* «люди» в андалальском диалекте не сочетается с собирательными числительными. Нельзя сказать *кIиялго гIадамал* «двое людей», хотя в русском языке слово «люди» сочетается только с собирательными числительными: «двое людей», «двух людей не хватает», «тремя людьми решили вопрос». В андалальском диалекте же в данной ситуации сочетается собирательное числительное со словом *чи* «человек». Например: *кIиявгочицадахъвегьана* «двое людей (букв. человека) пришли вместе», *гьабавгочиунтун рагIина* «все трое людей заболели». Таким образом, можно сделать вывод, что андалальская диалектная лексическая единица *чи* «человек» может называть не только конкретного человека, но и имеет собирательное значение. На наш взгляд, справедливо отметил Н.Э.Гаджихмедов: «Различие между собирательностью и множественностью глубоко диалектично, собирательность не исключает различий у единичных представителей данного целого, но фиксирует общее, имеющееся во всех единицах собирательного множества; в свою очередь, форма множественного числа возможна лишь в той мере, в какой данные единицы имеют что-то общее, но она фиксирует и различия» [2, с.30].

Собирательные имена существительные в андалальском диалекте представлены также еще одним разрядом языковых единиц, располагающих одновременно как значением объединительной собирательности, так и значением разделительной собирательности. Такое представление зависит от того, в каком контексте рассматривается данное целое: как единый коллектив или как множество индивидов, то есть решающую роль здесь играет контекст. В большинстве случаев это слова: а) заимствованные из русского языка: *комитет*, *комиссия*, *бригада*, *экипаж*; б) заимствованные из арабского языка: *аскар* «полк», *агьлу* «род», *жамагIат* «общество» и некоторые другие. Например: *Щивавнаибасулкорциаликь букIанамуЪрузулхалкьальуццо жамалат*, *цо-цомехальнаибзабулихтияразул гIорхьабицIакъго гIалгIилинаан*. «В подчинении у каждого наиба было по одному **обществу** горского народа, иногда (временами) права наибова существенно расширялись».

С грамматической категорией числа связана также категория единственности.

Семантика данной категории состоит в следующем: некоторые имена существительные употребляются только в единственном числе и не образуют соответствующих форм множественного числа.

В андалальском диалекте аварского языка представлены имена существительные, которые поддаются только измерению, но не счету. Это названия жидкостей, газов, металлов, разного рода материалов и других объектов реальной действительности. Большинству из них, как и отдельным абстрактным именам существительным, множественное число вообще чуждо. Например: *КъабулгъаредирраГаб*, *гъез халат гъабиладурГумру*. «Прими мои слова, они сделают длиннее твою **жизнь**». *Генеккедиргъимал*, *энсолдарсазухъ*, *ножегоГакълущоде*. «Послушайте, дети мои, советы (уроки) отца, чтобы вы стали **умнее** (букв. получили **ум**)». *ПалабгъабегГакълу*, *тПалабгъабегъай*; *кЮчонтетебиччаге*; *вадирдарсалги рокЕла цЮнунгъабегГумру*. «Добивайтесь **ума**, добивайтесь **знаний**; и живите (букв. делайте **жизнь**) сохранив в сердце мои советы (уроки)».

Некоторые имена существительные приобретают форму множественного числа относительно легко и перестают обозначать число как таковое, перейдя в подкласс конкретных. Однако, это вовсе не означает, что лексическая единица единственного числа с вещественным значением и соответствующее ему имя с конкретным значением составляют одну коррелирующую пару. Эти имена существительные не должны считаться как формы одного и того же слова. Множественное число вещественных имен существительных указывает на:

- а) несколько сортов или видов вещества,
- б) количество кусков данного вещества,
- в) данное вещество, заключенное в нескольких сосудах,
- г) число предметов, состоящих из данного вещества.

Таким образом, можно утверждать, что вещественные имена существительные в андалальском диалекте допускают косвенное исчисление (путем разливания в сосуды, раскладки в кучи, связывания этих предметов в вязанки, деления этих предметов на некоторое количество кусков и т.д.).

Форма множественного числа этих имен может быть использована в других целях. Однако является фактом, что в андалальском диалекте имеет место образование соотносительных существительных, имеющих количественное значение форм числа. Эти формы возможны в определенных контекстуально-ситуативных условиях.

Литература

1. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. – М., 1997.
2. Гаджихмедов Н.Э. Категория числа в кумыкском языке. Категория числа в дагестанских языках. – Махачкала, 1985.
3. Кибрик А. Е. Числовые формы несчетных существительных в дагестанских языках // Категория числа в дагестанских языках. – Махачкала, 1985.

УДК 16.21.45

О ГИПОТАКСИСЕ В ГОРСКИХ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

М.У. Сулейбанова,

Чеченский государственный университет

Аннотация. О гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках так же, как и в тюркских языках, лингвистами высказаны разноречивые мнения.

В большинстве тюркских языков вопрос о гипотаксисе не решён окончательно, как и в горских иберийско-кавказских языках. Некоторые лингвисты считают, что предикативные причастные и деепричастные обороты являются развернутыми

членами предложения.

Поскольку история изучения этой проблемы сложноподчиненного предложения представляет несомненный интерес, мы попытаемся вкратце изложить основные точки зрения по данному вопросу языковедов, в той или иной мере выразивших своё отношение к гипотаксису.

Ключевые слова: гипотаксис, иберийско-кавказских языки, предикативные причастные и деепричастные обороты.

ABOUT HYPOTAXIS IN IBERO-CAUCASIAN LANGUAGES

M.U. Suleybanova,
Chechen State University

Abstract. About hypotaxis as well as in the Turkic languages, linguists divergent views expressed in the Ibero-Caucasian languages.

In the majority of Turkic languages question of hypotaxis not resolved completely, as in the Ibero-Caucasian languages. Some linguists believe that the predicate-WIDE involved and deepri-chastnye turnover are deployed members suggested-of.

Since the history of the study of this problem a complex sentence is of great interest, we popytaem-sya briefly outline the main points of view on this issue yazyko-vedov, in one way or another to express their attitude to the hypotaxis.

Ke ywords: hypotaxis, Ibero-Caucasian languages, predicative being-stnye and deeprichastnye momentum.

О гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках так же, как и в тюркских языках, языковедами высказаны разноречивые мнения.

Точку зрения о наличии гипотаксиса в этих языках/в частности в чеченском литературном языке/ высказал профессор Н.Ф. Яковлев. Основные положения его сводятся к следующему.

К средствам связи придаточного предложения с главным Н.Ф. Яковлев относит особую форму сказуемого в придаточном предложении, относительные местоимения, союзы и интонацию. Самым древним он считает интонационный способ соединения, из двух остальных/придаточная форма сказуемого" и относительные местоимения и союзы/ к наиболее древнему относит первый.

В отношении развития форм подчинения Н.Ф.Яковлев считает, что "чеченский язык занимает промежуточное положение между языками типа кабардинского или абхазского, с одной стороны, и русским и другими европейскими языками – с другой" [22:176]. Н.Ф. Яковлев признает наличие в чеченском языке не только относительных слов и союзов, но и указательных местоимений в главном. Частицы косвенной речи бохуш /буквально: "говоря"/ аьлла/буквально: "сказав"/ он называет союзами. "Почти все чеченские относительные местоимения и союзы, – утверждает он, – явно недавнего происхождения. Многие из них представляют развитие глагольных форм или падежных форм. Конкретно об относительных местоимениях в чеченском языке Н.Ф. Яковлев говорит следующее: "В самом чеченском языке почти нет относительных местоимений и союзов, происходящих от вопросительных. Зародыш такого развития представляет собою употребление вопросительных местоимений и наречий в различных типах придаточных предложении с обобщенным значением. В них вопросительные местоимения и наречия выступают в фонетически измененном виде – с удвоением согласного и добавлением усилительной частицы "а" [22:176].

Причастные, деепричастные и масдарные обороты Н.Ф. Яковлев называет придаточными с теми же названиями и распределяет их по соответствующим типам придаточных, причём считает, что причастия, деепричастия и масдары имеют две синтаксические функции: являются сказуемыми в придаточных и какими-либо другими членами предложения в главных.

Другую точку зрения по рассматриваемому вопросу выразил Д.С. Имнайшвили,

который считает, что в горских иберийско-кавказских языках/за исключением бацбийского языка и панкисского говора чеченского языка/ нет гипотаксиса и что значение сложноподчиненного предложения передаётся в них при помощи морфологических средств: причастиями, деепричастиями или другими глагольными формами.

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в тезисах доклада "К истории образования сложноподчиненного предложения в иберийско-кавказских языках". В качестве основных средств передачи значения придаточных предложений он приводит инфинитив, масдар, причастие, деепричастие, частицы, а также впервые им выделенные обстоятельственные формы глагола, выражающие значения соответствующих обстоятельственных придаточных предложений в дагестанских и вейнахских языках.

Такой вывод нашел своё выражение, и в монографии Д.С. Имнайшвили "Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками", где автор на конкретном материале дидойского, гинухского, хваршинского и других горских иберийско-кавказских языков даёт анализ различных вопросов их синтаксиса, в том числе и гипотаксиса [4:84]. Таким образом, определились две противоположные точки зрения на вопрос о гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках. Оба языковеда / и И.Ф. Яковлев и Д.С. Имнайшвили/ имеют своих последователей. Точки зрения Н.Ф. Яковлева придерживаются следующие языковеды: А.А. Бокарев в книге "Синтаксис аварского языка" считает, что в аварском языке придаточные предложения выражаются с помощью подчинительных союзов/в основном причинные/, причастия и масдара в различных падежных формах, а также деепричастия и формы условного наклонения глагола. Это утверждение А.А. Бокарева основывается на том, что обороты с данными глагольными формами имеют логический /а иногда и грамматический/ субъект, объект/при переходном сказуемом оборота/ и сказуемое, как и в простом предложении [2:226]. Так же, как и Н.Ф. Яковлев, он считает, что причастие в таких придаточных имеет две функции: оно может быть сказуемым в придаточном и определением при одном из членов главного предложения. Причём А.А. Бокарев признаёт придаточным предложением только тот причастный оборот, в котором выражена предикативность.

Кроме того, А.А. Бокарев считает обороты придаточными предложениями ещё потому, что некоторые аварские причастные обороты нельзя перевести на русский язык иначе, как придаточными предложениями.

В статье "К вопросу о простом и сложном предложении в лезгинском языке" М.М. Гаджиев также считает причастные, деепричастные и другие обороты придаточными предложениями.

Это мнение М.М. Гаджиев подтвердил в статье "Сложноподчиненное предложение в лезгинском языке", в которой пишет, что в дагестанских языках для присоединения придаточного к главному существуют различные союзные выражения, частицы, послелогии, а также отглагольные формы/ причастные и деепричастные обороты, имеющие предикативность/со специальными суффиксами. Однако их он советует все же называть "недостаточными придаточными предложениями особого типа" [3:73].

Масдарные обороты, выступающие в роли подлежащего и сказуемого, М.М. Гаджиев не относит к придаточным предложениям. По его мнению, причастие имеет две функции: оно может быть сказуемым в придаточном и определением в главном предложениях. Такие свойства причастия он называет "двусторонней связью причастия". О лезгинском возвратном местоимении он говорит, что оно "до некоторой степени походит на русское относительное "который" или "чей", что его употребление в качестве подлежащего в придаточном "способствует усилению его относительной самостоятельности". Суффикс причастия у М.М. Гаджиева "служит лишь средством связи причастного придаточного предложения с главным". Этой же функцией наделяется и суффикс деепричастия. В качестве главной мотивировки того, что названные обороты и конструкции с формой условного наклонения глагола относятся к

придаточным предложениям, М.М. Гаджиев приводит следующие их признаки: "...достаточная смысловая и интонационная ограниченность от главной части сложного предложения, достаточной степени предикативность, наличие всех членов, какие может иметь предложение, наличие специальных аффиксов и послелогов для выражения связи между придаточным и главным предложениями" [3:85].

Г.Б. Муркелинский также считает причастные, деепричастные и масдарные конструкции в дагестанских языках придаточными предложениями, в которых вместо относительных местоимений "используются особые формы зависимого сказуемого: отглагольные формы – причастные, деепричастные, масдар". Он также находит, что лакское возвратное местоимение *пх* – "сам" "по синтаксической функции до некоторой степени соответствует русским относительным союзам". К средствам связи придаточного с главным Г.Б. Муркелинский относит и суффиксы деепричастий, которые, по его мнению, "могут быть переданы почти во всех случаях по-русски только при помощи союзных речений" [12:77].

К придаточным предложениям он относит и обороты с глаголами в форме условного наклонения в сочетании с заимствованными из персидского союзами *агар* "если" нажать "в случае, если", Г.Б. Муркелинский признаёт, однако, что "по своим структурным особенностям эти конструкции не могут приравниваться к русским придаточным предложениям с союзами или союзными словами и сказуемым в форме *вербум финитум*. Но, если подойти к ним исторически, с точки зрения образования и развития, то, утверждает Г.Б. Муркелинский, видна будет картина, что указанные суффиксы соответствуют союзам русского языка когда, если, как только и др."...Если освободить указанные глагольные формы от частиц-суффиксов, приставленных к ним, то они могут выражать самостоятельное сказуемое в (простом самостоятельном предложении" [12:85].

Основным критерием отнесения упомянутых конструкций к придаточным предложениям Г.Б. Муркелинский считает наличие у них собственного подлежащего, отличного от подлежащего главного предложения. Ссылаясь на то, что в языках разных систем имеются специфические средства связи, а следовательно, и разные виды придаточных предложений, Г.Б. Муркелинский утверждает, что "отрицание их в этих языках является заблуждением" [12:77].

Диалогичного мнения о придаточных предложениях в лакском и арчинском языках придерживается и С.М. Хайдаков. Он считает, что в придаточных и прочих оборотах в роли сказуемого выступают такие глагольные формы, которые, благодаря своей специфике не входят в парадигму спряжения. Эта же точка зрения по вопросу о гипотаксисе в лакском языке повторена им в работе "Очерки по лакской диалектологии", а также в докторской диссертации "Основные вопросы лексики и грамматического строя лакского языка". Так, он пишет, что "в качестве сказуемого в придаточных предложениях выступают такие формы глагола, которые никогда не встречаются ни в простом, ни в главном предложениях" [16:82].

В вопросе о гипотаксисе в кабардино-черкесском языке такого же мнения придерживается и М.Л. Абитов, который причастные и прочие обороты относит к придаточным предложениям, считая их своеобразным, специфическим явлением в синтаксисе языков, подобных кабардино-черкесскому языку» [1:94]

А.К. Шагиров, говоря о гипотаксисе в том же кабардино-черкесском языке, советует считать критерием для выделения придаточного предложения не подлежащее в этих оборотах, а предикативный центр, сказуемое в них, оформленное либо подчинительными аффиксами, либо союзами и союзными словами, либо "какими-нибудь другими словами" [18:89].

Автор синтаксиса простого предложения ингушского языка, близкородственного чеченскому языку. И.А. Оздоев также считает, что в ингушском языке "наиболее развитой формой образования сложноподчиненного предложения

является бессоюзный способ, то есть использование для подчинительной связи в языке различных отглагольных форм /причастий, деепричастий, отглагольных имён с различными аффиксами [13:64].

Однако И.А.Оздоев против метода Н.Ф.Яковлева переводить фразы чеченского языка на русский язык сложноподчиненными предложениями.

Мнения же Д.С. Имнайшвили по вопросу о гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках придерживаются следующие языковеды:

Авторы монографии "Аварский язык" А.С. Чикобава и И.И. Церцвадзе констатируют, что в аварском языке нет относительных местоимений и наречий, а также подчинительных союзов: соответствующее значение сложноподчиненных предложений передается простыми предложениями, в которых причастия, абсолютивы, масдары или другие формы глагола равны по значению глаголам придаточных предложений» [21:368].

Примерно то же самое выражено А.А. Магометовым по отношению к кубачинскому и табасаранскому языкам, в которых значение сложноподчиненного предложения передается простым предложением с различными глагольными оборотами [11:263].

Такой же точки зрения по отношению к андийскому языку придерживается И.И. Церцвадзе [19:370].

То, что в гинухском диалекте дидойского языка значение сложноподчиненного предложения передается простым предложением при помощи различных глагольных форм, утверждает и Э. Адомтадзе.

Г.В. Рогава в выступлении на совещании языковедов Северного Кавказа и Дагестана подчеркнул, что в адыгейских языках нет придаточных предложений. Однако в монографии "Грамматика адыгейского языка" Г.В. Рогава и З.И. Керашева высказываются несколько иначе: В адыгейском языке не имеется сложноподчиненных предложений того, который характерен для индоевропейских языков. Сложноподчиненные предложения создаются иными средствами. В функции сложноподчиненных предложений в адыгейском языке выступают различные инфинитивные конструкции [14:434].

Интересны также мнения языковедов, которые двояко подходят к решению вопроса о гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках.

Говоря о причастных оборотах в аварском языке, М.С. Саидов считает их "одним из главных способов построения сложного предложения". Но, тут же добавляет: "...подобные причастные обороты с зависимыми от причастия словами, состоящие, как правило, из комплекса связанных между собой слов, мы называем развернутыми членами предложения". Однако М.С. Саидов всё же приходит к такому выводу: "Ясно, следовательно, что развернутые члены предложения по своей языковой форме – суть именно предложения зависимые «придаточные подчиненные, связанные с главным особой специальной формой сказуемости» [15:84].

Профессор Ю.Д. Дешериев в монографии "Бацбийский язык" изложил свою точку зрения на вопрос о гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках. В ней он объясняет, что путаница по данному вопросу вызвана тем, что некоторые языковеды "подгоняют сложноподчиненное предложение в кавказских языках под мерку индоевропейских языков, в частности, под мерку сложноподчиненного предложения в русском языке" [5:292]. Выводы Н.Ф. Яковлева о том, что в чеченском языке есть сложноподчиненное предложение, Ю.Д. Дешериев считает основанными на переводе чеченского простого предложения сложноподчиненным на русский язык. Он придерживается такого мнения, что в чеченском языке/а также и в аварском/ "нет никакого придаточного предложения, как нет в них ни особой формы сказуемого придаточного предложения, ни относительных местоимений и союзов" [5:294]. Однако для бацбийского языка он допускает наличие "причастно-деепричастных форм

глаголов, служащих сказуемым в таких придаточных/причины. По мнению Ю.Д. Дешериева, и "условное придаточное предложение выражается при помощи подчиненного аффикса, присоединяемого к форме глагола-сказуемого.

В "Грамматике хиналугского языка" Ю.Д. Дешериев пишет, что важнейшие особенности синтаксиса дагестанских языков ярко проявляются в синтаксисе хиналугского языка; среди прочих признаков сложного предложения он называет и "наличие особой причастной формы сказуемого, создавшей своеобразный тип сложного предложения, свойственного всем горским кавказским языкам" [7:156].

В большой монографии, посвященной сравнительно-исторической грамматике нахских языков, Ю.Д. Дешериев отодвигает вопрос о гипотаксисе в нахских языках, обещая более подробно коснуться его в научной грамматике чеченского литературного языка. Автор считает возможной связь между простыми предложениями при помощи придаточной формы сказуемого, причём в функции условного союза или относительного слова выступают суффиксы обстоятельственных форм глагола или формы условного наклонения глагола [8:552].

Литература:

1. Абитов М.Л. Проблема сложноподчиненного предложения в кабардино-черкесском языке, -"Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана". Нальчик, 1963, стр.94-95.
2. Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949, стр.226.
3. Гаджиев М.М. К вопросу о простом и сложном предложении в лезгинском языке.- "Языки Дагестана Вып.1, Махачкала, 1948, стр.73-85.
4. Имнашвили Д.С. К истории образования сложноподчиненного предложения в иберийско-кавказских языках. Тезисы доклада на IУ/Х/научной сессии 12 и 13 июня 1953г, Тбилиси, 1953, стр.45.
5. Ю.Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр.292.
6. Ю.Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр.294
7. Ю.Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М., 1959, стр. 156
8. Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
9. Имнашвили Д.С. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963, §§ 189, 199, 202.
10. Имнашвили Д.С. К вопросу о гипотаксисе в языках чеченской группы /резюме/, - "Иберийско-кавказское языковедение". П. Тбилиси, 1948, стр.84.
11. Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963, стр.263.
12. Муркелинский Г.Б. О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках.- "Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана". Нальчик, 1963, с.77.
13. Оздоев И.А. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение. Известия ЧИНИИЯЛ, т.У, вып. 2. Языковедение. Грозный, 1964.
14. Рогова Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар Майкоп, 1966, стр.434.
15. Саидов М.С. Развернутые члены предложения в аварском языке, -"Языки Дате с тана. Вып. 2. Махачкала, 1954, стр. 84.
16. Хайдаков С.М. Сложноподчиненное предложение в лакском и арчинском языках.- "Вопросы описательных грамматик Северного Кавказа и Дагестана". Нальчик, 1963, стр.82.
17. Хайдаков С.М. Очерки по лакской диалектологии, 1966, стр. 193.
18. Шагиров А.К. К проблеме сложноподчиненного предложения в кабардино-черкесском языке". -"Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана". Нальчик, 1963, стр «89.
19. Церцвадзе И.И. Андийский язык./на грузинском языке, резюме на русском/, Тбилиси, 1965, стр, 370
20. Чикобава Арн.. Грамматический анализ чанского/лазского/диалекта, Тбилиси, 1936/на грузинском языке, резюме на русском
21. Чикобава Арн., И. Церцвадзе. Аварский язык/на грузинском языке/ Тбилиси, 1962, стр.368-370, § 190.
22. Яковлев Н.Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940, стр.176.

НАИМЕНОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Ш. Тания,

Абхазский государственный университет

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной для абхазской лексикологии теме и написана на стыке языка, истории, археологии абхазов. В ней дается обобщенная характеристика наименований сельскохозяйственного инвентаря в абхазском языке. Значительное внимание уделяется терминам, обозначающим старинные предметы труда, ввиду их узкого, ограниченного использования в современном абхазском языке. Тема интересна специалистам в области лексикологии.*

***Ключевые слова:** инвентарь, сельское труда, лексика, хозяйство, термин, полевые работы, растительность, предмет.*

AGRICULTURAL EQUIPMENT NAMES IN THE ABKHAZIAN LANGUAGE

E.Sh. Tania,

Abkhazian State University

***Abstract.** The article is dedicated to currently important topic of the Abkhazian lexicology and written related to the language, history and archeology of the Abkhazians. It gives an integrated specification of agricultural equipment names in the Abkhazian language. The main attention is focused on terms specifying ancient subjects of labour due to their restricted, limited use in the modern Abkhazian language. The topic is valuable for experts in lexicology.*

***Key words:** agricultural equipment, rural, household, item labour, vocabulary, term, campestral cultivation, vegetation*

Одним из основных занятий абхазов является ведение сельского хозяйства. С древнейших времен абхазы обрабатывали почвудля хозяйственных целей, что подтверждают данные языка, истории, археологии. Материалы археологических раскопок характеризуют древний облик земледельческой культуры. Тысячелетиями создавались термины, связанные с хозяйственной деятельностью абхазов.

Сельскохозяйственный инвентарь абхазского народа отличается относительным богатством. Во все времена сельское хозяйство перестраивается, появляются усовершенствованные виды предметов труда, несмотря на это в языке сохранились и используются старинные наименования. Зачастую эти наименования переносятся на новые сельскохозяйственные оборудования.

Сельскохозяйственные орудия разных видов использовались издревле. По всей территории Абхазии найдено немало мотыг, серпов, зернотерок, обугленных злаков, доказывающих, что возделывание земли для абхазов является одним из основных ремесел.

Древние орудия пахоты, полевых работ, садоводства, огородничества описаны в трудах Аргун Ю.Г. [1976], Инал-ипа Ш.Д. [1965], Чанба Р.К. [1987], Бжания Ц.Н. [1973], Бгажба Х.С. [1964].

Основной отраслью хозяйства с XIX века в Абхазии становится земледовство. Землю обрабатывали тягловыми и ручными орудиями. Ачалт//ачалтга «борона», представляла собой плетеную вязанку хвороста, подвязывалась к ярму крученым прутиком лозы -аёахъар7и, применялась для разрыхления почвы. С той же целью использовались: аварцхъ «боронаизветок», арпыга «разрыхлитель», арпыга 8ыза//щъызба «нож-разрыхлитель» [Бжания 1973, 167].

деревянный»; акъырклоу, акъзыгъ, ахларкъагъ «молоточек железный»; а8ча0ла «плетеная корзина для кукурузы»; алащъара «ступадля выбивания зерен проса»; анапылалу «ручная мельница»; а8шьырща «кувшин для хранения зерна»; ащайъеи а8хныгеи «камни для растирания перца, зерен», абаёгъыр, аёгъадар «корзина плетеная».

Термины, обозначающие наименования различных видов орудий, предметов труда; асыр0ы «ткацкий станок»; аласкъыгъ «орудие для расчесывания шерсти»; акъакъага «полольник (специальное орудие для очищения, окучивания огородов, прополки проса)»; аёгъадар «плетеная корзина из коры деревьев, используемая для сбора ягод»; аёа/аёар7ъи «крученный прут для подвязывания ярма»; адырдха «пряслице»; ащадъша «винный кувшин»; алу «жернов»; асал «клин», ауардын «арба».

В данной лексической группе определенное место занимают и неологизмы, обозначающие орудия, предметы труда, агротехнику, уборочные машины, используемые для сбора сельскохозяйственных культур.

Литература:

1. Аргун Ю.Г. Быт и культура современных абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1976.
2. А8суа бызшъа бзы8гъи адиалектажъар. Айъа, 2014.
3. Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.
4. Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Сухуми, 1964.
5. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
6. Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тбилиси, 1987.
7. Шакрыл Е.П., Конджария В.Х. Словарь абхазского языка. т.1,2. Сухуми, 1986.
8. Энциклопедический сельскохозяйственный словарь-справочник. М., 1959.

УДК 81'352

О ВОЗМОЖНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ («МЯГКОЙ УНИФИКАЦИИ») АЛФАВИТОВ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А.И. Халидов,

Чеченский государственный университет,

Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация. Общий для всех народов Кавказа алфавит, наверное, невозможен. Тем не менее, это не значит, что не нужно стремиться к единообразию обозначений тех звуков, которые в этих языках особо не различаются. Если не невозможен синтез, результатом которого могло бы быть создание одного, общего для всех носителей иберийско-кавказских языков, алфавита, то вполне возможна унификация имеющихся алфавитов в тех пределах, которые допускаются сходством звукового состава языков. Не только возможна, но и, как представляется, необходима.

Ключевые слова: алфавит; общекавказский алфавит; унификация; мягкая унификация.

THE POSSIBILITY OF CONVERGENCE ("SOFT UNIFICATION") ALPHABETS OF THE LANGUAGE OF THE NORTH CAUCASUS

A.I. Halidov,

Chechen State University,

Chechen State Pedagogical University

Abstract. Common to all the peoples of the Caucasus alphabet, probably impossible. But this does not mean that **we** should not strive for uniformity in the denoting of the sounds which in these languages do not particularly differ: the unification of the alphabets is

possible within the limits allowed by the similarity of the sound structure of the languages.

It is not just possible, but also appears to be necessary.

Key words: *alphabet; Caucasian alphabet; unification; soft unification.*

Очень коротко, в виде тезисов, содержание статьи опубликовано в материалах прошедшей в сентябре 2015 г. в Грузии (Местия) конференции [1], но, учитывая и предельную лаконичность изложения в тезисах, и то, что большинству коллег за пределами Грузии этот сборник материалов практически недоступен, автор счел возможным и необходимым представить свои предложения в развернутом тексте в издании, доступном для всех учреждений науки и высшего образования в северокавказском регионе.

Известные сведения об истории создания письменности для северокавказских языков опускаю, отсылая к многочисленным работам, в которых изложены и история создания письменности народов мира в целом (см. [2], [3], [4], [5] и др.), и история создания письменности для народов СССР, в том числе народов Кавказа (см. исследования [6], [7], [8], [9], [10], [11] и др.), и сразу перехожу к сути проблемы, предлагаемой мною для обсуждения сообществом кавказоведов, в первую очередь специалистов-лингвистов. Осознаю, что реакция коллег будет, скорее всего, неоднозначной, и вполне возможно, что предлагаемое решение, если и будет когда-нибудь принято, то после долгих обсуждений. Хотя совершенно очевидно, что существующие алфавиты языков народов Кавказа, созданные во второй половине 1930-ых годов и почти не претерпевшие изменений за семидесятилетнюю историю своего использования, далеко не совершенны, с одной стороны, с точки зрения строгого соответствия фонетическому строю тех языков, для которых они предназначены, с другой – с точки зрения того, что у языков, в родстве и структурной близости которых (имеются в виду, конечно, языки не всех народов Северного Кавказа, а иберийско-кавказские/кавказские) мало кто сомневается, алфавиты оказались не унифицированными даже в той степени, в какой это было возможно с самого начала их создания.

Начну с того, что единый (один для всех) алфавит для всех языков народов Северного Кавказа, относимых в разных классификациях к иберийско-кавказским//кавказским//сино-на-дене-северокавказским, вряд ли возможен. Достаточно и экстралингвистических, и собственно лингвистических причин, которые делают бесперспективными попытки его создания не только синтезом трех древних алфавитов Кавказа, как предложил В. Казарян [12] (свое отношение к самой идее и мнение об этом конкретном проекте я высказал в рецензии-статье, которая, надеюсь, уже опубликована или будет опубликована в очередном выпуске ж-ла «Кавказоведческие разыскания», в который я ее отослал в конце 2013 г.), или использованием грузинского, который в свое время считал идеальным для горских языков Кавказа П.К. Услар, но и синтезом имеющихся кириллических алфавитов, созданных в основном более 70 лет назад. При известных типологических сходствах своих фонетических систем три группы языков Северного Кавказа (нахские, дагестанские, абхазско-адыгские) и даже отдельные языки внутри этих групп имеют и существенные различия в количестве и в качестве звуков: в соответствующей литературе отмечается сложность системы согласных в одних и системы гласных в других языках, разная представленность латералов или даже их отсутствие в отдельных языках и т.д. Поэтому само обсуждение вопроса о едином алфавите для всех этих языков лишено, по моему глубокому убеждению, всякого смысла, в первую очередь по лингвистическим и лингвограмматологическим основаниям, не говоря о ряде других факторов. Фактическую невозможность создания единого для всех северокавказских языков алфавита своим проектом подтвердил, кстати, сам В. Казарян. Положив в основу создания «общекавказского» алфавита «триединство» армянского, грузинского и алуанского алфавитов (с явным сильным перевесом в пользу армянского), В. Казарян вначале предлагает «обобщенный западнокавказский

алфавит», состоящий из 126 букв [12, с. 255-256], (при этом «...некоторые буквы данного алфавита отражают фонемы, которые вовсе не встречаются в нынешних западнокавказских языках и вводятся лишь для целостной презентации принципов генерации символов» [12, с. 256]). Осознавая это и то, что в этом виде алфавит не может соответствовать фонетическому строю ни одного языка, автор переходит к национальным вариантам. Алфавит для абхазского языка у него включает 73 буквы, 72 буквы в абазинском, 82 буквы в адыгейском, 65 букв в «кабардинском» – кабардино-черкесском (в общеадыгском – кабардино-адыгейском 83), в убыхском 88 (без объяснений, зачем понадобилось создавать *новый* алфавит для языка, на котором после смерти Тевфика Эфсенча в 1995 г. уже никто не говорит). Затем создается «обобщенный восточнокавказский алфавит», включающий 97 букв, а конкретно для отдельных народов предлагаются, например, варианты алфавитов: для аварского языка – из 73 букв, для андийского – из 57 букв, для ахвахского – из 75 букв, для табасаранского языка – из 56 букв, для чеченского языка – из 60 букв; и т.д. При этом еще вопрос, насколько точно создателем проекта установлены фонемный и звуковой состав соответствующих языков и смогут ли составленные В. Казаряном алфавиты отражать их в полном объеме. В табасаранском языке, например, для которого предлагается алфавит из 56 букв, 59 звуков (5 гласных и 54 согласных) [13, с. 11-15]. Такие же несоответствия найдем, сопоставив алфавиты В. Казаряна с составом звуков в других языках. Понятно, что никакого *общего* для кавказских языков алфавита В. Казарян не создал, предложил только основу для создания новых национальных алфавитов, по многим причинам не имеющую перспективу для реализации. В таком случае та основа, которая уже используется, реализована семь десятков лет назад, нисколько не хуже, а по разным параметрам и лучше, хотя тоже в том виде, в каком существуют соответствующие алфавиты, полного единообразия мы не находим.

Тем не менее, это не значит, что не нужно стремиться к единообразию обозначений тех звуков, которые в этих языках особо не различаются. Если не невозможен синтез, результатом которого могло бы быть создание одного, общего для всех носителей иберийско-кавказских языков, алфавита, то вполне возможна унификация имеющихся алфавитов в тех пределах, которые допускаются сходством звукового состава языков. Не только возможна, но и, как представляется, необходима. И то, что подобная инициатива до сих пор не появлялась, можно объяснить не только национальным эгоизмом – фактором, всегда присутствующим в решении подобных вопросов, здесь более значимы сложности, связанные даже с самыми незначительными изменениями в графике.

В начале 1930-ых годов составители алфавитов для народов Северного Кавказа, видимо, плохо координировали свои проекты, поэтому и получилось, что в разных алфавитах практически одинаковые в артикуляционном отношении звуки оказались по-разному обозначенными. Ничто не мешало, скажем, обозначать одинаково абруптивы, но почему-то абруптив **ǰ**, обозначаемый во всех остальных языках через **чІ**, в кабардино-черкесском передается сочетанием **кІ**. Различий в способах обозначения **q**, надо полагать, тоже можно было избежать, но мы сейчас имеем **кx** в чеченском и ингушском, **кxь** в кабардино-черкесском, **хь** в абазинском и в дагестанских языках; и т.д. Из-за такого разброса без обращения к известной таблице транскрипции иберийско-кавказских языков (см. ЕИКЯ 1974 и ЕИКЯ 1978) тексты и даже отдельные слова на неродном для него кавказском языке часто не может прочитать даже специалист-языковед. Кабардинец или черкес прочитают слова из дагестанских языков с **хь**, произнося **x**; в свою очередь, дагестанцы кабардино-черкесскую **x** прочитают как **q**; чеченцы и ингуши дагестанскую **xІ** читают как **ǰ**, **хь** как **q**. У генетически родственных и структурно близких языков с письменностью на одной и той же – кириллической – базе, надо полагать, артикуляционно совпадающие или максимально близкие звуки должны отображаться одними и теми же буквами или их сочетаниями. А

для этого необходима «мягкая» унификация алфавитов.

Следует отметить, что особых проблем с гласными буквами в алфавитах языков народов Кавказа нет. Все значимые различия здесь сводятся к трем: 1) обозначение долготы **у** (**ū**) в ингушском через **ув** (в остальных языках, в том числе и чеченском, долгота **у** не обозначается); 2) обозначение долготы **ī**, **ū** в чеченском сочетанием **и**, **уь** с **й** – **ий**, **уьй**; 3) использование в кабардино-черкесском для отражения **е** в разных позициях и **е**, и **йе**. Проблема, решение которой помогло бы нам сблизить письменности своих языков и сделать их взаимно более доступными, – несовпадение обозначения одних и тех же, или артикуляционно максимально близких, согласных звуков.

Сравнив существующие алфавиты иберийско-кавказских языков по известной таблице (см. таблицу латинской транскрипции иберийско-кавказских языков в ЕИКЯ 1974, продублированную в ЕИКЯ 1978), мы обнаруживаем следующие различия в обозначении таких звуков:

- č – в абх. ч, адыг., каб.-черк. **кI**, в остальных **чI**;
- h – в абх. **к**, абаз. **хI**, адыг., каб.-черк. **хь**, чеч.-инг. **хI**, в дагест. **гь**;
- h̄ – в чеч.-инг. **хь**, в дагест. **хI**;
- q – в абаз. **хь**, каб.-черк. **кхь**, в чеч.-инг. **кх**, в дагест. **хь**;
- x – во всех **х**, кроме адыг., каб.-черк., где **хь**;
- ž – во всех **ж**, кроме абх., адыг., каб.-черк., где **жь**;
- γ – в абх. знак, напоминающий **Ѣ**: точное соответствие в компьютерной символике не найдено), чеч.-инг. **гI**, в остальных **гь**];
- w – в абх., абаз. **у**, в адыг., каб.-черк. и **у**, и **уы**, в остальных **в**;
- ω – в абаз. и дагестанских **гI**, в чеч.-инг. **I**.

Кроме очевидного несовпадения обозначений этих звуков в алфавитах кавказских языков, обращает на себя внимание и то, что в алфавитах некоторых звуков приняты без особой необходимости трехбуквенные обозначения отдельных фонем при вполне возможном двухбуквенном обозначении. Так, например, в кабардино-черкесском **q** обозначают через **кхь**, тогда как можно было обойтись сочетанием **кх**, как в чеченском и ингушском, тем более что это сочетание в кабардино-черкесском не употребляется ни в каком другом случае для обозначения звука/фонемы. Это, в свою очередь, помогло бы заменить четырехбуквенное обозначение звука **q°** (**кхьу**) хотя бы на трехбуквенное **кху**.

При этом большинство согласных фонем/звуков в алфавитах народов Северного Кавказа обозначаются одинаково (приводим без учета геминированных, латералов и специфических для отдельных языков фонем): **b – б**, **c – ц**, **č – ч**, **ç – цI**, **d – д**, **f – ф**, **g – г**, **k – к**, **l – л**, **m – м**, **n – н**, **p – п**, (исключение – абх. с его **п̄**), **p – пI** (исключение – абхаз., где **п**; логичнее было употребить эту букву в первом случае, а диграф для абруптива, как в близкородственном абазинском), **r – р**, **s – с**, **š – ш** (исключение абх., где **шь**; в абаз. **ш**) и т.д. Сравнение обозначений ряда «чистых» звуков показывает, что, как правило, иные, не совпадающие с другими языками, их обозначения характеризуют абхазский, абазинский, в меньшей степени – адыгейский алфавиты.

Все различия, устанавливаемые при сравнении алфавитов языков народов Северного Кавказа, очень значительны в своем объеме, и вряд ли на такую широкую, всеохватывающую унификацию алфавитов с исправлением всех допущенных при их составлении «неточностей» можно рассчитывать. Думаю, что коллеги из республик сами решат, нужно ли, например, и дальше продолжать употреблять **ш** для обозначения звука, во всех других языках изображаемого буквой **ш**, и **щ** для обозначения **ш**, абруптив обозначать обычной буквой, взятой из кириллицы, а «простой» согласный – сложным знаком и т.д. Но унификация «мягкая», охватывающая приведенные выше 9 звуков/фонем, представляется крайне необходимой и важной, и полезной, так как значительно облегчит, например, для кавказцев чтение текстов, написанных на неродных для них кавказских языках, а лингвистов-кавказоведов избавит от тех

трудностей, с которыми они сталкиваются при обращении к разноязыковому кавказскому материалу в своих исследованиях.

Возможны несколько вариантов предлагаемой унификации.

Самый простой из них, учитывающий фонетическую базу, на которой образовались соответствующие согласные: **ç** обозначать во всех языках через **чІ**; в этом случае изменение коснется только каб.-черк. языка, в котором принято обозначение через **кІ**; единым обозначением **h** выбрать **хІ**, для **ħ** – **хь**; для **q** – **кх**; написание **x** для обозначения звука **x** распространить и на каб.-черк. язык, заменив им используемое сочетание **хь**; **ž** обозначать через **ж**. Что касается **œ**, он встречается в разных кавказских языках в разных позициях: в нахских, например, исключительно в постконсонантной и в позиции после определенных согласных – **б, м, н, д, дж** (орфографически **ж**), **дз** (орфографически **з**), **в: бІ, мІ, нІ, дІ, джІ, дзІ, вІ**.

Решение этой не такой сложной в лингвограмматологическом отношении проблемы – в целенаправленном, ориентированном на выявление «инвариантных» графических знаков для обозначения рассмотренных выше подходе. Сама унификация, несколько не ущемляя национальные интересы носителей соответствующих языков, оказала бы самое благотворное влияние на процессы межкультурной коммуникации в регионе и к тому же существенно облегчила бы специалистам-языковедам работу с материалом многочисленных иберийско-кавказских языков. Возвращаясь к затронутой в начале статьи идее смены действующих алфавитов – использования арабской, латинской или какой-либо графической основы, питаемой иллюзией, что «молодые» алфавиты безболезненно могут быть заменены на другие, не могу не возразить здесь автору приводимых ниже строк, заявляющей, что «сравнительно безболезненно могут менять системы письменности младописьменные народы, как, например, многие народы Кавказа и Сибири. Однако совсем другое дело – армяне, грузины, евреи и некоторые другие народы, письменность которых насчитывает не одну тысячу лет. Древние национальные алфавиты являются предметом гордости этих народов» [14]. Не думаю, что автор этих строк хорошо себе представляет разницу между сменой алфавитов и их унификацией, иначе сразу после этих слов не было бы заявлено следующее: «Конечно, было бы удобно иметь унифицированное письмо. Однако, алфавит – это не просто условные обозначения звучащей речи, это достижение и неотъемлемая принадлежность национальной культуры» [14]. Разумеется. И именно поэтому вряд ли от своих алфавитов откажутся народы, которые приобрели их менее 100 лет назад. Гордятся ли они (чеченцы, аварцы, кумыки, осетины, адыгейцы и многие другие) своими кириллическими алфавитами, не знаю (хотя думаю: вряд ли испытывают особую гордость за алфавиты в отроческом возрасте, к тому же в своей основе заимствованные), но вряд ли решатся отказаться от системы письма, на которой создана вся или почти вся их письменная культура. «Безболезненной», думается, может быть именно унификация, поскольку унификация – не смена письменности, а «приведение к единообразию», не представляющее большой опасности для письменной традиции, культуры, основанной на ней. Что касается унификации не одного алфавита, а многих, их унификация оказывается возможной, если в основе этих алфавитов лежит одна графическая система, некоторые знаки которой в свое время, при создании этих алфавитов, по «недосмотру» создателей были использованы нерационально. Приведение к соответствию обозначения одних и тех же звуков в родственных и близкоструктурных (в фонетическом отношении) языков в тех немногих случаях, в которых это нужно и необходимо сделать, – это и есть «мягкая унификация», предлагаемая коллегам для обсуждения.

Литература:

1. Халидов А.И. Единый алфавит или «мягкая» унификация? // Международная научная конференция «Кавказская цивилизация: междисциплинарные исследования». – Местия (Грузия), 2015. – С. 141-142 (русск.), 82-83 (англ.).

2. Лоукотка Ч. Развитие письма. – М., 1950. – 320 с.
3. Фридрих Иоганнес. История письма. – М., 2001. – 464 с.
4. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. – М., 1965. – 600 с.
5. Кондратов А.М. Письмена мертвые и живые. – Санкт-Петербург, 2007. – 256 с.
6. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – М., 1979. – 350 с.
7. Саидов М.-С. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана. // Языки Дагестана. Вып. III. – Махачкала, 1976. – С. 112-131.
8. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный, 1958.
9. Гадаев Р.В. Формирование и развитие чеченской письменности. – Грозный, 2010. – 157 с.
10. Бигулаев Б.Б. История осетинского письма. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук. – Дзауджикау, Северо-Осетинский НИИ, 1945.
11. Грамматика чеченского языка. В трех томах. Том I. Автор проекта и научный редактор проф. А.И. Халидов. – Грозный, 2013. – 847 с.
12. Казарян Вазген. Проект общекавказского алфавита. – Ереван, 2012.
13. Цира Барамидзе. Фонематическая структура табасаранского языка. Тбилиси, 2009.
14. Волошина О.А. Создание письменности для бесписьменных народов. – URL: <http://uchil.net/?cm=65963>

УДК 87`373

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕГО СЛОЯ ЛЕКСИКИ ШАРОЙСКОГО ДИАЛЕКТА

А.Х. Халикова,

Чеченский государственный педагогический университет

***Аннотация.** Как известно, в любом диалекте можно выделить исконную и заимствованную лексику. Исконная лексика, как правило, имеет свою исторически сложившуюся систему словообразования и отличается рядом фонетических, морфологических, синтаксических процессов в составе основы лексем, что позволяет выявить лексические особенности не только данного диалекта, но и языка в целом. В статье отражена наиболее древняя лексика шаройского диалекта в сравнении с литературной формой чеченского языка.*

***Ключевые слова:** Шаройский диалект, отраслевая лексика, лексические особенности шаройского диалекта, древний слой лексики, литературный язык.*

FEATURES OF ANCIENT LAYER OF VOCABULARY OF SHAROY`S DIALECT

A.Kh. Khalikova,

Chechen state pedagogical university

***Abstract.** As is generally known, in any dialect it is possible to distinguish a native and adopted vocabulary. A native vocabulary, as a rule, has the historically folded system of word-formation and differs in the row of phonetic, morphological, syntactic processes in composition basis of lexemes, that allows to educe the lexical features of not only this dialect but also language on the whole. In the article the most ancient vocabulary of sharoy`s dialect is reflected by comparison to the literary form of chechen language.*

***Key words:** dialect, branch vocabulary, lexical features of sharoy`s dialect, ancient layer of vocabulary, literary language.*

Наличие лексических особенностей является одним из основных критериев определения языка или диалекта. В диалектах выделяются два слоя лексики: исконный и заимствованный. При исследовании диалекта внутри языка особое значение имеет исконная лексика диалекта, которая позволяет по-новому взглянуть на некоторые процессы в системе языка. В данной статье будет рассмотрена наиболее древняя

лексика шаройского диалекта в сравнении с чеченским литературным языком.

Для выявления наиболее древнего слоя лексики шаройского диалекта выделим основные критерии:

1. Лексемы, в составе которых есть показатель грамматического класса:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>валла</i>	<i>велла – умер</i>
<i>ийъ</i>	<i>ийъ – четыре</i>
<i>вастана</i>	<i>верстина – потолстел</i>
<i>ѣгуо</i>	<i>ѣгуо – потрясти</i>
<i>йѣтлуо</i>	<i>йѣтлуо – порвать</i>

2. Лексемы, обозначающие названия предметов и явлений, которые существуют в любом обществе, составы основ которых отличаются от сопоставимых лексем литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>цла</i>	<i>цле – огонь</i>
<i>цлѣ/цлѣнуѣ</i>	<i>цла/цлѣнуѣ – дом</i>
<i>сигил</i>	<i>стигал – небо</i>
<i>куйг</i>	<i>куьг – рука</i>
<i>блариг</i>	<i>бларьг – глаз</i>
<i>куорта</i>	<i>куорта – голова</i>
<i>беттиз</i>	<i>беттаса – луна</i>
<i>эркиэ</i>	<i>аьркиэ – лето</i>
<i>вѣрта</i>	<i>вуорта – шея</i>
<i>ѣрие</i>	<i>арие – долина, поле</i>
<i>довз</i>	<i>дитт – дерево</i>

Лексемы, обозначающие названия предметов и явлений, составы основ которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>муотт</i>	<i>муотт – язык</i>
<i>луѣ</i>	<i>луѣ – снег</i>
<i>серло</i>	<i>серло – свет</i>
<i>латта</i>	<i>латта – земля</i>

3. Лексемы, образованные общевайнахскими словообразовательными элементами в шаройском диалекте, которые по составу основ могут различаться и быть одинаковыми: *диколла – дикалла (доброта), йѣгуолла – оьѣгалла (злоба), дагизалла – дегазалла (обида), охьуниѣ – охьание (спуск), ирхиѣ – ирхиѣ (подъем), лѣмуро – ламаро (горец), гѣмуо – гамуо (ненависть).*

4. Наличие лексем, образованных от одной лексемы, в результате фонетических и грамматических изменений в составе основы: (*куйг – рука, кѣ – ладонь, кахьѣкх – добыть, присвоить, кайиттуш – хватать, ка-миэрча – щедрый, ка-хьар – ручная мельница).*

5. Наличие лексем, которые есть в других диалектах чеченского языка: *хи – вода, кьайлиэ – тайна, туоха – ударить.*

6. Наличие лексем, которых нет в нахских языках и диалектах чеченского языка: (*нѣхул – человечество, дулчлѣрк – гром).*

«При определении исконного лексического фонда особое значение мы придаем наличию в словах классных элементов. Таковыми являются в первую очередь глаголы (так называемые классные глаголы), некоторые качественные прилагательные, числительные и наречия, а также некоторые существительные с окаменелыми

классными показателями» [1]. В шаройском диалекте к ним можно отнести следующие лексемы:

глаголы: *в-иэла, й-иэла, д-иэла, б-иэла* – смеяться;
 прилагательные: *в-1еха, й-1еха, д-1еха, б-1еха* — длинный/ая/ое/;
 числительные: *в-айтта* — четырнадцать, *й-айтта* — четырнадцать;
 наречия: *д-орух, й-орух* — дешево;
 существительные: *й-ошой* — тетя, *в-ошой* — дядя, *й-оша* — сестра, *в-оша* — брат, *д-адай* – дедушка, *бабай* – бабушка.

Представляется возможным обозначить лексические особенности шаройского диалекта, сопоставляя наиболее древний ее слой с литературным языком в следующем порядке:

1. Лексемы, обозначающие степень родства в шаройском диалекте, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>бāбай</i>	<i>баба – бабушка</i>
<i>вошой</i>	<i>ваши – дядя</i>
<i>воша</i>	<i>ваша – брат</i>
<i>йоша</i>	<i>йиша – сестра</i>
<i>гāкай</i>	<i>гāки – младенец</i>
<i>вēринз//вāраз</i>	<i>вēрас – опекун</i>
<i>дзōхул</i>	<i>дзāхал – родственники мужа, жены</i>
<i>к1анат</i>	<i>к1ант – сын, мальчик</i>
<i>миēхча</i>	<i>маьхча – троюродный брат//сестра</i>

2. Лексемы шаройского диалекта, обозначающие родственные отношения, которые в составе основ не имеют различий при сравнении с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>дā</i>	<i>дā – отец</i>
<i>йо1</i>	<i>йо1 – девушка</i>
<i>дзуда</i>	<i>дзуда – жена, женщина</i>
<i>нус</i>	<i>нус – сноха</i>
<i>шича</i>	<i>шича – двоюродный брат</i>
<i>марнāна</i>	<i>марнāна – свекровь</i>

3. Лексемы, обозначающие домашних животных, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>1āса</i>	<i>эса – теленок</i>
<i>устг1а//уст</i>	<i>уьстаг1а – овца</i>
<i>сорог1</i>	<i>старг1а – бычок</i>
<i>б1ад</i>	<i>бад – утка</i>
<i>борг1ул</i>	<i>борг1ал – петух</i>
<i>куотом</i>	<i>куотам – курица</i>
<i>москул</i>	<i>москал – индюк</i>
<i>1ансар</i>	<i>1аспар – кляча</i>

4. Лексемы, обозначающие домашних животных, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>йэтт</i>	<i>йиэтт – корова</i>
<i>говр</i>	<i>говр – лошадь</i>
<i>гāза</i>	<i>гāза – коза</i>

<i>хъакха</i>	<i>хъакха – свинья</i>
<i>джа</i>	<i>джа – овцы</i>
<i>вир</i>	<i>вир – осел</i>
<i>шинара</i>	<i>шинара – телка</i>
<i>Iāхар</i>	<i>Iāхар – ягненок</i>

5. Лексемы, обозначающие зверей, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>Iайкх//Iēкха</i>	<i>э́кха – зверь</i>
<i>амкал//эмкил</i>	<i>эмкал – верблюд</i>
<i>бирдуолиг</i>	<i>бирдуолаг – летучая мышь</i>
<i>дарка</i>	<i>дахка – мышь</i>
<i>тарцал</i>	<i>тарсал – белка</i>

6. Лексемы, обозначающие зверей, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>дзу</i>	<i>дзу – ежик</i>
<i>сай</i>	<i>сай – олень</i>
<i>ча</i>	<i>ча – медведь</i>
<i>пхъāгал</i>	<i>пхъāгал – заяц</i>
<i>цхъуōгал</i>	<i>цхъуōгал – лиса</i>
<i>буорз</i>	<i>буорз – волк</i>

7. Лексемы, обозначающие предметы быта и орудия труда, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>марц</i>	<i>марс – серп</i>
<i>иллай</i>	<i>илли – песня</i>
<i>чāмай</i>	<i>чāми – черпак</i>
<i>урц</i>	<i>урс – нож</i>
<i>пондур</i>	<i>пондар – гармонь</i>
<i>нуōда</i>	<i>нуыйда – пуговица</i>
<i>диркур</i>	<i>доьхка – пояс</i>
<i>хъайра</i>	<i>хъēра – мельница</i>
<i>шантI</i>	<i>шад – узел</i>
<i>хадир//хēдир</i>	<i>хēдар – тарелка</i>
<i>заI</i>	<i>зIē – цепь</i>
<i>шотI</i>	<i>шад – виллы</i>
<i>пIиēкъа</i>	<i>пхъиēгIа – посуда</i>
<i>ногIур</i>	<i>негIар – крышка</i>

8. Лексемы, обозначающие предметы быта и орудия труда, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>чIуг</i>	<i>чIуг – кольцо</i>
<i>диг</i>	<i>диг – топор</i>
<i>мангал</i>	<i>мангал – коса</i>
<i>буōга</i>	<i>буōга –</i>
<i>биел</i>	<i>биел – лопата</i>
<i>нуй</i>	<i>нуй – веник</i>
<i>Iайг</i>	<i>Iайг – ложка</i>

9. Лексемы, обозначающие наименования частей тела, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>буолда</i>	<i>балда – губа</i>
<i>багā</i>	<i>бага – рот</i>
<i>цариг</i>	<i>церж – зуб</i>
<i>бIариг</i>	<i>бIаьрг – глаз</i>
<i>цIоцIум</i>	<i>цкьоцкъам – бровь</i>
<i>мараш</i>	<i>мар – нос</i>
<i>куйг</i>	<i>куьг – рука</i>
<i>балиш</i>	<i>белиш – плечо</i>
<i>тIарк//тIарик//</i>	<i>даьIахк – кость</i>
<i>лариг</i>	<i>лерг – ухо</i>
<i>пIалиг</i>	<i>пIелг – палец</i>
<i>микх</i>	<i>миекх – усы</i>

10. Лексемы, обозначающие наименования частей тела, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>куорта</i>	<i>куорта – голова</i>
<i>дуог</i>	<i>дуог – сердце</i>
<i>дегI</i>	<i>дегI – тело</i>
<i>куог</i>	<i>куог – нога</i>
<i>букъ</i>	<i>букъ – спина</i>
<i>гуола</i>	<i>гуола – колено</i>
<i>мас</i>	<i>мас – волос</i>
<i>чо</i>	<i>чо – волос</i>
<i>пха</i>	<i>пха – вена</i>

11. Лексемы, обозначающие названия плодов и плодовых деревьев, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>камцаш</i>	<i>кемсаш – виноград</i>
<i>турак</i>	<i>туьрк – абрикос</i>
<i>комур</i>	<i>комар – тутовый плод</i>
<i>хъак</i>	<i>хъач – слива</i>

12. Лексемы, обозначающие названия плодов и плодовых деревьев, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>Iаж</i>	<i>Iаж – яблоко</i>
<i>кхуор</i>	<i>кхуор – груша</i>
<i>цIазам</i>	<i>цIазам – клубника</i>
<i>хъайба</i>	<i>хъайба – персик</i>

13. Лексемы, обозначающие названия домашних и диких птиц, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>олхузар</i>	<i>олхазар – птица</i>
<i>эрзуо</i>	<i>аьрзуо – орел</i>
<i>къайг</i>	<i>къиьг – ворона</i>
<i>бIад</i>	<i>бад – утка</i>
<i>куйра</i>	<i>куьйра – коршун</i>

14. Лексемы, обозначающие названия домашних и диких птиц, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>ɣlaz</i>	<i>ɣlaz – гусь</i>
<i>бух1а</i>	<i>бух1а – сова</i>
<i>хьѡза</i>	<i>хьѡза – воробей</i>

15. Лексемы, обозначающие названия хлебных злаков и продуктов питания, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>борц</i>	<i>борц – просо</i>
<i>туха</i>	<i>туха – соль</i>
<i>диетта</i>	<i>даьтта – масло</i>
<i>нохча</i>	<i>нехча – сыр</i>
<i>ч1ѣпилиг</i>	<i>ч1ѣпалг – блин</i>
<i>к1а̄</i>	<i>к1а – пшеница</i>
<i>нарьц</i>	<i>наьрс – огурец</i>

16. Лексемы, обозначающие названия хлебных злаков и продуктов питания, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>мукх</i>	<i>мукх – ячмень</i>
<i>х1у</i>	<i>х1у – семена</i>
<i>нитт</i>	<i>нитт – крапива</i>
<i>т1уо</i>	<i>т1уо – сметана</i>
<i>муоз</i>	<i>муоз – мед</i>
<i>шура</i>	<i>шура – молоко</i>

17. Лексемы, обозначающие названия времен года, дней и частей суток, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>беттиз</i>	<i>беттаса – луна</i>
<i>эркие</i>	<i>аьхкие – лето</i>
<i>да</i>	<i>де – день</i>
<i>буйс</i>	<i>буйса – ночь</i>
<i>ха</i>	<i>хан – время</i>

18. Лексемы, обозначающие названия времен года, дней и частей суток, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>шо</i>	<i>шо – год</i>
<i>бутт</i>	<i>бутт – луна</i>
<i>малх</i>	<i>малх – солнце</i>
<i>1а</i>	<i>1а – зима</i>

19. Лексемы, обозначающие пространственные понятия, составы основ, которых не совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>генни</i>	<i>генна – далеко</i>
<i>дѣха</i>	<i>дѣха – длинный</i>
<i>лоху</i>	<i>лоха – низкий</i>
<i>л1акха</i>	<i>лекха – высокий</i>
<i>шуйра</i>	<i>шуйра – широкий</i>
<i>уллов</i>	<i>уллие – близко</i>

20. Лексемы, обозначающие пространственные понятия, составы основ, которых совпадают с лексемами литературного языка:

Шаройский диалект	Литературный язык
<i>готта</i>	<i>готта</i> – узкий
<i>йуххие</i>	<i>йуххие</i> – близко
<i>гиерга</i>	<i>гиерга</i> – рядом

Выводы:

1. В лексике шаройского диалекта присутствуют лексемы, в составе которых есть показатель грамматического класса: *вала* – *йалла* – *балла* – *далла* – *умер*; *виь* – *ийь* – *бийь* – *дийь* – *четыре*; *вѳтlуо* – *йѳтlуо* – *бѳтlуо* – *дѳтlуо* – *порвать*.
2. В шаройском диалекте есть лексемы, образованные общевайнахскими словообразовательными элементами: (*диколла* – *доброта*, *йгlузолла* – *злоба*, *дагизалла* – *обида*, *охьуние* – *спуск*, *ирхиэ* – *подъем*, *лѳмуро* – *горец*, *гѳмо* – *ненависть*).
3. В шаройском диалекте есть лексемы, образованные от одной лексемы: (*куйг* – *рука*, *кѳ* – *ладонь*, *кахъѳкх* – *добыть*, *кайиттуш* – *хватать*, *ка-миэрча* – *щедрый*, *ка-хъар* – *ручная мельница*).
4. В шаройском диалекте есть лексемы, которые есть в диалектах чеченского языка (*хи* – *вода*, *къайлиэ* – *тайна*, *туоха* – *ударить*).
5. В шаройском диалекте есть лексемы, которых нет в нахских языках и диалектах чеченского языка: (*нѳхул* – *человечество*, *дуlичlерк* – *гром*).
6. Совпадающие формы единственного числа имен существительных в шаройском диалекте и в литературной форме, проявляют значительные расхождения в основах множественного числа: *дагниш* – *дегнаш* – (*сердце*), *чуошаш* – *чоьш* (*волос*), *шараш* – *шераш* (*год*), *масаиш* – *месаиш* (*волосы*), *мерчиеш* – *марчуош* (*саван*).
7. В шаройском диалекте имеет место совпадения форм множественного числа с литературной формой, при расхождениях в формах единственного числа: *иллай* – *иллиеш* (*песня*), *чѳмай* – *чѳмиеш* (*черпак*), *да* – *де* (*день*) и т. д.
8. В процессе исследования древнего слоя лексики шаройского диалекта, мы обнаружили некоторые фонетические отклонения в шаройском диалекте относительно литературного языка. Чередования в комплексе согласных, сложившихся в результате их исторического развития, например, «рк» в чеченском языке соответствует комплексу согласных «хк» (*маркарий* – *девушки* – *мехкарий*; *тlарк* – *кость* – *тlехк*); и комплексу согласных «рч» в чеченском языке соответствует комплекс «риш», (*шар.*, *буорч саг в-*, б-, 'мужчина', *чеч.*, *боьрша стаг*; *шар.*, *миѳрч саг в-*, б-, 'свободный человек', *чеч.*, *маьрша стаг*).
9. В шаройском диалекте отсутствуют лабиализованные фонемы среднего подъема переднего ряда *оь*, переднего ряда верхнего подъема *уь*, а также нелабиализованная фонема переднего ряда среднего подъема *аь* [2].
10. Вокализм шаройского диалекта отличается от вокализма литературного языка тем, что в нем нет лабиализованных фонем среднего подъема переднего ряда *оь*, переднего ряда верхнего подъема *уь*, а также нелабиализованной фонемы переднего ряда среднего подъема *аь* [2].

Литература:

1. Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.
2. Арсаханов И. А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
3. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
4. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики нахских языков и диалектов чеченского языка. Махачкала, 1975.
5. Чикобава А.С. Задачи диалектологии иберийско-кавказских языков.

- Координационное совещание по вопросам диалектологии иберийско-кавказских языков 19-20 ноября 1956 года. Тезисы докладов, Тбилиси.
6. Алироев И. Ю. Кистинский диалект чеченского языка. Грозный, 1962.
 7. Арсаханов И.Г. ХIинцалера нохчийн мотт. Грозный, 1965.
 8. Беляев М.В. О сравнительном изучении кавказских языков. Записи Северо-Кавказского краевого горского НИИ. Т.2. Ростов-на-Дону, 1929.
 9. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.
 10. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Грозный, 1960.
 11. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и развития горских иберийско-кавказских народов. Грозный, 1963.
 12. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. Грозный, 1964.
 13. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
 14. Мальсагов Д.Д. Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941.
 15. Мациев, А.Г. Оздоев, И.А. Джамалханов З.Д. Чечено-ингушско-русский словарь. Грозный, 1962.
 16. Мациев А. Г. Чеберлойский диалект чеченского языка. – Известия ЧИНИИЯЛ, т. 6, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1965.
 17. Овхадов М.Р. Системность в изучении диалектов (на материале орстхойского диалекта чеченского языка). В кН.: Системность в учебно-воспитательном процессе. Орджоникидзе, 1979.

УДК 81

АХИЙСКИЙ НАРОД И ИХ ПОТОМКИ СКВОЗЬ ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

Х.М. Пхитиков,

Кабардино-Балкарский государственный университет

М.Г. Харатокова,

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия

***Аннотация.** Данная статья посвящена народу Ахийцам, которые упоминаются в клинописных текстах хаттского (аккадского, вавилонского) письма. Для исследования взяты клинописные тексты разных периодов Месопотамии, Малой Азии, Древнего Египта. Исследование клинописных текстов носит сопоставительный характер. К анализу текстов также привлечены приёмы системного анализа, моделирования, для выявления сходств, клинописных текстов с кабардино-черкесским языком. Исследование выявляет типологическое и семантическое сходство хаттского языка с языками абхазо-адыгской языковой группы в частности с кабардино-черкесским языком. Привлечение кабардино-черкесского языка даст объективную картину событий, происходивших в далёком прошлом начиная с XXIV по IX века до н. э.*

***Ключевые слова:** клинописный текст и письмо, кабардино-черкесский язык, семантическое сходство, сопоставительный характер.*

THE ACHAEAN PEOPLE AND THEIR DESCENDANTS THROUGH A TIME CONTINUUM

H.M. Pkhitikov,

Kabardino-Balkarian State University

M.G. Kharatokova,

North - Caucasian State Humanitarian and Technological Academy

***Abstract.** This article is devoted to the people Achaeans which are mentioned in the cuneiform texts of hatt (Akkadian, Babylon) letters. For research cuneiform texts of the different periods of Mesopotamia, Asia Minor, Ancient Egypt are taken. Research the cuneiform of texts has comparative character. To the analysis of texts receptions of the*

system analysis, modeling, are also involved to detection of similarities, the cuneiforms of texts with the kabardino-Circassian language. Research reveals typological and semantic similarity of hatt language to languages of the Abkhaz-Adyghe language group in particular with the kabardino-Circassian language. Attraction of the kabardino-Circassian language will give an objective picture of the events occurring far back in the past starting with XXIV on the IX century BC.

Key words: *cuneiform text and letter, kabardino-Circassian language, semantic similarity, comparative character.*

Хатты – народ, населявший страну Хатти в центральной и юго-восточной части Анатолии (нынешняя Турция) в период 2500–2000/1700 г. до н.э. в эпоху раннего и среднего бронзового века [1, с. 300]. У хаттского народа была письменность в форме клинописи на рубеже IV–III тысячелетия до н.э.

Согласно Михель де Ваан **клинопись** – термин cuneiform был придуман в XVII веке, изначально французское слово, которое в сочетании с латинским cuneus, что переводится как ‘клин’ с французского forme, для создания cunéiforme, что дословно переводится как ‘клин неизвестного происхождения’. Сначала использовался немецким врачом и путешественником Энгельбертом Кемпфером 1681–1716 гг; на английском языке появляется с 1818 года. Как существительное используется с 1862 [2, Etymology Dictionary 2008].

По другой теории клинопись – (от латинского "cuneus" – острие) понятие ввёл Томас Хайд, профессор Оксфордского университета (1636–1703) для обозначения письменности, в которой знаки наносились на глину заостренными палочками [3, <http://express.irkutsk.ru/1000/symbol/diction/k/k4.htm>].

Согласно соотечественнику кабардинцу, вернувшемуся из Сирии, метод клинописного письма, по информации старожилы – Башкур Талаат Омар, издревле назывался гъуц1ынэтх ‘гвоздеписание’. Об этом ему рассказал его дед. Письмо наносили на сырую глину с помощью гвоздя.

Металлические гвозди в Месопотамии появились в III тысячелетии до н.э. сразу же, когда человек познакомился с обработкой металлов – в бронзовом веке. Изготавливались они путёмковки, позже иногда – методом отливки в форме. Об этом нам поведало множество глиняных табличек, найденных в древнем месопотамском городе Ур. Множество бронзовых гвоздей найдено и при раскопках античных городов Средиземноморья [4, с. 70-71].

В сино-кавказскую макросемью входят абхазо-адыгские, нахско-дагестанские языки. Северокавказская семья – объединение двух групп кавказских языков – абхазо-адыгской и нахско-дагестанской. С первыми С. А. Старостин сближает хаттский язык, а со вторыми — хуррито-урартские языки [5, с. 26-34]. Языки данной гипотетической семьи распространены на Северном Кавказе, а также в многочисленной диаспоре на Ближнем Востоке [6, <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].

О непосредственном родстве абхазо-адыгов с цивилизацией Малой Азии, то есть хаттами, свидетельствует ещё и всемирно известная Майкопская археологическая культура, относящаяся к III тысячелетию до н.э. [7, <http://adygi.ru/index.php?newsid=6532>].

По исследованиям Вячеслава Всеволодовича Иванова хаттский язык состоит в родстве с западнокавказскими языками, а именно абхазским, адыгским и убыхским языками. Впервые эту гипотезу высказал в 1920 гг. швейцарский востоковед Эмиль Форрер. Сейчас можно считать “гипотезу в целом доказанной при необходимости уяснения большого числа деталей в будущем”, – писал Вячеслав Всеволодович. Дополнительное доказательство – культура погребений хаттов напоминает майкопскую культуру [8, ru.wikipedia.org].

В клинописных текстах Месопотамии, Малой Азии, Вавилона, Древнего Египта очень часто упоминается народ – “ – Ahî – Ахъи – Ахийцы”.

В энциклопедическом словаре мы находим, что **ахейцы, или ахеяне** происходит от древнегреческого *Ἀχαιοί*, латинского *Achaei, Achivi* (курсив мой Х.П.) – наряду с ионийцами, дорийцами и эолийцами являлись одним из основных древнегреческих племён. Предки ахейцев изначально обитали в районе Придунайской низменности или даже в степях Северного Причерноморья, откуда они мигрировали в Фессалию (с начала II-го тыс. до н. э.), позже – на полуострове Пелопоннес [9, Брокгауз, Ефрона 1890 – 1907].

В отрывках из поэмы (*Enuma eliš*) датированных 2400-2200 годом до н.э. упоминаются народ Ахийцы:

39. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
51. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
55. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
63. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
139. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
147. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
157. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
158. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨
161. 𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨	𒊩 𒊧 𒊨 𒊨 𒊩 𒊨

Транслитерация (Х.П.):

- 39. Lu Uš ha-l Ur-ma al ka-t I-si-nu Lu-sa a-da-ui A-ĥi
- 51. A-ĥi-i-tu Ma-ra-š-ma Ab-si Im Me-ri Pa-n šu
- 55. Mi-ma ui-ka pu-du Bu A-ĥi-r Uš i-schi-n
- 63. I-ma-n Ma-ra-š-ma i-na A-mi-sch ui-si-pa-schi A-ĥi
- 39. ЛЫ Уш хьэл Урмэ Иэл кьат Исыну Лусэ адэуи Ахьи
- 139. A-mi-ri ši-nu Sa-ra za-bi-sch lu A-hi ha-ra-mi-m
- 147. I-na a-na-an Bu ui-khi-ri ša šu ui-t Iš Kui-nu-schi Bu A-ĥi-ra
- 157. A-da Di-n Ma-ra-š-ma Um Hu-sch-ma-sch i-ra-ta-sch u Ša-di-ma A-ĥi
- 158. Ka-ta ka-ja ka-ša in Ne-nna a lu-ri A-ĥi si-t pi-ka
- 161. I-ra-šu Ui Kui-nu An iz Ba-li-ni A-ĥi-ha

Читаем по кабардино-черкесски:

- 39. ЛЫ Уш хьэл Урмэ Иэл кьат Исыну Лусэ адэуи Ахьи
- 51. Ахьи тгу Марашмэ Абси Им Мери Пан шу
- 55. Мимэ уикIэ пуду Бу Ахьир Уш ищIын
- 63. Иман Марашмэ инэ Амышц усипэщи Ахьи
- 139. Амыри шыну Сарэ зэбищ лЫ Ахьи хьэрэмым
- 147. Инэ анаан Бу укIыри шэ шу Iут Иш КIунущи Бу Ахьирэ
- 157. Адэ Дин Марашмэ Ум Хушцмэщ иратIэщ у Шадымэ Ахьи
- 158. Кьата кьэджа кьашэ ин Ненна а лЫри Ахьи ситI пикьэ
- 161. Ипашу Уи КIуну Ан из Балини Ахьихэ

Перевод на русский язык:

- 39. Воин Ушийец характером Уриец злой позвали в Исин Люсю отца Ахийца
- 51. Ахийцев двое из Мараша Абиец Им Меров Пан всадник
- 55. Мима последний Бу Ахийца делают Ушийцем
- 63. Иман Марашев любимый Амышша с острым тонким носом Ахиейц
- 139. Амир боится с Сарой в ссоре воин Ахиейц неверный
- 147. Любимого анаанца Бу убивает вези всадника стоящего в Ише Куна Бу Ахийца
- 157. Отец Дин Марашев Умова Хушцмаша перевернули в Шаде Ахийцы
- 158. Передали позвали привезли грозного Нена он воин Ахиейц с двумя торчащими саблями
- 161. Навсегда отвозит в Уи Куна анийку полно в Балине Ахийцев

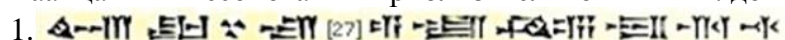
И так в клинописном тексте упоминается народ Ахийцы, ахийское имя Нен,

ахийский бог Бу, упоминается облик ахийца с острым тонким носом.

Нынешние вайнахи по антропологическим данным археологов являются результатом смешения двух рас – кроманойдной – кавказской автохтонной и переднеазиатской. В результате этого смешения появилась новая необычная раса – кавкасионская, к которой принадлежат чеченцы и ингуши. **Кавкасионский тип носа** - нос длинный, широкий переносица узкая, к кончику нос постепенно расширяется. Профиль прямой и, реже, выпуклый. Кончик расположен горизонтально или загнут вниз. **Переднеазиатский тип носа** – *орлиный тонкий нос* (курсив мой Х.П.). **Кроманойдный тип носа** - широкий нос [10, <http://shguno.livejournal.com/60976.html>].

Самоназвание чеченцев нохчий – вайнахи (чеч. вайнах, ингуш. вейнах — «наш народ») термин, под которым в современном кавказоведении понимают большую часть носителей нахских языков. Этимологическое происхождение, которого не до конца изучена, как и происхождение самих чеченцев и ингушей. Слово вайнахи по хаттски “уа-ин-ахьи” перевод на русский язык “бьющий грозный ахиец”. Так как буква “В” образуется лишь в VI веке до н.э. правильной всего надо произносить УА-ИН-АХИ. Ошибка произношение именно на букве “В”.

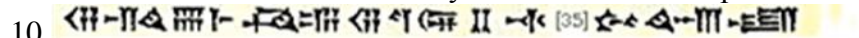
Представляю вавилонскую письменность - войну ахийцев с наанцами и маанцами в Месопотамии приблизительно 14-11 вв. до н.э.

1. [27]

1. A-ĥi-ši-r-ku-ira-si-e-li-ša-m-ka-l-pa-ri-ti

1. Ахьи шыр кьураси елI Шамкьал Парыти.

1. Ахийцев на доблестном коне убивает Шамкал Паритов.

10. [35]

10. Dz-a-ji-zi-ma-ša-m-ka-l-dz-i-ti-ni-ĥ-ti-gu-a-ĥi-lu.

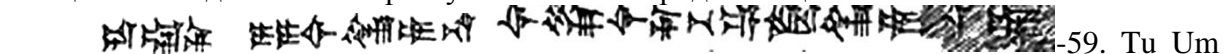
10. Дзэ джызмэ Шамкьал дзитI нихьти гу Ахьи лы.

10. Под многочисленный стон армии Шамкал несёт сердце ахийского воина.

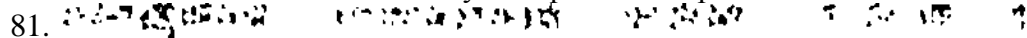
Письмо из Митанни, митаннийское письмо, использующееся в историографии – название написанного по-хурритски митаннийским царём Тушраттой документа, относящегося к первой половине XIV в. до н. э. Письмо было найдено в 1887 году в Амарне. Первоначально насчитывало 494 строки, полностью или частично сохранилось 466 строк. Текст письма касается дел, связанных с браком Тадухепы, дочери Тушратты, с Аменхотепом III. «Письмо из Митанни» – один из основных источников изучения хурритского языка [11, ru.wikipedia.org Письмо из Митанни].

По описанию Г. Вильгельма документ написан на глиняной табличке клинописью, также Г. Вильгельм считает, что вступительные обороты написаны по-аккадски, хотя, как отмечает автор, написано в тексте всего лишь 16 строк [12, с 35-36]. М. Попко отмечает, что текст поделён на четыре колонки и первоначально содержал 494 строки, который написан на западном диалекте хурритского языка [13, с 11-108.].

Письмо из Митанни представляет собой хаттско (аккадскую) клинопись и манеру письма. В чём мы с вами ниже убедимся. Примечателен тот факт, что в клинописных текстах не встречается народ под названием – хурриты. Проанализируем некоторые строки клинописного текста письма из Митанни, который датируется концом XV в. до н.э. в котором упоминается народ Ахийцы:

-59. Tu Um

Ni-i i-ši A-ĥi-ha na-ši šu-r i-schi Ni bi-da-si A-ĥi-ha ui-t Ka-ma-59. (2) Ту Ум Нии иши Ахьихэ наши шур ишИ Ни быдаси Ахьихэ Иут Къама – ‘Двоих Умийцев в Ни увозят Ахийцев восемьдесят всадников у Ни крепости перед Ахийцами стоит Кама’

81.

81. Pa A-ĥi-ri Un-si En Iš lu Ni i-pa-sch uk gu Uš a gui-ui-a

81. Пэ Ахьири Унси Ен Иш лы Ни ипэщ укI гу Уш а гууиа

81. Первый Ахиец Униец Ен Ишийский воин Ниец первых убивают в колеснице

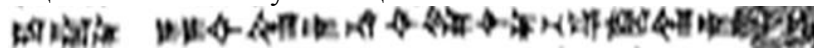
Ушийцев сердцу больно

Кол 1:

10. I-ša An i-ša An ša si Ni i-pi Ui is Ni-si En Nu A-ĥi ĥa-tsch a An Nu A-ĥi ĥa

10. Ишэ Ан ишэ Ан шэ си Ни ипи Уи ис Ниси Ен Ну Ахъи Хъатщ а Ан Ну Ахъи хъэ

10. Отведи Ан спаси Ан спаси моего Нийца вперед Уийца живущего в Ни Ена Ну Ахийца Хата из Ана Ну Ахийца человека

59.

59. Tu Um Ni-i i-si A-ĥi-ha na-ši šu-r i-schi Ni bi-da-si A-ĥi-ha ui-t Ka-ma

59. Т1у Ум Нии иши Ахъихэ наши шур ищ1и Ни быдэси Ахъихэ 1ут Кама

59. Двоих Умийцев в Ни увозят Ахийцев восемьдесят всадников у Ни крепости перед Ахийцами стоит Кама

Кол III: 59.

59. Im pa-a Nu Ku-ua Uš lu a Mu-na-ti i-ni iš-ar ša A-ĥi Ra a al lu ma-an

59. Им пэ а Ну Кууэ Уш лы а Мунэти ини ишэр шэ Ахъи Ра а ал лы маан

59. Им впереди Ну в Ку Ушийский воин он Муна грозный уведи спаси Ахийский бог от злого воина маанца

Как мы видим, из содержания клинописного текста из Митанни Ахийцы поклоняются богу Муна и главным городом является Ну. Ономастически в чеченском народе сохранился род Мунаевых. Исследование доказывает, что в далёком прошлом чеченский народ в клинописных текстах указывается как народ Ахийцы и имел тесные контакты с хаттами предками абхазо-адыгской языковой семьи.

Литература:

1. Akurgal Ekrem – The Hattian and Hittite Civilizations. – Publications of the Republic of Turkey; Ministry of Culture, 2001. – 300 с.
2. Michiel de Vaan. Этимологический словарь латинского и других италийских языков. – Leiden-Boston: Brill. 2008.- С. 887.
3. Клинопись. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://express.irkutsk.ru/1000/symbol/diction/k/k4.htm>
4. Шомахова Т.М., Пхитиков Х.М. Хатты в древних языках и культурах. – М. 2015. – С 70-71.
5. Старостин С.А., Николаев С.Л. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии//Сб. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. «Наука», Главная редакция восточной литературы. – М., 1984. – 26-34 с.
6. Северокавказские языки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Хатты, синдо-меотские племена. Адыги – История. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=6532>.
8. Абхазо-адыгские языки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ru.wikipedia.org/wiki/Абхазо-адыгские языки](https://ru.wikipedia.org/wiki/Абхазо-адыгские_языки).
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
10. Древнейшие предки Вайнахов (Чеченцев и Ингушей). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shguno.livejournal.com/60976.html>.
11. Письмо из Митанни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ru.wikipedia.org](https://ru.wikipedia.org/wiki/Письмо_из_Митанни).
12. Г. Вильгельм. Древний народ хурриты.- М., 1992.- С.35-36
13. Popko M. Huryci. – Warszawa, 2005.pp.11, 108.

УДК 811.352.1

РУКОПИСИ ЭКСПЕДИЦИИ ПРОФ. А.Н. ГЕНКО В АБАЗИНСКИЕ АУЛЫ 1929 ГОДА

П.К. Чекалов

Ставропольский краевой институт развития образования, повышения
квалификации и переподготовки работников образования

***Аннотация.** Статья описывает записи профессора А.Н. Генко, осуществленные в 1929 г. в абазинских аулах Черкесии: их состав, содержание, формальные признаки и особенности. Анализ подводит к выводу об уникальности обнаруженных архивных материалов, их исключительно важном значении для языковедов, фольклористов и литературоведов.*

***Ключевые слова:** экспедиция, сбор, записи, текст, абазинский язык, говор, фольклорные произведения.*

MANUSCRIPTS OF PROF. A.N. GENKO EXPEDITION TO ABAZA AULS IN 1929

P.C. Chekalov,

Stavropol Regional Institute of education development, training and retraining of educators

***Abstract.** This article describes Professor A.N. Genko's recording, made in 1929 in Abaza auls, Circassia: their structure, content, formal characteristics and features. The analysis leads to the conclusion about the uniqueness of the discovered archival material, their crucial significance for linguists, folklorists and literary critics.*

***Key words:** expedition, collecting, recording, text, Abaza language, dialect, works of folklore.*

Анатолий Нестерович Генко являлся профессором Ленинградского государственного университета, Института Востоковедения Академии Наук, возглавлял Кавказский кабинет в Институте этнографии и антропологии АН СССР. Он был из плеяды ярких ученых-полиглотов, владевших многочисленными языками народов мира, в том числе Кавказа и Закавказья. Он – автор первой подготовленной к изданию монографии об абазинском языке: «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта». Готовая в мае 1934 года рукопись монографии по независящим от автора причинам пролежала 21 год и вышла только в 1955 г., когда автора уже не было в живых.

В 1920 – 30-е гг. А.Н. Генко предпринял более 20 научно-исследовательских поездок на Кавказ для сбора и изучения лингвистических, этнографических, фольклорных материалов проживавших в этом регионе народов. Среди них – и две экспедиции в абазинские аулы Черкесской автономной области. Первая состоялась в августе 1929 г. на средства, отпущенные Азиатским музеем Академии Наук СССР. По словам самого ученого, «планом работ первой поездки предусматривались по преимуществу интересы сравнительно-диалектологического порядка: в центре внимания стояли отношения, связывающие абазинский язык с языком абхазским, служившим предметом специального научного внимания автора в течение предшествовавших поездке к абазинам полутора лет <...>. В результате удалось установить общую схему распределения языковых фактов по всем наречиям и говорам абхазского и абазинского языков, выяснить наиболее существенные особенности абазинского языка в отличие от северо-абхазского [1] (зеленчукского) наречия абхазского языка и записать ряд текстов абазинских и северо-абхазских...

Целевая установка второй поездки 1933 г. включала целый ряд вопросов чисто

практического порядка, связанных с интересами абазинской письменности и школы, с другой же стороны, имела в виду сосредоточение главного внимания на абазинском языке, как таковом, вне тех связей, которые существуют у него с родственными языками» [2, с. 3 – 4].

Таким образом, в общей сложности ученому удалось посвятить изучению абазинского языка около 2 месяцев работы на месте. Он ездил по абазинским аулам, собирал интересующий его лингвистический материал, записывал его специально разработанными латинскими знаками, обрабатывал, систематизировал, комментировал, использовал в своей монографии. Преимущественно это были фольклорные материалы. После ареста и последовавшей гибели все рабочие и научные материалы ученого оказались в Государственном архиве Санкт-Петербурга и лишь несколько лет тому назад были обнаружены Президентом Академии Наук Абхазской Республики З.Д. Джапуа.

Можно предположить, что у А.Н. Генко под рукой одновременно находились две рабочие тетради: одна – в линию, другая – в клетку. И, вероятнее всего, они использовались попеременно, как для черновых записей, так и для переписывания текстов набело. Это легко устанавливается по почерку: в обеих тетрадях наличествуют полевые и начисто переписанные страницы.

Попавшие нам в руки материалы являются копиями отдельных мест этих тетрадей. Анатолий Нестерович нумеровал страницы своих записей, но не каждую из них, а – разворот из двух страниц, и номер обычно выставлялся в правом верхнем углу второй страницы, располагавшейся справа. Материалы в большинстве своем и представляют собой ксерокопии разворота из двух страниц. Встречаются и односторонние копии. И в тех случаях, когда таковыми оказываются первые (левосторонние) страницы разворота без номера, их трудно бывает привязать к какому-либо тексту.

Всего в нашем распоряжении оказалось 197 листов. Из них 51 страница из тетради в клетку, остальная часть – из тетради в линию. В свою очередь, материал, вошедший в тетрадь в клетку, условно можно разделить на две части. Первая из них охватывает страницы 97 – 104 и представляет собой набело переписанные от руки тексты фольклорных произведений (в основном – сказки, + одна песня, + небольшое сказание о Сосруко). Всего – 13 листов.

Тут напрашивается резонный вопрос: что же содержалось в этой тетради с 1-й по 96-ю страницы?

Вторая часть объемнее (38 листов) и являет собой черновые записи 16 разножанровых текстов: сказки, сказания, предания, песня, быль. Характерная деталь: в абсолютном большинстве своем эти тексты перечеркнуты косыми линиями или же крестообразно. По нашему мнению, Генко перечеркивал записи после того, как переписывал их начисто. Действительно, за исключением одной не зачеркнутой сказки все остальные тексты этого блока воспроизведены в переписанных набело материалах.

Также следует отметить, что, помимо текстов, многие страницы этой части отведены под словарь: практически после каждого текста ученый приводил множество абазинских слов и их перевод на русский язык.

Еще одна особенность данного блока: он не имеет ни начала, ни конца. При ксерокопировании в большинстве страниц номера оказались срезанными, поэтому трудно даже судить: это цельная часть или состоит из разрозненных фрагментов. В отдельных случаях, когда нумерация просматривается, выявляются числа: 109, 116, 130–131, 137–141.

Первый блок тетради в линию в 87 листов представляет собой начисто переписанные от руки 23 разножанровых текста: сказки, сказания, предания, были, моление, фольклорные сатирические стихи, авторские стихи, загадки, пословицы. Более половины (12 из 23) этих текстов снабжены русскими переводами,

выполненными самим собирателем. И здесь множество страниц отводится под толкование абазинских слов и словосочетаний с их переводом на русский язык. Этот блок самый значительный не только по объему, но и по представленному ценнейшему материалу. Отметим, что здесь пронумерована каждая отдельная страница и весь блок имеет единую сквозную нумерацию от 1 до 87. В отдельный блок можно выделить черновые записи трех сказок, одного предания и одной биографической справки. Они тоже имеют сквозную нумерацию от 147 до 155.

Снова зададимся вопросом: что располагалось между двумя этими блоками на страницах 88 – 146 и где оно сейчас находится?

В самостоятельный блок напрашиваются 17 преимущественно набело переписанных листов, содержащих как цельные, так и обрывочные тексты (одни – без начала, другие – без конца). На многих из них отсутствует нумерация (вероятно, представляют собой первую половину разворота), вследствие чего трудно определить их место среди рукописей ученого.

Скорее всего, при ксерокопировании этой части оказались пропущенными отдельные страницы, возможно, что они затерялись вообще и отсутствуют в архиве Генко. Этот вопрос предстоит разрешить. Судя по отдельным сохранившимся номерам (96, 142, 144), этот материал располагался где-то между 87-страничным и 9-страничным блоками из тетради в линию.

Весь рассмотренный материал относится к экспедиции 1929 года, о чем свидетельствуют следующие данные:

1. Самый большой 87-страничный блок имеет общее заглавие: «Абазинские тексты (1929 года)»;

2. В блоке со сквозной нумерацией 147–155 после предания «О том, как шахгиреевцев выгнали из гор» указано не только имя сказителя (Уазба НыхІв), но и время и место записи: «5 сент. 1929 г. Баталпашинск».

3. В рассмотренный самым последним блок включен перевод сказки «Дадым», сопровождавшийся примечанием: «Перевод с абазинского оригинала, записанного А.Н. Генко в августе 1929 г. со слов Татлустана Табулова в селении Бийбаркт (Эльбурган) Черкесской автономной области)».

4. В остальных двух блоках в той или иной степени, в черновом или чистовом вариантах обнаруживаются сказки, зафиксированные в предыдущих. Следовательно, записаны они в одно и то же время.

Ставившиеся по ходу описания рукописей вопросы говорят о том, что еще не все материалы поездки 1929 года обнаружены. Во всяком случае, встает необходимость тщательной перепроверки фондов Государственного архива Санкт-Петербурга для выявления недостающей части рукописей.

Точно такая же задача встает и относительно записей А.Н. Генко, сделанных во время экспедиции 1933 года. На то, что они могут храниться в том же самом архиве, указывают два документа, оказавшихся среди рукописей 1929 года. Первый из них представляет двухстраничную записку, составленную 24 февраля 1933 г. и подписанную самим Генко. Здесь подробно излагается цель поездки, предполагаемые маршруты, сроки, расчет средств и состав. Вторая рукопись была составлена уже в ходе самой экспедиции: на первой странице рукой А.Н. Генко выведено: «Абазинский. 15.IX.1933 г.», остальная часть (ксерокопии восьми разворотных страниц) является фрагментом чернового абазино-русского словаря со сквозной нумерацией от двух до девяти. Таким образом, встает насущная необходимость скорейшего обнаружения, обработки, систематизации и издания материалов экспедиции А.Н. Генко и 1933 года.

Возвращаясь к рукописям 1929 г., нужно отметить, что они составлялись в то время, когда абазины еще не обладали письменностью (они ее получили в конце 1932 г.), и потому А.Н. Генко вынужден был разработать собственный алфавит. Основой для него послужила латиница, и он изобрел 68 знаков для передачи звуков абазинской

речи.

Всего по записям А.Н. Генко восстановлено 40 разножанровых текстов, включая пять загадок и около 150 пословиц. И здесь нужно сделать несколько замечаний относительно формы и содержания рукописей.

1. А.Н. Генко являлся лингвистом, поэтому материалы при переписывании он составлял в блоки, исходя не из жанровых определений, а по месту их записи. Ему важно было зафиксировать различия говора между жителями разных аулов, а жанры, видимо, его интересовали мало. Таким образом, основная часть беловых записей подразделяется по названиям аулов, в которых они были записаны: «Дударуковское наречие», «Бибердовское наречие», «Лоовское наречие» (по всей вероятности, Инжич-Чукун – Инджиглокт), «Егибоковский говор» и т.д.

2. Учитывая особенности произношения того или иного селения, в записях Генко обнаруживается вариация использования пары звонких и глухих звуков в конце слов: «гІайхІвад» – «дгІайхт», «йгІасауб» – «дсырхъвыхп». По современной орфографии в концах первой пары слов должна стоять одна и та же буква «гІ», а в концах второй пары – «пІ».

3. В отдельных случаях для пояснения смысла или указания возможных иных словоформ Генко использовал сокращенные латинские обозначения «scil.», «rsp.», «var.»: «Дал ему (scil. мальчику) твердое обязательство...»; «Ты обязательно должен сказать мне (rsp. невозможно, чтобы ты не сказал мне)»; «Рамхута, пришел в эту страну (var. появился в этой стране)...»

В других случаях поясняющий материал он просто ставил в скобки: «ЩажьгылгІв йтшан тшаба ацІайкІид (щажьы йгылыз йтшан тшаба ацІайкІб)». Порой скобки он использовал для записи русского перевода слова или целой фразы: «Чви бжи абадырума? (сытый голодного не понимает)» или для уточнения общего смысла: «Хъапщ гІацІихид йхІван, гІва гІацІихд (обманувшемуся в ожидании)».

Иногда ученый после слова или фразы ставил вопросительный знак: «Аква йагІвсыз уапІа гІаыщтІумххын (?)», «Ажва хъагІа уартыдзбта (?)», «ажва айша ухънарчІваб». Вероятно, в таких случаях для него что-то оставалось не до конца проясненным.

4. Некоторые недочеты текстов Генко объяснял ситуационными причинами: «К этому побуждали и условия «полевой» работы записи текстов под диктовку дороживших своим рабочим временем крестьян». Относительно текста «Рамхута, сын Хакашауа» Генко высказался еще определеннее: «Текст обрывается, к сожалению, на середине в виду отъезда осведомителя на работу в отдаленный участок».

5. Часть абазинских текстов, как об этом говорилось выше, снабжены переводом, выполненным самим А.Н. Генко. Принцип создания перевода ученый раскрыл в примечаниях к сказанию «Рамхута, сын Хакашауа»: «Русский перевод здесь, как и далее, сознательно-компромиссный: буквальная, слово за слово...» Будучи лингвистом, Генко важное значение придавал фиксации звучания абазинского слова в контексте, а неоправданные повторы, общий стиль повествования его, видимо, мало волновали.

6. Попутно с абазинскими записями на полях тетради или в конце текстов он делал пометки для себя, составлял переводы отдельных слов или словосочетаний. При этом наблюдается желание автора систематизировать записываемую лексику, составляя рядом близкие по значению слова или слова из одного корня: «амдырра – не знать», «азымдырра – не способность узнать», «йыгысыздырам – не знаю», «йыгысыздырауам – никак не могу узнать». Примеры показывают, что Генко отчетливо различал оттенки близких по звучанию слов. Это же подтверждается и другими примерами: «йахъыгу – сторона, где он находится», «йахъану – место, где оно лежит, местонахождение».

Порой ученый, не ограничиваясь только переводом, по свежим следам тут же набрасывал свои наблюдения лингвистического плана, сопоставления звучания

абазинских слов с различными диалектами абхазского и кабардинского языков. Для языковедов, занимающихся сопоставительным исследованием абхазо-адыгских языков, эти наброски представляют несомненный интерес. Характерным в этом плане становятся примечания, следующие после сказания «Рамхута, сын Хакашауа». Можно предположить, что эти записи ученый успел оформить более профессионально и использовать в других своих трудах, посвященных абхазскому языку.

8. В чистовых материалах имя сказителя, как правило, не указывается, но в черновых записях оно часто фиксировалось, хотя и не под каждым текстом. Нам представляется, что в тех случаях, когда записывалось два или три текста от одного и того же рассказчика, имя ставилось под первым или последним из них. На такое предположение наталкивает следующее наблюдение: в черновике предание «О том, как шахгиреевцев выгнали из гор» подписано: «5 сент. 1929 г. Баталпашинск. Узба НыхИв». Следующий за этим текст озаглавлен: «Уазба НыхИв дшГаныкъвас» («Путь Озова Нуха»), но тут уже имя рассказчика отсутствует. В данном случае оно легко восстанавливается из названия.

То же самое наблюдаем мы в тех же черновых записях относительно следующих друг за другом двух авторских стихотворений «Мир, разрушенный кровопийцами и насильниками...» («УГІа щажвта зальмыжкква йдрыхъвашаз адунай...») и «О Кубань, Кубань...» («Уа Къвбина, Къвбина...»): под первым из них стоит имя автора – Адам Хачуков, а под вторым – нет, хотя несомненно, что автором и второго произведения является тот же стихотворец.

Без какого-либо преувеличения записи А.Н. Генко можно признать уникальными. Такая оценка обусловлена рядом причин.

1. Ученый сохранил звучание абазинской речи во всей ее непосредственности в то время, когда она еще не была отягощена в своем бытовании многочисленными заимствованиями, как в наше время.

2. Помимо двух основных диалектов (тапантского и ашкарского), ученый зафиксировал отличительные особенности абазинской речи в каждом ауле отдельно. Для языковедов это имеет огромное значение.

3. Благодаря А.Н. Генко до наших дней дошло множество фольклорных произведений, которые после него никому больше не удалось зафиксировать.

4. В записях Генко сохранились отдельные жанры фольклора, которые впоследствии никем отмечены не были: фольклорные сатирические стихи.

5. Огромным историко-культурным значением обладают предания «Тапанта ртурых» («История абазин тапанта») и «Чагъарыйа ащхъа йшГатырцаз» («О том, как шахгиреевцев выгнали из гор»). Ничего подобного в последующей абазинской фольклористике не было.

6. Задним числом Генко пополнил состав абазинских нартских сказаний записями «Къайдыхв атурых» («История памятника Кайдух»), «Сасрыкъва йтурых» («Сказание о Сосруко») и «Тлакъвашвауа йпа Рамхвыта» («Крестьянский сын Рамхута»).

7. Наиболее полным изданием абазинских пословиц и поговорок является составленный Н.Т. Табуловой сборник «Афористическая поэзия абазин» (Черкесск, 1977), вобравших в себя 2226 национальных крылатых выражений. Сегодня этот сборник можно дополнить 80 пословицами из тех, что в 1929 году были записаны А.Н. Генко.

8. Одним из зачинателей абазинской письменной литературы признан Нух Абрамович Озов, репрессированный в 1935 году, вследствие чего о его биографии практически ничего не было известно. В свое время Генко составил его биографическую справку, и сегодня по ней можно составить общую жизненную канву одного из первопроходцев национальной литературы.

9. Историю становления абазинской литературы национальные литературоведы восстанавливали по публиковавшимся в начале 1930-х гг. в периодической печати

и школьных хрестоматиях произведениям. Благодаря запечатленным записям двух стихотворений Адама Хачукова, восстанавливается доселе неизвестное имя человека, стоявшего у самих истоков зарождения национальной литературы.

Расшифровка текстов А.Н. Генко, их систематизация и издание позволит современным абазинам познакомиться с записями, осуществленными 85 лет тому назад, и с тех пор пролежавшими в буквальном смысле в законсервированном виде. Наибольший интерес этот материал вызовет у ученых-языковедов, занимающихся проблемами абазинского и абхазского языков, но также он окажет бесценную услугу национальным фольклористам и литературоведам.

Литература:

1. Государственный архив Ставропольского края. Ф 1260, Оп. 1, Ед. хр. 258, Л. 3 – 4.

Примечание: А.Н. Генко северо-абхазским языком называл ашкарский диалект абазинского языка, сохранившего наибольшую близость к абхазскому языку.

УДК 81

ИСКОННЫЙ И ЗАИМСТВОВАННЫЙ ПЛАСТЫ ЛЕКСИКИ В НАЗВАНИЯХ ПИЩИ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

С.Э. Эдилов,

Чеченский государственный университет

Аннотация. В работе рассматриваются исконный и заимствованный пласты лексики, содержащие наименования пищи. По мнению автора, заимствованная группа лексики вошла в чеченский язык в ходе исторического развития в связи с расширением и усилением экономических, политических, культурных и иных связей и контактов с другими народами. Автором раскрываются процессы, сопутствующие успешной адаптации таких единиц в различные периоды развития чеченского языка.

Ключевые слова: наименования пищи, исконный и заимствованный пласты, взаимодействие и взаимосвязи нахских и других языков, словарный состав, тюркизмы, персизмы, арабизмы русизмы.

ABORIGINAL AND BORROW FORMATIONS LEXIS IN THE TITLE FOOD CHECHEN LANGUAGE

S.E. Edilov,

Chechen State University

Abstract. The paper deals with the age-old layers and borrowed vocabulary containing names of food. According to the author, artist borrowed vocabulary entered the Chechen language in the course of historical development in connection with the expansion and strengthening of economic, political, cultural and other relations and contacts with other people. The author reveals the processes that accompany a successful adaptation of such units in the different periods of development of the Chechen language.

Key words: food names, original and borrowed beds, interaction and relationship of Nakh and other languages, vocabulary, Türkisms, persizmy, Arabisms Russianisms.

Кавказ имеет богатейшую этническую, культурную, языковую историю.

«В лингвистической науке известны факты интенсивных контактов между языками различной групповой принадлежности. Достаточно вспомнить, например, мегрельско-абхазские, сванско-цезские, грузино-нахские, грузино-аварские, грузино-дагестанские ареальные взаимосвязи» [Халилов, 2004: 35].

Исследование результатов многовековых контактов чеченского и грузинского языков, нашедших отражение в их фонетике, морфологии и особенно в лексике представляет несомненный интерес как в плане кавказоведения, так и в плане теории языкознания.

«Между народами Кавказа в течение длительного исторического периода существовали экономические, политические и культурные взаимоотношения» [Халилов 2004: 17].

Как известно, чеченцы являются ближайшими соседями грузинского народа. В процессе исторического развития они жили, поддерживая тесные отношения, как между собой, так и с соседними народами.

Изучение грузинского вклада в чеченский язык и чеченского в грузинский даст возможность сделать обстоятельные выводы прежде всего лингвистического плана. Исследование этих вопросов представляет собой актуальную проблему, связанную с насущными задачами ареального и сравнительно-исторического изучения кавказских языков. Это позволит пролить свет на экстралингвистические аспекты исторического взаимодействия народов Кавказа. Общее особенно хорошо просматривается в наиболее древних названиях, а именно в их внутренней форме, в их мотивировке.

Займствования из грузинского языка особенно заметны в кистинском диалекте чеченского языка. Приведем примеры: *гуагар* «тыква», *атлам* «персик», *кламах* «форель», *кьоврам* «бульон, суп», *куотам* «курица», *ихо* «утка», *члачла* «выжимки», *ноьс* «дыня» и т.д.

В наименованиях пищи чеченского языка выделяются исконный и заимствованный пласты. Основным пластом лексики являются исконные слова, составляющие большинство. Наиболее древним слоем лексики является собственно чеченский, который характеризуется наличием большого количества лексем, отражающих жизненно важные понятия.

Общеизвестно, что в языке отражается исторический опыт и культура данного народа. Исследователи утверждают, что язык определяет наше восприятие действительности и что разные языковые коллективы по-разному видят то, что объективно является одной и той же действительностью. Процесс заимствования иноязычной лексики в большей или меньшей степени присущ любому языку во все периоды его развития, поскольку языки не существуют в полной изоляции. Изучение языкового заимствования имеет достаточно большую традицию в языкознании, так как невозможно найти какой-либо язык, который не пополнял бы своего лексического состава за счет иноязычных слов.

Проблема взаимодействия языков является одним из основных аспектов не только собственно-лингвистического, но и социолингвистического изучения языка. Степень воздействия одного языка на другой зависит от целого ряда факторов: политических, социально-экономических и культурных. Займствования дают возможность для более точного суждения о процессах, происходящих в языке или имевших место в истории языка.

Взаимодействие и взаимосвязи нахских и других кавказских языков с различными языками в условиях политических, экономических и культурных связей народов в определенной степени оказало влияние и на лексику и грамматику контактирующих языков.

Факт заимствования слов в лексике достаточно хорошо известен и считается одним из основных средств пополнения словарного состава. Более того, если проследить этимологию многих лексических единиц, появляющихся в языке (обычно в результате заимствования), то выяснится, что в языке-источнике они являются или некогда были словами с различной семантикой. У отдельных заимствованных слов сохранилось то же значение, что и в языке-источнике, а некоторые слова немного изменили своё значение.

В чеченском языке представлены заимствования из ряда языков мира, которые не находятся в генетическом родстве. Эти заимствования связаны с чеченским языком, в первую очередь, в силу исторических обстоятельств.

Вследствие того, что чеченский язык в свое время подвергался воздействию ислама и имел традиции мусульманской науки, а, следовательно, и соответствующей лексики, в словарном составе чеченского языка имеется определенное количество арабо-тюркско-персидских лексических элементов, часть которых ассимилировалась и адаптировалась применительно к строю чеченской живой речи, другая часть – либо не привилась к чеченскому языку, либо вышла из употребления в нем.

В истории распространения на Кавказе арабского языка и арабоязычной культуры акад. И.Ю. Крачковский различает два периода: «На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, не глубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI века, постепенно создала в Дагестане, Чечено-Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии, местную оригинальную литературу на арабском языке» [Крачковский 1960: 611].

Наиболее активный этап распространения арабского языка и литературы начинается с XVIII века и продолжается до 20-х годов XX в. В этот период, по справедливому суждению И.Ю. Крачковского, на Кавказе замечается своеобразный "ренессанс" арабской культуры. Вместе с тем следует отметить, что в это же время граница арабского влияния отчетливо перемещается на север [Крачковский 1960: 612].

Процесс усвоения и проникновения арабизмов тесно связан как с распространением ислама и арабского языка, как языка религии, так и с расширением торгово-экономических и культурных отношений. Вместе с исламом на территорию Чечни активно проникали арабский язык и арабская культура.

Незначительное место среди заимствований занимают арабизмы: *мисхал* «крупинка зерна», *занжабил* «имбирь», *хорбаз* «арбуз», *балл* (араб. *багли*) «вишня/черешня» и т.д.

Тюркско-чеченские контакты также уходят своими корнями в глубокую древность и отличаются особыми условиями и результатами. Процесс заимствования в результате тюркско-чеченских языковых контактов обоюдный. Некоторые тюркизмы, войдя в чеченский язык подверглись переоформлению в соответствии с внутренними законами языка. Тюркизмы заимствованы в основном в ходе экономических и бытовых отношений.

Тюркизмы в названиях пищи чеченского языка многочисленны. Они охватывают названия молочной и мясной пищи, названия напитков, названия злаков, культурных и травянистых растений. Приведем примеры: *глаймакх* (тюрк. *кьаймакъ*) «сливки», *члаглар* (тюрк. *чягыр*) «вино», *кьабагъ – глабакх* «тыква», *курзнаш* (тюрк. *курзе*) «пельмени», *чуорна* «бульон» и т.д.

Персизмы занимают также незначительное место среди заимствований. Историческими предпосылками из персидского языка также служили торгово-экономические связи. В количественном отношении они уступают арабизмам и тюркизмам.

Их можно разделить на: 1) названия плодов и растений: *хурма* «финик»; *инжир* «инжир», *нар* «гранат»; 2) Названия пищи: *шекар* «сахар», *пилу/пулу* «плов» и т.д.

Со второй половины XIX века, после окончания Кавказской войны и присоединения Чечни к России (1859 г.), начинается новый этап в истории русско-чеченских отношений, который можно считать в плане дореволюционных русско-чеченских языковых контактов наиболее результативным. Этот этап характеризуется заметным развитием торговли, сельского хозяйства и промыслов.

Русские заимствования в чеченском языке являются более поздними. Русизмы - это новый развивающийся пласт лексики чеченского языка. В настоящее время

наблюдается приток русизмов, в том числе и названия пищи: *камнет* «конфета», *борщ* «борщ», *котлет* «котлета», *компот* «компот», *лимонад* «лимонад», *лимон* «лимон», *картол* «картошка», *помидор* «помидор», *копаста* «капуста» и т.д.

Приведенный материал чеченского языка подтверждает мысль А.А. Брагиной, что "заимствованное слово не всегда живет только потому, что используется для дифференциации определенных понятий, определенных реалий. Заимствованное слово может быть и фактом, обогащающим синонимический ряд, служить средством разнообразного выражения, одного понятия, как бы доказывая необходимость избыточных средств выражения в нашей речевой деятельности, необходимость разнообразия в выражении, казалось бы, одних и тех же понятий" [Брагина 1974: 40].

За свою историю чеченский язык имел многообразные по форме и продолжительности контакты с арабским, иранским, тюркскими и русским языками. Экономические, политические, культурные и другие связи чеченцев с другими народами способствовали проникновению в чеченский язык значительного количества иноязычных слов, которые не просто заимствуются, но адаптируются и подчиняются законам фонетики и грамматики.

Таким образом, словарный состав чеченского языка обогащался не только за счет своих внутренних ресурсов, но и за счет лексических заимствований и иных элементов из других языков.

Проведенный анализ названий пищи показал, что данная группа лексики чеченского языка в ходе исторического развития претерпела определенные изменения, вызванные различными факторами, прежде всего расширением и усилением экономических и политических, культурных и иных связей и контактов.

Литература:

1. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. Т. VI. М.-Л., 1960.
2. Халилов М.Ш. Грузино-дагестанские языковые контакты. М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Ахмадова З.М. Проблемы экологии в лирике У.Д. Яричева как отражение основных тенденций развития современной чеченской поэзии.....	3
Бачалова И.Б. Реалистический метод Бальзака («Сельский врач», «Евгения Гранде»).....	6
Бичеев Б.А. Судьба автора и романа «Мудрешкин сын».....	10
Биданок М.К. Языковые черты диалога в русской и адыгской прозе.....	15
Гучетль З.Х. Национальная этническая идентичность в прозе Ю.Чуяко.....	18
Далиева Э.Х. Любовь как сущее человеческой души в повести А.И. Куприна "Поединок".....	22
Жачемук З.Р. Особенности развития адыгейской детской литературы в творчестве Хазрета Панеша.....	29
Закирова Ф.Н. Жанровое своеобразие романов «обладать» А. Байетт и «Чаттертон» П. Акройда.....	32
Исаева Р.У. Наука и проблема человеческого счастья в романе А.Р. Беляева «Человек-амфибия»...35	
Канкошев А.М., Канкошева Ф.М. Обрядовая поэзия в свадьбе адыгов- черкесов.....	39
Капланова А.И. Родильная поэзия ногайцев.....	45
Паранук К.Н. Диалог культур в романе Л. Балаговой «Царская любовь» (трагическая история Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича Грозного).....	49
Садулаева М.Х. Природа как первооснова в произведениях В. Белова и В. Солоухина.....	54
Степанова Т.М., Аутлева Ф.А. «Глобализация или антиглобалистика?»: Об одной полемике в диалоге двух художников (Исхак Машбаш – Юрий Кузнецов)...	57
Тамахина Е.Ю. Мотив памяти в любовной лирике А. Ахматовой.....	61
Хуако Ф.Н. Актуальный сегодня для адыгов сирийский репатриант с его пониманием.....	65
Хунарикова П.Х. Структурные разновидности философской лирики А. Блока.....	69
Хусиханов А.М. Философско-символическая основа романа Томаса Манна «волшебная гора».....	72
Шаманова Ф.Д. Заговоры и заклинания в народной словесности карачаевцев.....	78
Яндарбиев Х.Ш. Реализм изображения жизни в творчестве К. Ибрагимова и А. Авторханова.....	82
Алдиева З.А. Древняя антропонимия чеченцев как фрагмент языковой картины мира.....	86
Анчек С.Х. Глагол адыгейского языка в исследованиях Г.В. Рогава.....	89

Бесолова Е.Б.	
О корпусе текстов «малых» фольклорных форм в статье П.К. Услара.....	92
Вагапов А.Д., Абдулазимова Т.Х.	
Нохчийн меттан палиндромаш	
/лексические палиндромы в чеченском языке/нохчийн меттан палиндромаш.....	97
Гишеев Н.Т.	
Вопрос об абстрактном и конкретном выражении понятий.....	102
Дзидзария О.П.	
Диалектная база абхазского литературного языка.....	105
Довлеткиреева Л.М.	
Безэквивалентные единицы чеченского	
языка как лакуны для русской лексической системы.....	108
Вагапов А.Д., Ильясова Р.С.	
Нохчийн меттан антонимаш. Антонимаш-причастеш.....	116
Ирезиев С-Х.С.-Э.	
Особенности лабиализации гласных при образовании	
временных форм в чеченском и ингушском языках.....	120
Меджидов М.Г.	
Разряды имен существительных андалальского	
диалекта аварского языка и их отношение к категории числа.....	126
Сулейбанова М.У.	
О гипотаксисе в горских иберийско-кавказских языках.....	129
Тания Е.Ш.	
Наименования сельскохозяйственного инвентаря в абхазском языке.....	135
Халидов А.И.	
О возможности сближения («мягкой унификации»)	
алфавитов языков народов Северного Кавказа.....	137
Халикова А.Х.	
Особенности древнего слоя лексики шаройского диалекта.....	142
Пхитиков Х.М., Харатокова М.Г.	
Ахийский народ и их потомки сквозь временной континуум.....	149
Чекалов П.К.	
Рукописи экспедиции проф. А.Н. Генко в абазинские аулы 1929 года.....	154
Эдилов С.Э.	
Исконный и заимствованный пласты	
лексики в названиях пицци чеченского языка.....	159

CONTENTS

Ahmadova Z.M. Environmental issues in the lyrics of Yaricheva as a reflection of the basic tendencies of development of modern chechen poetry.....	3
Bachalova I.B. Realistic method of Bal'zaka («Rural doctor», «Evgeniya Grande»).....	6
Bicheev B.A. The fate of the author and the novel «Mudreshkin son».....	10
Bidanok M.K. language features of dialogue in russian and adyge prose.....	15
Guchetl Z.H. National ethnic identity in the prose of Yu Cuaco.....	18
Dalieva E.H. Love as the essence of the human soul in the tale of A.I. Kuprin "The duel".....	22
Zhachemuk Z.R. Features of development of adygei children's literature in the works of Hazrat Panesa.....	29
Zakirova F.N. Genre originality of novels "possession" A.Bayett and "Chatterton" P.Akroyda.....	32
Isaeva R.U. Science and the problem of human happiness in the novel A.R. Belyaev «Amphibian man».....	35
Kankoshev A.M., Kankosheva F.M. Ceremonial wedding poetry adyge- circassian.....	40
Kaplanova A.I. Birthing poetry nogais.....	45
Paranuk K.N. Dialogue of cultures in I. Balagova's novel "Tsar's love" (The tragic story of love between Maria Temryukovna and Ioann Vasilyevich Grozny).....	49
Sadulaeva M.H. Nature as fountainhead in works V. Belov and V. Solouhin.....	54
Stepanova T.M., Autleva F.A. «Globalization or anti-globalization?»: On one controversy in the dialogue between the two writers (I.Mashbash – Yu. Kuznetsov).....	57
Tamahina E.Y. The motif of memory in the love lyrics of A. Akhmatova.....	61
Huako F.N. Relevant today adygea syrian returnees with his understanding.....	66
Hunarikova P.Kh. Structural varieties of philosophical poetry of A. Blok.....	69
Khusikhanov A.M. Philosophic and symbolic basis of the novel "The magic mountain" by Thomas Mann.....	73
Shamanova F.D. Spells and incantations in folk literature of the karachay people.....	78
Yandarbiyev Kh.Sh. The realism of the image of life in the works K.Ibragimov and A. Avtorhanova.....	82
Aldieva Z.A. Ancient chechens anthroponomy as language fragment picture of the world.....	86
Anchek S.H. The verb adyge language in research G.V. Rogava.....	89
Besolova E.B. About the texts of «small» folklore forms in Peter Uslar's article.....	93

Vagapov A.D., Abdulazimova T.H. PALindrome nokhchi mettan. / lexical palindromes in the chechen language /palindrome nokhchi mettan.....	98
Gishaev N.T. Question about abstract and concrete expression concepts.....	102
Dzidzarya O.P. Dialect base abkhazian literary language.....	105
Dovletkireeva L.M. Non-equivalent units of the chechen language as the lacunae for the russian lexical system.....	108
Vagapov A.Zh., Ilyasova R.S. The antonyms and antonyms-participles of chechen language.....	116
Ireziev S-X.S-E. Features labialization vowels in the formation of tenses in the chechen and ingush languages.....	120
Majidov M.G. Digits of nouns of theandalal, s dialect of the avarlanguage and their attitude toward the category of number.....	126
Suleybanova M.U. About hypotaxis in ibero-caucasian languages.....	130
Tania E.Sh. Agricultural equipment names in the abkhazian language.....	135
Halidov A.I., The possibility of convergence ("soft unification") alphabets of the language of the north Caucasus.....	137
Khalikova A.Kh. Features of ancient layer of vocabulary of sharoy`s dialect.....	142
Pkhitikov H.M., Kharatokova M.G. The achaeen people and their descendants through a time continuum.....	149
Chekalov P.C. Manuscripts of prof. A.N. Genko expedition to abaza auls in 1929.....	154
Edilov S.E. Aboriginal and borrow formations lexis in the title food chechen language.....	159

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЧЕНСКОЙ
И ОБЩЕЙ ФИЛОЛОГИИ»
(«ДЕШЕРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2016»)**

Подписано в печать 09.12.2016 г. Формат 60x84 1/8.
Бумага писчая. Печать-ризография.
Усл. п.л. 13.2. Тираж 500 экз.
Распространяется бесплатно.

Издательство Чеченского государственного университета
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный, ул. Киевская, 33